

МИР СТРУГАЦКИХ

РАССВЕТ И ПОЛДЕНЬ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ • БОРИС СТРУГАЦКИЙ •
ЛЮДМИЛА БЕЛАШ • АЛЕКСАНДР БЕЛАШ •
ИГОРЬ МИНАКОВ • МАЙК ГЕЛПРИН •
ЮЛИЯ ОСТАПЕНКО •

Русская фантастика (Эксмо)

Александр Громов

**Мир Стругацких. Рассвет
и Полдень (сборник)**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Громов А. Н.

Мир Стругацких. Рассвет и Полдень (сборник) /
А. Н. Громов — «Эксмо», 2017 — (Русская фантастика
(Эксмо))

ISBN 978-5-699-94510-8

Таинственный незнакомец открывает молодому астроному ужасающую правду о грядущей судьбе человечества. Верить ли пришельцу из будущего или... продолжать заниматься своим делом?.. Бойцовый Кот Гаг наконец-то встречается в лукавом мире земного Полдня настоящего человека. Он даже готов отдать этому загадочному русскому свой автомат... Зона Посещения в России гораздо опаснее Хармонтской, но стоит ли нашим сталкерам рассчитывать на Золотой Шар?.. У начальника канцелярии Хрона Монадовича Вия только одно заветное желание, а у программиста НИИЧАВО Саши Привалова лишь несколько мгновений, чтобы его остановить... Эти и другие захватывающие истории – в новом сборнике из цикла «Мир Стругацких»! Первая книжная публикация найденного в архивах рассказа Аркадия и Бориса Стругацких «К вопросу о циклотации»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94510-8

© Громов А. Н., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

От составителя	7
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий	9
Сквозь полдень	17
Майк Гелприн	17
Юлия Остапенко	33
Юлия Остапенко, Майк Гелприн	47
Перед рассветом	68
Людмила Белаш, Александр Белаш	68
Александр Матюхин	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Мир Стругацких. Рассвет и Полдень (сборник)

© Бариста А., Белаш А., Белаш Л., Вереснев И., Владимирский В., Гелприн М., Головлёва Н., Громов А., Золотько А., Клещенко Е., Крич Ж., Матюхин А., Минаков И., Никитин Д., Остапенко Ю., О`Рэйн, Стругацкий А., Стругацкий Б., Таран А., Тихомиров М., Шатохина О., Щетинина Е., Ярлова Л., Ясинская М., 2017

© Состав и оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

От составителя

Приступая к составлению этого сборника, я не был уверен, что нам удастся его собрать. Не оттого, что текстов по мотивам творчества АБС пишут мало – их как раз великое множество. А потому, что создать достойное произведение «по мотивам» очень и очень нелегко. А когда речь идет об АБС с их многогранной философией, уникальной стилистикой, фирменным юмором, с их героями, наконец, – в особенности.

Когда коллеги предложили мне участие в этом проекте, я для себя решил, что соглашусь лишь при условии, что сборник будет основываться не на рассказах мэтров. Что произведение мэтра попадет в него только и только в том случае, если выдержит конкуренцию. Об этой конкуренции я в двух словах сейчас расскажу.

Принято считать, что последним явлением в русскоязычной фантастике была так называемая цветная волна. Читая многочисленные критические статьи на эту тему, можно прийти к выводу, что после цветной волны, которая пять, а то и десять лет назад отцвела, короткую форму стали писать исключительно подмастерья. Некая безымянная толпа, производящая на свет литературу второй, если не третьей, свежести.

Более того, подобный вывод мне не раз приходилось слышать от весьма эрудированных читателей. «Назовите мне имена, – неоднократно слышал я. – Кто может сравниться с последними могиками из цветной волны – с Дмитрием Колоданом, Шимуном Врочекком, Иваном Наумовым, Кариной Шаинян и еще десятком талантливых авторов, которые почему-то в последнее время пишут крайне и крайне редко, короткую форму в особенности».

Я называл имена, давал ссылки, но в ответ, как правило, слышал – «мы таких не знаем». Немудрено, потому что для того, чтобы знать писателя, надо его читать.

Я горжусь тем, что на этот раз сборник составлен преимущественно из произведений именно тех, кого «мы не знаем». В нем нет ни одного «громкого имени». Зато в нем есть тексты. И с моей точки зрения, – а это точка зрения практикующего рассказчика, – отличные тексты.

Оговорюсь: составить сборник из сплошных шедевров невозможно. Литературный хит – товар штучный, на конвейере хиты не производятся. Поэтому в каждом сборнике, кто бы и по какой бы методике его ни составлял, найдутся тексты разного уровня.

Я горжусь тем, что в этот сборник нам удалось отобрать с десятков рассказов, про которые я – не как составитель, а как читатель – могу сказать: «Это отличный текст». Я не стану их сейчас перечислять, потому что мое читательское мнение, как и любое прочее, субъективно, а значит, другим наверняка понравятся те рассказы, которые мы сочли достойными включения в сборник, но я лично оценил ниже конкурентов.

Итак, из почти сотни поступивших нам произведений мы отобрали те, которые составительская команда посчитала лучшими. И авторы этих текстов не только опытные Юлия Остапенко, Александр Золотко, Елена Клещенко, Марина Ясинская, Игорь Минаков, а также те, кто сейчас стремительно взбегаёт по литературной лестнице вверх. Ольга Рэйн, Елена Щетинина, Женя Крич, Александр Матюхин, Агата Бариста, Андрей Таран – обратите внимание на эти имена, уважаемые читатели. И на написанные этими авторами произведения.

Напоследок позвольте сказать, что составители и авторы потратили немало времени и сил на то, чтобы выпустить качественный – подчеркиваю, качественный! – сборник, охватывающий широкий спектр из наследия АБС. Мы надеемся, что нам удалось решить поставленную задачу. И сообща взять планку, установленную на весьма значительной высоте.

Ну а судить об этом, дорогие читатели, вам.

Майк Гелприн

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий К вопросу о циклотации

Я обрабатывал дневники за складным столиком. День был жаркий, и я сидел в ватных штанах и сапогах, но голый по пояс.

Этот человек вышел из-за палатки и остановился в нерешительности, поглядывая на меня исподлобья. Я не очень удивился, то есть не удивился его появлению. К нам иногда заходили гости: чабаны, молчаливые деликатные люди; туристы, изможденные, как солдаты на походе; местное начальство, верхами, на громадных лошадях. Но таких посетителей я еще никогда здесь не видел. Он явно не был ни балкарцем, ни кабардинцем, ни карачаевцем, внешность у него была чисто русская, более того, сугубо городская: бледные щеки, модная прическа, хорошо вымытые руки. И одет он был странно – в отличный современный костюм и остроносые туфли. Это в ста километрах от ближайшего города, в мокрых горах, где дороги грязны и разбиты. Он не поздоровался. Он просто спросил:

– А вы что делаете?

Было такое впечатление, будто он только что задавал этот вопрос другим людям.

– Работаю, – ответил я немного растерянно. Я подумал, что он, может быть, приехал инспектировать нашу точку.

– Я понимаю, что вы работаете, – сказал он. – Я хотел спросить: над чем работаете? Чем занимаетесь?

– Над чем работаю?.. А в чем дело?

– Я просто так... – он огляделся. – Мне интересно... Вот палатки тут у вас... А это что такое?

– Это? Это телескоп. Называется ТЭМ-140.

– Тэм сто сорок... – повторил он тихо.

– Телескоп экспедиционный менисковый, – пояснил я. – Диаметр объектива – сто сорок миллиметров.

– Миллиметров... – он поднял брови. – Объектив.

Да кто он такой, в самом деле, подумал я. Чего ему надо? Я спросил:

– Вы не с базы?

– База... Нет, я не с базы... А почему он под чехлом?

– Чтобы солнце не раскаляло. Вы не турист?

Он замялся.

– Пожалуй, меня можно назвать туристом. А что вы с ним делаете?

– С кем? Ах, с телескопом?.. Ну что делают с телескопом? Мы наблюдаем.

– Что наблюдаете?

– Качество изображений.

– Качество... – он опять поднял брови. – Ну и что же?

– Слушайте... – начал я решительно и замялся. Я хотел объяснить ему, что занят и вообще не могу говорить на произвольные темы с незнакомым человеком, но мне вдруг стало неловко, было что-то детское в его вопросах, не похожее на праздное любопытство.

Он глядел на меня испуганными круглыми глазами.

– Присаживайтесь, – сказал я. – Хотите чаю?

Он помотал головой.

– Нет, я не хочу чаю. Но я сяду.

Он поднял с земли складной стул, нерешительно повертел его в руках, раскрыл и осторожно сел. Мы помолчали.

- Я вижу, вы не местный, – сказал я.
- Н-нет...
- Издалека?
- Из центра, – сказал он.
- Из центра? Из какого центра?
- Из центрального, – сказал он простодушно. – Я прибыл из города.
- Что же вы, по воздуху летели? – спросил я подозрительно.
- Н-нет... А что?
- Пешком? Слишком уж у вас чистые туфли.
- Как... чистые? – Он покраснел и задвигал ногами. – Ну и что же, что чистые?
- Ну, знаете... – сказал я и вытянул свои ноги в сапогах. Сапоги имели довольно обычный для этих мест вид. – Вот полюбуйтесь.
- Ах, вы это имеете в виду? – сказал он, вдруг просяяв. – Но у меня тоже так!
- С этого момента все и началось. Оказалось, что на нем тоже сапоги – огромные сапоги, заляпанные черной грязью. Я испытал что-то вроде удара, когда это увидел. Я подумал, что либо сплю сейчас, либо спал, когда он появился.
- Все это не имеет значения, – сказал он успокоительно. – Я только хочу понять, что у вас к чему...
- Как вы это сделали? – спросил я, облизывая губы.
- Совершенно не имеет значения, – сказал он нетерпеливо. – Это лишь фокус.
- Вы что – фокусник?
- Да, я фокусник. Это фокус. Или, например, вот... – он вытянул ладонь, и на ней появилась монетка, затем он повернул ладонь, и монетка исчезла. – Всего лишь фокус, – повторил он.
- Очень интересно, – проговорил я. – Всегда мечтал побеседовать с фокусником.
- Честно говоря, я уже тогда понимал, что он не фокусник, но уж так мы устроены, что стараемся все необычное немедленно втиснуть в рамки привычных представлений. Век рационализма, ничего не поделаешь...
- А я мечтал побеседовать с ученым, – сказал он. – Ведь вы ученый?
- Д-да... Вернее, научный сотрудник.
- Это не одно и то же?
- Не всегда...
- Не всегда... Ну хорошо, пусть не всегда... А как вы стали ученым?
- Странный вопрос... Учился, читал, работал...
- Я неправильно спросил. Я хотел спросить – почему?
- Что?
- Ну чем вы занимаетесь? Кто вы?
- Астроном.
- Астроном... А зачем?
- Что – зачем? Зачем я астроном?
- Да.
- А зачем вы фокусник?
- Я... Я другое дело.
- Почему это вы – другое дело?
- Он нетерпеливо заерзал.
- Я хочу задать вам несколько вопросов, – сказал он. – Можно?
- Можно. Вы и так только и делаете, что задаете вопросы, а я не могу понять, что вам нужно.

На лице его изобразились растерянность и досада, словно он был недоволен собой.

– Да, конечно... Я понимаю. Вы не сердитесь. Я никак не могу... В общем, так. Давайте, я начну так. Что вот это все? – он обвел рукой вокруг.

– О чем это вы?

– Вот это все... Вы, палатки, телескоп.

– Это экспедиция, – сказал я. – Мы ищем место для установки нового большого телескопа.

– Зачем?

К таким вопросам я привык.

– Телескоп дорогой. Его надо поставить в таком месте, где хороша прозрачность, редко бывают облака, спокойная атмосфера. Чтобы каждую ночь можно было на нем наблюдать. Чтобы он окупил себя, понимаете? Чтобы не простаивал и давал хорошие снимки. – Он напряженно слушал, приоткрыв рот. – Это то же самое, как если строят металлургический завод. На пустом месте его не строят. Сначала стараются разведать мощное месторождение, проверяют, надолго ли хватит запасов руды... Понимаете?

– Понимаю, – сказал он. – А зачем?

– Что – зачем?!

– Нет... это я так... давайте еще что-нибудь про телескопы.

– Про телескоп я уже все рассказал. Вот по всей стране разослали экспедиции. Мы наблюдаем звезды, оцениваем в числах качество изображения. Набираем материал за много дней, а потом будем сравнивать, где он лучше, где хуже. В том месте, где изображения самые хорошие, где самый большой процент ясных ночей, там поставят большой телескоп.

Он слушал внимательно, но у меня было такое чувство, будто его интересует что-то совсем другое.

– Понятно? – спросил я.

– Да. Я только не понимаю, зачем это вам?

– Ну как – зачем? Мы астрономы. Мы исследуем космос...

И тут он словно взорвался.

– Зачем вам космос?! – закричал он. Лицо его перекошилось и пошло пятнами. – Зачем вам все это: космос, телескопы, заводы, овцы?! Вы обречены, понимаете? Разложение... распад... рассинхронизация! – Он выкрикнул несколько странных, совершенно незнакомых мне слов, похожих на научные термины. Я запомнил только одно – что-то похожее на «циклотацию». – Что произошло здесь у вас? Как произошло здесь у вас? Как случилось, что вы стали узнавать, и менять, и исследовать... Объектив! Миллиметр!.. Можно понять – дома. Пусть овцы... Усложнение потребностей. Развитие специализации клеточных колоний... Но космос! Но спутники! И ваша история!.. И вы знаете, помните, и никто понятия не имеет о циклотации!.. Сложнейшая общественная жизнь, политика, войны, расы и племена!.. Интересы, интересы, интересы!.. Человеческие, космические!.. И ваше солнце! Вы сгустили его! И это в условиях социальной неразберихи!.. И непонятно, непонятно... – Он дрожал и чуть не плакал. – Я ничего не узнаю здесь... Я хотел совсем другого... Задача ставилась так ограниченно: двухступенчатая циклотация с трехмерным выходом... Некоторое укрупнение клеток. Допускаю. Пусть простейшие, пусть даже растения, зеленый цикл... Хотя не понимаю, почему хлорофилл при светиле такого класса?.. Ну кто мог предвидеть такую эволюцию на базе псевдожизни!..

Я сходил в палатку и принес чайник с холодным чаем. Мне было страшновато. Я не врач и никогда не видел таких сцен. Что-то неприятно извращенное чудилось мне в его словах, в его бреде, в его нервной дрожи. И в то же время я ощущал: все это каким-то образом касается меня лично и всех нас вообще.

– Выпейте-ка, – сказал я по возможности спокойно, наливая чай в чашку.

Он непонимающе уставился на меня.

– Зачем?

– Все бы вам знать – зачем, зачем... Выпейте, успокойтесь.

Он резко отвел мою руку с чашкой.

– Не успокоит это меня, – сказал он с досадой, но уже спокойнее. – Почему вы все такие смешные – успокойтесь, успокойтесь... Я вас должен успокаивать, а не вы меня. Вы понимаете, что вас ждет?

– Кого? – спросил я. – Меня?

– И вас, может быть... Хотя нет, вас – нет. Слишком рано. Но всех остальных, которые будут потом... Диссипация... – Он замолчал, выкатив глаза. – Страшно представить, – пробормотал он. – Все в один день. Сначала старики, потом молодые... Дети останутся среди мертвых, рассыпающихся в порошок... – Его передернуло.

Я, холодея, ждал. Вы представить себе не можете, как страшно и неприятно было на него смотреть. Хорошо одетый, симпатичный человек, с приятным лицом, и вдруг глаза начинают поблескивать и косить, рот передергивается, и несетя бред, полный глубокой трагической убежденности.

– Послушайте, – снова начал он, – скажите честно... только не обижайтесь и не думайте, что это глупая шутка... мне совсем не до шуток. Так вот... только честно! У вас никогда не появляется потребность... как бы это объяснить... Словом, вам никогда не хочется войти в воду и делать вот так?

Он стал как-то странно раскачиваться, делая забавные, но очень сложные движения руками и головой. На первый взгляд эти движения были совершенно нелепы, но они не казались никчемными, в них чувствовалась какая-то целеустремленность, что-то они мне напоминали, то ли движения какого-то механизма, то ли чьи-то профессиональные жесты – массажиста, фокусника, гипнотизера... В них ощущалась некая «нужность», это не были движения «просто так». Это были движения «зачем-то». Я следил за ним как зачарованный. Он перестал и посмотрел на меня.

– Нет? Никогда не хотелось?

Я почесал в затылке.

– Знаете, говоря честно – нет. Хотя они что-то мне напоминают, эти ваши эволюции. Не могу только припомнить – что.

Он горестно покивал.

– Да. Понимаю вас. Этого и следовало ожидать.

Он замолчал и глубоко задумался. Я тоже молчал, глядя на него. Я все пытался понять, что это значит, кто он такой и что мне с ним делать, если это сумасшедший. Все-таки больше всего он был похож на сумасшедшего.

– Это и есть циклотация, – сказал он наконец тихо. – Не сама циклотация, но кинематический ритм, для циклотации здесь нет материала, и поэтому выход мал. Да вы и не заметили бы его. Выход происходит в другом темпе времени... Скажите, а слово «циклотация»... Впрочем, я говорю чушь.

– Вы хотите спросить, знакомо ли мне слово «циклотация»?

– Да... Но это чушь. Откуда вам его знать? Это я сказал пустяк.

– Я должен вам сказать, что... «цикл» – это распространенное слово, и поэтому...

– Нет, нет, не будем об этом. Это пустяк... Еще один вопрос. Последний. Самый последний. Вы астроном, да?

Я кивнул.

– Правильно я понимаю, что вас интересуют физические процессы, происходящие в масштабах весьма больших сравнительно с планетной единицей длины?

– В общем, да.

– Строение звезд, строение звездных систем?..

– Да... галактики. Метагалактика... космогония, космология...

– Так. Тогда вопрос. Только честно. Вы... Вас... Вот вас лично это действительно увлекает? Вас эти проблемы действительно побуждают к деятельности?

– В общем, да. Несомненно. Все это чрезвычайно увлекательно.

– Увлекательно... А вы никогда не спрашивали себя: зачем? Зачем это вам, собственно, надо? Почему просто не существовать – питаться, размножаться, оберегать себя и потомство?

Теперь он говорил совершенно спокойно и рассудительно. Такой вопрос, по-моему, рано или поздно приходит в голову практически любому человеку. Мне он тоже приходил. И много раз мне приходилось спорить на эту тему. Я сказал:

– Все это не просто. Дело, вероятно, в том, что человек основательно отличается от животных. Ему органически присуща потребность в избыточной информации: инстинкт познания. Вопрос «зачем» не имеет смысла. Познание – это необходимость. Это свойство мощной нервной организации. Это не зависит от нашего «я». Это нам присуще так же, как собаке – отличный нюх, а птице – отличное зрение... Я, наверное, недостаточно четко выражаюсь?

– Нет. Достаточно. Я понимаю. К сожалению, я все отлично понимаю. – Он, помрачнев, откинулся на спинку стула. – Я понимаю главное: как-то, почему-то, каким-то страшным попушением вы стали носителями разума.

– Кто – мы?

– Вы. Все.

– А вы?

– Я – другое дело, – сказал он устало. – Я, собственно, преступник. А точнее – я просто неудачник. Я не сумел. Может быть, ошиблась машина. Может быть, какая-то логическая прореха. Все это выяснится. Все это выяснится очень скоро... только, пожалуй, слишком поздно...

– Простите, – сказал я, решившись, – а что, собственно, произошло? Что это с вами?

Он печально рассматривал меня своими красивыми серыми глазами. Не могло быть у сумасшедшего таких глаз. Стоило ему стать таким – спокойным и печальным, как я начинал ему верить. Это от меня не зависело.

– Да, естественно, – сказал он. – Вы хотите понять. Вы – не циклотатор, вам хочется разобраться во всем. – Он подался вперед и положил ладонь на мою руку. – Человек, – сказал он. – Хорошо! Если бы не точка останова, все было бы великолепно. Это была бы счастливая ошибка. Но!..

Я ждал. Он убрал руку и продолжал:

– Коротко говоря, все вы были задуманы как циклотаторы. Это такие машины, вы не поймете... Два миллиарда ваших лет назад я забросил сюда кое-какое оборудование и поселился на берегу горячего океана. Я разрабатывал тогда новый вид циклотации, более экономичный и требующий минимальных сроков. Я был совершенно уверен в себе, все было отлично. Двое суток – наших суток – я непрерывно работал. Потом меня буквально на час вызвали в лабораторию. Это было пятьдесят миллионов ваших лет назад. И за какой-то час... – Он покачал головой. – В чем-то я просчитался. Может быть, недостаточно учел геологическую эволюцию, циклотаторы не получились. – Он вдруг остановился. – Скажите, возможно, вы случайно знаете, хотя вы не специалист... Но все-таки, в вашем организме, внутри; нет ли чего-нибудь такого, что вызывало бы недоумение, казалось бы нецелесообразным. Вы понимаете?

Я пожал плечами, стараясь сохранить непринужденность. Прежде всего спокойствие и вежливость. Все хорошо, все культурно: два интеллигентных молодых человека рассуждают на абстрактные темы.

– Право, я не знаю, – сказал я. – Есть рудиментарные органы, атавизмы. Например, аппендикс, отросток слепой кишки. Совершенно никчемная вещь. Или, скажем, гланды. Хотя гланды, кажется, это какой-то фильтр...

– Аппендикс, – повторил он. – Что ж, возможно. Правда, я не совсем понимаю... Покажите, где он у вас.

Я показал. Он задумчиво смотрел на мой живот.

– Конечно, следовало бы посмотреть... (Эге, подумал я, подобравшись. Начинается.) Но судя по всему... Может быть, в этом все дело. Впрочем, какая теперь разница! Циклотаторы не получились. Из псевдозародышей выросло нечто непредсказанное, эволюция отклонилась от программы и дала человека...

– Что ж, – вставил я. – И прекрасно.

– Да, – он печально вздохнул. – Это было бы прекрасно, если бы я не спрограммировал точку останова. Ведь циклотаторы – это прикладные механизмы. Пока циклотация идет – они нужны, когда циклотация заканчивается, включается останов и... – Он замолчал.

Я тоже молчал, думая, как бы перевести разговор на другую тему. На западном склоне появилась отара. Впереди отары, опираясь на длинную полированную палку, шел Магомет – покурить и выпить чаю. Я плохо представлял себе, как он будет реагировать на странные высказывания моего незнакомца. Мне не хотелось осложнений. Магомет – человек простой, добрый, но дикий.

– Лучше бы вообще ничего не получилось, – сказал незнакомец. – Циклотаторы бы не сработали, эксперимент бы провалился, и пусть его... А получилось, что я вызвал к существованию разумную жизнь и сам же спрограммировал ее уничтожение в предельно короткие сроки... Какие-нибудь десять-двадцать тысяч локальных лет.

– Н-да, – сказал я неопределенно. Магомет приближался.

– В разгар развития, – сказал незнакомец. – Когда кажется, что вся вселенная в твоих руках... – Его опять передернуло.

Магомет помахал мне издали палкой. Я помахал в ответ.

– Ну что ж, я пойду, – сказал незнакомец. – Простите меня. Я, конечно, попытаюсь что-нибудь сделать...

– Ну что вы, – сказал я рассеянно. – Не стоит беспокоиться. Как-нибудь обойдется.

Он усмехнулся.

– До свидания, – сказал он.

– Будьте здоровы, – сказал я.

Я ожидал, что он встанет и пойдет. Но произошло нечто удивительное. Почти фокуса с туфлями. Повторяю, я ожидал, что он поднимется, раскланяется и пойдет себе своей дорогой. Но он вдруг как-то провис в стуле, руки упали, глаза стали стеклянными, плечи опустились. Я с ужасом смотрел на него. Это был уже не человек, это был труп – белый, холодный, жуткий... Он медленно кренился набок, и я уже вскочил, чтобы его подхватить, как вдруг он снова ожил, встряхнулся и сказал смущенно:

– Простите, чуть облик не забыл. До свидания еще раз.

Он поднялся и, поклонившись, пошел по дорожке, которую мы наездили за месяц и обложили камешками, чтобы не заблудиться, возвращаясь в лагерь в тумане. Я смотрел ему вслед.

Я часто вспоминал этот разговор. На дежурстве ночью, когда небо затянуто облаками и надо следить за ними и пользоваться каждым часом прояснения, я забирался в наш «газик», устраивался поудобнее на сиденье и думал, думал, думал, глядя, как ветер несет над палатками клочья серого, светлого в темноте тумана.

Должен признаться, я убежден, что это был не сумасшедший фокусник. Не так уж много на свете фокусников, а уж встретить сумасшедшего фокусника, да еще в этих местах, да еще такого искусника... По-видимому, самое рационалистическое объяснение оказывается не самым вероятным. С другой стороны, я очень люблю фантастику и много читал о пришельцах из других миров. А когда прочтешь сорок рассказов, где описаны сорок вариантов встреч с гонцами иных цивилизаций, в конце концов свыкаешься с мыслью, что это вполне возможно. И вообще дело не в том, кто был мой незнакомец. Можно рассматривать оба варианта по очереди, как это делают в математике, если не удастся доказать ложность или справедливость каких-либо утверждений. Пусть, например, он был просто сумасшедшим. Тогда, конечно, не следует делать далеко идущих выводов из нашего разговора. Однако подумать о том, что он говорил, все равно интересно. И тем более это интересно, если он был пришельцем, чуждым Земле существом, использовавшим человеческую внешность как видимую оболочку.

Как бы то ни было, я усматриваю тут две основные проблемы. Может ли случиться так, что мы с вами – потомки искусственных существ? И не только мы с вами, но и вся живая природа вокруг? И – фантазировать так фантазировать – не может ли быть и вся Солнечная система искусственным сооружением? В конце концов, науке до сих пор не удалось толком объяснить, как она возникла. И вторая проблема. Как относиться к тому возможному факту, что нас изготовили лишь на некоторый срок, и мы развалимся со временем, как приходят в негодность изготавливаемые нами автомобили, брюки, дома? Аналогия эта, правда, не совсем удачная. Брюки и автомобили приходят в негодность от естественных причин, а тут речь идет об автоматическом запрограммированном самораспаде. Как если бы мы умели создавать такие строительные аппараты, которые, возведя стены и перекрытия дома, крышу стелили бы, используя материал собственных деталей.

Мое мнение по этим проблемам вот какое. Во-первых, все это вполне возможно. Мы сами постепенно подбираемся к решению таких задач, как создание искусственного живого белка и могучих кибернетических устройств. Не пройдет и ста лет, как белковые кибернетические машины сделаются самой обыденной вещью, лишь бы оказалось, что они экономичны и удобны в обращении. С другой стороны, по-моему, все, что человек может себе представить, уже существовало или существует сейчас. Существует, наверное, и такое, что находится принципиально вне человеческих представлений, по крайней мере пока.

Вселенная бесконечна не только в Пространстве и Времени, но и в разнообразии своем.

Мне могут приклеить ярлык: «идеалист»! Ведь так можно, мол, доказать и существование господ бога. Раз представляю, мол, бога, значит, он существует. Я на это отвечаю: «Ой ли? Представляете ли? Если, по-вашему, это нечто, управляющее бытием, то это просто законы природы, и ничего с этими законами природы не произойдет дурного оттого, что вы их назовете богом или паровозом, а не объективной закономерностью. А если под богом вы понимаете смиренного мужчину, бредущего по морю, яко по суху, то необычные поступки этого человека можно объяснить тем, что он очень изобретателен и знает гораздо больше нас с вами, столько, сколько мы будем знать лет через сто, а может быть, и раньше».

Я заговорил о боге не случайно. Наверняка найдется гражданин, который с примитивной едкостью заявит: «Ах, так вы верите в возможность искусственного создания нашей Земли и нас с вами? Интересно у вас это получается! Библия, выходит, по-вашему, права, а материализм вы, молодой человек, коту под хвост отправляете?» Между прочим, хотя сам этот гражданин в бога не верит, рефлекс его на искусственное происхождение чисто автоматический. Больше всего на свете он боится, как бы такое предположение не привело его сограждан в объятия православной, мусульманской или иных церквей. Есть у нас такие граждане, рассматривающие достижения науки с точки зрения юродивых, истовых бабок и князей всех религий. Когда их слушали, то запрещали красное смещение, космологию,

кибернетику, экспериментальную биологию и многое другое. Потому что при желании все на свете, а особенно принципиально новое и не столь доступное, как дважды два четыре, можно объяснить божественным волеизъявлением. И никак эти граждане не могут понять, что всякая такая идея возвышает реального человека и ослабляет позиции гипотетического бога, ибо поднимает человека до уровня бога – всемогущего и всевластного, так что богу места просто не остается. И я думаю, все, даже самое сверхфантастическое, возвышает человека и зачеркивает бога, потому что придумано человеком, на основе созданного человеком и в конечном счете пойдет на пользу человека. Так что искусственное происхождение человека – идея вполне допустимая, трудно только ее доказать, а если человек возник естественным путем, то и невозможно.

Легко себе представить и еще одно осложнение: многим ужасно не хотелось бы иметь искусственных предков. Не знаю почему. Вероятно, это отрывка тех времен, когда человеку казалась кощунственной мысль о родстве с обезьяной. Я, например, не вижу особенной разницы: ведем мы свое происхождение от комочка живой слизи, которая возникла в первобытном океане естественным путем, или этот комочек забросили в горячую воду чьи-то умелые, знающие руки (или даже щупальца). Щупальца мне даже интереснее, ведь это обещало бы, что и я смогу сделать когда-нибудь то же самое. А из естественного происхождения такой вывод прямо не следует. Однако спорить с бывшими ревностными противниками обезьяньего происхождения совсем уже невозможно, потому что аргументация их не логическая, а эмоциональная: не может быть, потому что мне это не нравится. И вообще не может быть. Чтобы я позволил, чтобы меня кто-нибудь вылепил?! Да ни за что! Не желаю.

В общем, я не вижу ничего невозможного в том, что мой незнакомец действительно сотни миллионов веков назад поставил некий эксперимент на нашей планете, и в результате неожиданно для экспериментатора на Земле возникла живая природа и в частности мы с вами.

Хуже, если он и в самом деле запрограммировал точку останова. Действительно, ни с того ни с сего погибнуть в зените могущества – это для человечества как-то... Но! Прежде всего, коль скоро уж он один раз ошибся, то может ошибиться и второй раз, и программа точки останова не сработает так же, как не сработала программа, управляющая циклотацией. Далее. Впереди у нас, судя по его словам, еще не менее десяти тысяч лет. Можно легко предположить, что за этот срок мы уж как-нибудь научимся справляться и с точками останова, и с другими, более реальными неприятностями. Человек вообще производит впечатление довольно жизнеспособного вида.

А потом, вы знаете, я несколько раз перебирал в памяти весь наш разговор. Не знаю, заметили ли вы... Помните, он говорил что-то о том, будто мы как-то изменили наше Солнце, сгустили его, как он выразился. Для него, видимо, сгустить Солнце – не проблема. Он заметил, что Солнце не то, что было в его время, и решил, что мы изменили его по своему произволу. Но мы-то с вами знаем, что мы Солнце не сгущали. В последний раз он был у нас пятьдесят миллионов лет назад. Как астроном я могу поручиться, что за это время наше Солнце сколько-нибудь существенно не менялось. Так что, по-моему, он, бедняга, зря волновался. Произошли мы естественным путем, а он попал не на ту планету, где проводил эксперимент. Ошибся планетой, вернее звездой. Вы знаете, это бывает. Я астроном, мне такие случаи известны. Думаю, что теперь он уже во всем разобрался и успокоился. Все ошибаются. И чем грандиознее масштабы, тем больше ошибка. Мы-то с вами это знаем.

1963 год

Сквозь полдень

Майк Гелприн Сержант обреченный

Пустырь походил на небрежно растянутую и кое-как закрепленную на невидимых держателях шкуру исполинского животного. Старую шкуру, пыльную и неровную. В клочьях серой свалявшейся шерсти там, где из развороченных мостовых росли присыпанные строительным мусором стебли ржавой арматуры. С рваными прорехами в тех местах, где кучно рвались гранаты.

На востоке пустырь подступал к самой стене, кое-где наваливаясь на нее обломками рухнувших зданий. На западе скатывался к обрыву, и там, у обрыва, он походил уже не на шкуру, а на братскую могилу, глубокую, вместительную, одну на всех. К обрыву после очередной атаки крючьями тащили и сбрасывали с откоса дохлых ракопауков с траченными пулями панцирями, посеченных осколками акульих волков, скошенных автоматными очередями краснух и прочую дрянь, которую железноголовые насылали на Город. Самих железноголовых подбить удавалось крайне редко, а когда все же удавалось, спекшуюся мешанину из металлических рам, пластин, кожухов и обечаек волокли к обрыву чуть ли не под победные звуки фанфар.

Как далеко простирался пустырь на север, было неизвестно. Поговаривали, что земли железноголовых тянутся чуть ли не на тысячи километров, и что там, в скрытой, завешенной вечным маревом дали, водятся такие чудища, о которых нормальному человеку лучше не знать. Еще поговаривали, что зарождаются, дескать, чудища в совсем уж зловещем месте названием Антигород. И, мол, будут там плодиться и множиться, пока не спровадят последнего горожанина на тот свет. Про тот свет вообще много чего говорили, болтали и разглагольствовали те, кто оттуда прибыл. И, бывало, плели такие небылицы, по сравнению с которыми рассказы об Антигороде и тамошних обитателях выглядели сущими пустяками.

Привалившись спиной к стенке траншеи первой линии обороны, сержант Эрик Воронин с ленцой слушал несусветную чушь, к которой личный состав подразделения имел очевидную и недюжинную склонность.

– Черный, как моя жизнь, – истово колотил себя кулаками в грудь долговязый, веснушчатый и кадыкастый Томми Мюррей. – Да чем хочешь клянусь, парень, чтоб мне до вечера не дожить. И зовут его Барак.

Толстый косолапый Узо изумленно таращился и недоверчиво мотал круглой головой. В Город Узо прибыл еще при диктатуре, пережил революцию, анархию, голодные бунты, сытые бунты, демократию и нашествие, но удивляться всякой ерунде не переставал.

– Чудеса, – басил Узо, часто хлопая вытаращенными глазами. – Где это видано, чтобы президент США был цвета моей задницы.

– Твоя чернее, парень, – внес поправку Томми. – Барак скорее серый. Как... как... – Томми перевел взгляд в тыл, на приземистое здание штаба за третьей линией обороны. – Как барак.

– Чудеса.

– Разговорчики! – прикрикнул Эрик. Он приподнялся с подложенной под зад канистры из-под бензина, выглянул из траншейного окопа наружу, убедился, что пустырь, как ему и подобает, пуст, и уселся на место. – О бабах давайте, – приказал он. – Бараками я и так сыт.

– Как скажете, господин сержант, – смуглый, кучерявый красавец Хамид козырнул начальству и немедленно заговорил о бабах. О том, что порядочному человеку одной женщины мало. Что двух ему тоже мало. Да и три, по чести сказать, все равно что ни одной. Об idiotских городских законах, запрещающих многоженство. И о совсем кретинских, что запрещают любить молоденьких.

Был Хамид ловким, бесстрашным и до безрассудства отчаянным. А еще единственным, кому удалось зарезать прорвавшегося к траншеям ракопаука, один на один схватившись с ним в рукопашной. Наступающих на Город с севера чудищ он ничуть не боялся, высказывался о них пренебрежительно и называл неверными собаками. Впрочем, собаками он честил всех подряд. В последнее время, правда, ходил Хамид мрачным, насупившимся, недовольным и то и дело срывался по пустякам. Особого внимания на это Эрик не обращал – со всяким бывает, тем более на передовой.

– Шестнадцать лет – это педофилия? – угрюмо сказал Хамид. – Аллах свидетель, в шестнадцать порядочная женщина уже рождает правоверному третьего сына. Какой же это, шайтан его побери, Эксперимент, с такими законами?

– Что-то не пойму, – исподтишка подмигнул остальным здоровенный, голубоглазый, с растрепанными пшеничными патлами Микола Кондратенко. – Как вы там в своей Аравии или откуда ты там...

– Из Палестины.

– Что-то не пойму, как вы там в своей Палестине. У Саида три жены, у Махмуда три, у Ахмеда, Магомета, Абдуллы, Назруллы. А остальным хлопцам что – кукиш?

– Почему кукиш? – обиделся Хамид. – Мужчины воюют, становится мало мужчин. Женщины по домам сидят, становится много женщин. Это тебе кукиш, собака!

– Разговорчики! – на корню пресек распределение кукишей Эрик. – Палестина это где? В Японии?

Географию того света он изучал по глобусу, оставшемуся от пропавшего без вести отца. Где на поверхности нелепого шарообразного мира расположены Россия и Швеция, запомнить с грехом пополам удалось. Местоположение Америк, которых оказалось почему-то две, каких-то Мадагаскаров, Австралий и прочих Антарктид представлялось смутно. То ли дело привычный свет, этот. Плоский, вытянутый и предельно понятный. На востоке стена, на западе обрыв, на юге фермы, на севере всякая дрянь. А по центру – Город. Знакомый до мелочей, до трущоб и нежилых тупиков на окраинах Город, в котором родился, и вырос, и прожил вот уже тридцать два года с хвостом. И пускай железноголовые уроды непрерывными атаками разрушают, разваливают северные кварталы, жестоко и методично оттесняя защитников на юг. Пускай обыватели шепчутся по углам, что Город якобы обречен. Что население сокращается, а с того света поступает все больше всякая шваль, которая согласилась участвовать в Эксперименте не из энтузиазма и не по зову совести, а оттого, что иначе упекли бы в тюрьму, а то и шлепнули. Пускай истерят и распускают слухи завзятые, вечно всем недовольные паникеры. Для него, Эрика, нет ничего важнее Города. Плевать на Эксперимент, плевать на скользких, мутных, не от мира сего Наставников. Пока есть такие, как он, Город будет! Пока есть господин полковник Патрик Сент-Джеймс и господин капитан Иоганн Гейгер. Пока есть Гиви Чачуа, Ван Ливей, Франческа Мартинелли, Изабелла Кехада и остальные – рожденные не на каком-то том свете, а именно на этом, своем. Пока есть...

– Я вот думаю, – подал голос последний, пятый боец вверенного господину сержанту подразделения, сутулый, очкастый, с козлиной бородкой старикан Олаф Свенсон, который и бойцом-то считался лишь по недоразумению. – Солнце – это фотонный обогреватель или, с вашего позволения, все ж таки нейтринный?

Эрик поморщился: занудные рассуждения бывшего университетского профессора-физика он терпеть не мог. Ни о Солнце, ни о линии доставки, ни, в особенности,

о распространенных на том свете и отсутствующих на этом несуразных предметах. Дай козлобородому ослу волю, тот безостановочно разглагольствовал бы о всяческих киберах, персоналках, мировых паутинах и прочей ереси, толку от которой, как и от самого профессора, был явный ноль. Матушка, впрочем, старого осла очень уважала, частенько зазывала в гости и часами слушала, то и дело утирая глаза носовым платком, о позабытом Стокгольме. Когда на второй месяц нашествия вышел закон о всеобщей воинской повинности и в армию стали грести всех подряд, выхлопотала у сердобольного Иоганна для старика назначение – под сыновий присмотр. На самую что ни на есть передовую, потому что протирать штаны в тылу сержант Воронин отказался наотрез. Как за шесть лет службы старому Олафу удалось уцелеть, для Эрика было загадкой. Сам же старикан на подобные мелочи внимания по чудакватости не обращал – жив и ладно, а убьют – тоже ничего.

В три пополудни на передовую прибыл длинноногий, подтянутый, отчаянно белобрысый Иоганн. Вальяжно поигрывая офицерским стеклом, он прошелся по траншее, проинспектировал запасы ручных гранат, осмотрел пулеметные ячейки, похвалил порядок в отхожих местах и, наконец, предстал.

– Господин капитан, – вытянувшись в струну и замерев от почтительности, гаркнул Эрик, будто вовсе не он позавчера укладывал мертвецки пьяного Ганса проспаться и, матерно бранясь, стаскивал щегольские капитанские сапоги, – за время вашего отсутствия решительно ничего не произошло.

– Вольно, – скомандовал господин капитан. – Брюхо подберите, – прикрикнул он на преданно пляшущегося на начальство Узо. – Обезьяна беременная!

Узо осклабился. Низшие чины Иоганна Гейгера любили и священного капитанского права на командирскую брань не оспаривали. А после того как подоспевший на передовую во время массивной атаки Иоганн лично свалил железноголового, угодив гранатой аккумулятор в горизонтальный разрез на уродливой башке, и до того внушительный гейгеровский авторитет достиг и вовсе небывалой величины.

– Вопросы, жалобы есть?

– Так точно, – шагнул вперед Кондратенко. – Туалетной бумаги не хватает, товарищ капитан.

В Город Кондратенко прибыл прямиком с войны. Дурацкой какой-то войны, нелепой, где противоборствующие стороны называли друг друга не просто товарищами, а чуть ли не братьями. За каких и против каких братьев воевал Кондратенко, Эрику понять не удалось.

– Господин! – рявкнул Иоганн. – Господин капитан, понятно вам, животное? Товарищей мы расшлепали, когда скидывали коммунистов. Сутки гауптвахты за незнание истории!

– Есть, господин капитан! Так что насчет туалетной бумаги?

Иоганн концом стека задумчиво почесал безукоризненно выбритый затылок.

– Так и быть, распоряжусь изъять на военные нужды тираж «Либерального вестника», – милостиво решил он. – Весьма полезный еженедельник и, главное, познавательный. Отойдем-ка, сержант.

Вслед за начальством Эрик вымахнул на тыльный бруствер.

– У Белки в восемь, – заговорщицким шепотом сообщил капитан. – Все наши будут. Белка припасла для нас сюрприз.

Эрик понимающе кивнул.

– Водку братъ?

Ганс Гейгер укоризненно скривил тонкие губы.

– Наивный вопрос. Братъ, разумеется.

* * *

В пять вечера на позиции прибыла новая смена. Эрик взял под козырек, поручкался с сержантом, похлопал по плечу капрала и помахал рукой рядовым.

– Все тихо, – сказал он сержанту. – Силы, видно, копят. Ладно, послезавтра увидимся.

Он попрощался и извилистыми ходами сообщения двинулся в тыл. На передовой воинскую повинность отбывали трижды в неделю, в три восьмичасовых смены. В траншеях второй линии обороны служивые давили блох сутки через четверо. Зато в тылу от патриотично настроенных почтальонов, булочников, конторских служащих и домохозяек было не протолкнуться. О железноголовых здесь рассуждали самым что ни на есть воинственным образом, грозились, били себя в грудь и отрабатывали приемы рукопашного боя на врытых в землю фанерных пугалах, украшенных цинковыми ведрами поверху для пушного сходства.

– Чем больше кабака, тем лучше, – авторитетно объяснял Иоганн. – Все герои, все при деле и жаждут славы, крови, орденов. Железноголовым, если прорвутся, несдобровать. От смрада загаженных кальсон сами по себе издохнут.

Спальный район начинался сразу за третьей линией обороны. Обитатели района понемногу откочевывали в южные новостройки, не забывая при этом клясть сдающих позицию за позицией горе-вояк. Эрик добрался до автобусного кольца, с боем прорвался в зловонное нутро дребезжащего, лязгающего и чихающего бензиновыми парами ветерана и повис на поручне. На третьей по счету остановке, не выдержав натиска утрамбованных в автобусное чрево пассажиров, сошел и пешком двинулся восвояси.

Гигантским отъевшимся беспозвоночным, уместившим на Главной раздувшееся тулово и выпроставшим в примыкающие переулки длинные изломанные щупальца, тянулась через Город линия доставки. Эрик на ходу залюбовался вычурной, нарочито неправильной, лишенной всяких признаков гармонии конструкцией. Вспомнился тот шестилетней давности день, когда обыватели, проснувшись поутру, обнаружили опутавшее Город чудище. Монстр, бесшумно сокращаясь, раздуваясь и вибрируя, изрыгал из прорех в тулове ящики, коробки и тюки. В некоторых местах из смахивающих на распахнутые беззубые рты раструбов один за другим выползали на свет колесные и гусеничные механизмы. Эрик вспомнил охватившую Город панику, массовые забастовки внезапно ставших ненужными механиков, сборщиков, фрезеровщиков, ткачей. Вспомнил правительственное обращение к горожанам от имени Наставников, объявивших переход Эксперимента в новую фазу. И сытые бунты, когда тысячные толпы новоиспеченных безработных ломали курочки непрошенные дары, а другие толпы на кострах жгли нездешние бытовые приборы, упаковки с консервами, тюки с одеждой и утварью.

Мало-помалу, впрочем, ситуация стабилизировалась. Сытые бунты сошли на нет, обыватели стали привыкать к тому, что можно обильно потреблять, не особо при этом вкалывая. А потом началось нашествие, и стало не до бунтов, стало вообще ни до чего. И на линию доставки, которая разом перепрофилировала себя с тракторов, грузовиков, трикотажа и консервов на пулеметы, гранаты и прочий боезапас, стали чуть ли не молиться.

Эрик добрался до помпезной, обсаженной тополями площади Кацмана, в которую упиралась Главная. В центре площади красовалась мэрия, а в скверике перед ней – сам Кацман в натуральную величину. Знаменитый первопроходец, уперев руки в бока, задумчиво глядел с гранитного постамента в туманные и немислимые дали.

От площади на юг лучами расходились улица Сент-Джеймса, набережная Хнойпека, аллея Эллизауэра, проезд Фогеля и, наконец, широкий, с прерывистой разметкой по центру проезжей части проспект Андрея Воронина. Всякий раз, ступая на тротуар названной в честь отца городской магистрали, Эрик испытывал некий душевный трепет и чувство сопричаст-

ности. Город не забыл своих героев. Не забыл и немного чужака с широким одутловатым лицом, единственного выжившего участника Великой северной экспедиции, припершего на горбу собранный Кацманом архив. Эрик свернул с проспекта Воронина в переулок Немого. В конце этого переулка, в сотне метров от тупика Анастасиса, был его дом.

Эрик поднялся на третий этаж, отпер квартирную дверь и поморщился от неудовольствия. Сутулый очкастый Олаф Свенсон уже вовсю распивал с матушкой чай. Вытянув губы куриной гузкой, бывший стокгольмский профессор шумно дул на блюдце, с причмоком прихлебывал из него, блаженно отдувался и тянулся за сахаром.

– Интересно все же знать, фрекен Нагель, – похрустывая кубиками рафинада, нес обычную ахиною профессор, – железноголовые – это примитивные роботы или гораздо более сложные биомеханизмы? Склоняюсь, с вашего позволения, к последнему. Тогда, если не возражаете, вопрос: зачем они понадобились Наставникам?

Фрекен Нагель, приоткрыв рот, благоговейно внимала. Эрик тяжело вздохнул и двинулся к себе переодеваться. Не ровен час, старый дурень сделает матушке предложение, с огорчением думал он. Хорошенький будет отчим. Стану называть его папиком, злорадно решил Эрик. С ударением на последний слог.

«Смирно, папик! – мысленно гаркнул он. – Как стоите, членистоногое?! Вольно, сучий вы сын! Оправиться!»

– Да и кто они такие, эти Наставники, – доносился между тем с кухни блеющий профессорский голосок. – Инопланетяне, вы полагаете, фрекен? Или, может статься, люди будущего? Весьма, с вашего позволения, сомневаюсь. Для альенов они слишком приземленно мыслят. А для людей из будущего слишком скрытны и, простите, недалеки. Обратите внимание, фрекен Нагель: Наставники намеренно говорят с нами неопределенно и, смею предположить, бессвязно. Словами, каждое из которых по отдельности вполне понятно, но вместе не означающими ничего. Не оттого ли, что им, собственно, нечего нам сказать?

– Эксперимент есть Эксперимент, – вклинилась наконец матушка в поток профессорского словоизвержения.

– Именно! Только в чем суть этого, с позволения сказать, Эксперимента? Я размышляю над этим вот уже седьмой год. Не в том ли...

– Я в гости, мама, – прервал разглагольствования старикана Эрик. – К Белке, она собирается преподнести нам сюрприз.

Томная, волоокая, с пышным бюстом Изабелла Кехада встречала в дверях. За спиной у нее, переминаясь с ноги на ногу, маячил нескладный, лопаухий, застенчивый и косноязычный Пауль Фрижа. У Пауля с Изабеллой вот уже который год тянулся нескончаемый роман со страстями, пылкими признаниями и бурными скандалами из-за присущей Белке непостоянности.

– Эрик, дорогой, – заключила гостя в жаркие объятия хозяйка. – Заходи, душа моя, у нас все в сборе. Водку принес?

Стол ломился. Сплюнутые линией доставки жестяные и стеклянные банки были аккуратно вскрыты, упаковки и пакеты выпотрошены, а содержимое разложено по блюдам. Все это соседствовало со свежими, только вчера с фермерской грядки, овощами, розовыми ломтями копченой свинины, налитыми румяными яблоками и пирамидками из присыпанной сахарной пудрой болотной клюквы.

– Душа моя, знакомья, – оторвал Эрика от созерцания выложенной на столе снеди Белкин голос. – Это господин Воронин, да-да, сын того самого, знаменитого. Мы тут все, можно сказать, сыновья, кроме тех, кто дочери. А это – сюрприз-сюрприз!

Эрик сморгнул. Между явно успевшим основательно врезаться, раскрасневшимся Гансом Гейгером и носатым взъерошенным Гиви Чачуа стояла, с любопытством разглядывая

нового знакомца, тонкая до изящности пигалица в облаке вьющихся смоляных волос и с очень большими, очень черными, очень внимательными глазами.

– Ханна бен Аарон, – шагнула вперед пигалица и протянула узкую ладонь с длинными, без всякого маникюра пальцами. – Можно просто Ханна.

– Правда, красивое имя? – восторженно захлопала в ладоши Белка. – Прямо как из этого, как его, все время забываю. Из молитвенника! Знаешь, душа моя, у моего отца был молитвенник, ветхий такой, замызганный.

Эрик вдруг почувствовал, как что-то робкое, едва уловимое и теплое зародилось в груди, мягко потеребило сердце и тотчас отпустило. Эта пигалица, эта Ханна была... спроси его, он не сказал бы, какой именно она была. Слова внезапно стали чем-то отдаленным и неважным, и лица старых друзей исказились, расплылись, затуманились и исчезли, а остались лишь большие, очень большие, очень черные глаза. И они...

– Ханна прибыла к нам из этого, как его, – не умолкала Белка. – Все время забываю, душа моя. Из чего-то такого эдакого.

– Из Израиля. Но родилась я в России, в Санкт-Петербурге.

– О да, – запричитал откуда-то из-за спины Пауль Фрижа. – Государство Израиль! О да! Это в Африке! О да! Конечно.

Эрик плохо помнил, что было дальше. Он механически опрокидывал рюмки, механически заедал горькую разносолами, потом так же механически топтался по лакированному паркету под звуки аргентинского танго. Пришел в себя он уже снаружи, и было темно и стыло, и ветер гнал по мостовой палые тополиные листья, и дрожали под ногами тусклые круги света с ночных фонарей. И Эрик бережно, очень бережно вел Ханну под руку, что-то говорил и отвечал невпопад, изо всех сил стараясь не подавать виду, что смущен до отчаяния и не помнит, ни как попросился провожать, ни даже куда.

– Понимаете, здесь все не так, – доносилось до Эрика мягкое, доверительное сопрано. – Все странно, выкручено, нелогично, что ли. Я ведь уже три года как у вас. Напросилась зачем-то в кибуц, дуреха.

– Куда-куда напросилась? – периферией сознания поймав незнакомое слово, переспросил Эрик.

– Ну на ферму же. На юг, там еще болота такие ужасные, на них водится черт-те что. А по краям болот – кибуцы, будто лучшего места не нашлось. За мной все бегал один пейзажник, небритый такой, лохматый, сильно пьющий. Замуж звал. Надо было сразу от него сбежать, а я все медлила. Хотела приносить пользу, представляете? На болотах. Меня и Наставник на это купил. Ехала себе в иерусалимском автобусе, автомат через плечо, вся такая из себя грозная. А он подходит и прямиком в лоб: «Не желаете ли, дескать, приносить пользу? Эксперимент, мол, нуждается в бессребреницах». А я возьми и согласись, ну не дуре... Эрик Андреевич, вы меня слышите?

– Да-да. Просто Эрик, если можно, – он сбился с шага, выдохнул, огляделся по сторонам. Площадь Кацмана была безлюдна, если, конечно, не считать самого Кацмана, навечно сросшегося с гранитным постаментом. – Меня никогда не звали по отчеству.

– Почему? – удивилась Ханна. – Вы же русский.

– Наполовину. Понимаете, меня воспитывала матушка. Ее зовут Сельма Нагель, она шведка. Отца я не знал – родился уже после того, как он погиб.

– Зато его знала я.

– Что? – Эрик решил, что ослышался. – Что вы сказали?

– Что прекрасно знала вашего отца. Я жила с ним в одном доме до того, как эмигрировала.

Эрик ошеломленно помотал головой.

– Не понимаю, – признался он. – Простите, вам сколько лет?

– Двадцать девять. Я родилась в восемьдесят седьмом, дяде Андрею было тогда около шестидесяти, но он продолжал работать. В Пулковской обсерватории, на пенсию вышел незадолго до того, как мы уехали. А Иосифу Михайловичу Кацману, он жил в соседнем дворе, не было еще и сорока. Его все называли Изей.

– Пойдите...

Эрик осекся. Он вспомнил, как Гиви Чачуа рассказывал о деле, которое поручил ему прокурор и от которого до этого успели отказаться трое следователей, включая важняка. Было это дело о массовом помешательстве, и фигурировали в нем десятки новоприбывших. Каждый из них божился, что знаком, а то и не просто знаком, а дружил, а то и не просто дружил, а сожительствовал с кем-то из ныне покойных горожан. Причем не абы когда, а именно в те годы, что знакомец, друг или сожитель был живехонек и помирать вовсе не собирался. Только вот находиться на том свете он абсолютно и категорически не мог по той элементарной причине, что пребывал как раз на этом. Гиви тогда умаялся, снимая свидетельские показания, а затем и сам едва не помешался, допрашивая художницу из Кутаиси. По документам значилась художница Софьей Чачуа, дочерью Реваза Чачуа, чью фотографию захватила с того света с собой.

– Софико, – сказал Гиви, изучив снимок и выудив из нагрудного кармана другой, на котором был заснят в младенческом возрасте на коленях у ныне покойного Реваза, – посмотрите сюда, а теперь сюда. Вы думаете, это чей отец? Вы думаете, это ваш отец? Не смешите меня, Софико. С вашей шутки мне не смешно.

Дело закрыли после того, как прибывший из Берлина титулованный психопатолог выдвинул гипотезу о замещении памяти истинной памятью ложной, случающемся у некоторых индивидов при переходе с того света на этот. Гипотеза пришлась ко двору. Гиви долго тряс благодетелю-психопатологу руку и клялся, что теперь его вечный должник. Идентичность изображений на фотоснимках гипотеза, впрочем, не объясняла, но на такую мелочь решили закрыть глаза.

– Вы мне не верите? – вернуло Эрика в действительность мягкое доверительное сопрано.

– Нет, отчего же, – неуверенно пробормотал он. – На свете множество похожих друг на друга людей. Что на том свете, что на этом. Вы наверняка были знакомы с кем-то из э-э... Видите ли, Андрею Воронину было не под шестьдесят, а всего лишь двадцать три, когда он согласился участвовать в Эксперименте. Изе Кацману – примерно столько же, хотя по вашему времени он попал сюда на полтора десятка лет позже. Вы не могли их знать – в ходе Эксперимента оба погибли. Хотя пойдите... – Эрик осекся вновь. – Вы что же, хотите сказать, что они живы? Что им удалось вернуться туда, на тот свет?

Ханна вздохнула.

– Слушайте, давайте на «ты», согласны? Мне так привычнее, в израильской армии все на «ты», даже рядовой с генералом. Так согласен? Спасибо. Тогда слушай, дорогой Эрик, сюда: Андрей Воронин и Изя Кацман никуда и ниоткуда не возвращались. В Эксперименте они не участвовали.

* * *

– Надоело, – глядя себе под ноги, сказал Хамид. – Шайтан его побери, этот Эксперимент. На душе грязно, болит душа.

– В мечеть сходи, парень, – лениво посоветовал Томми Мюррей. – Почисть душу.

– Ходил, – скрежетнул зубами Хамид. – Два раза ходил, пять раз ходил, десять. Не то все. Не то! Имам благословил на джихад. «Воюй, – сказал, – за правую веру». С кем? С кем

воевать, американец? С этими? – Хамид кивнул на пустырь. – Сколько лет уже воюю. В чем тут доблесть? В чем правда? В чем?! Может, ты знаешь, американец? Знаешь, нет, собака?

– Разговорчики! – привычно одернул Эрик. – Собачиться в тылу будете.

– Виноват, – угрюмо сказал Хамид. – Душа плачет, господин сержант. Болит душа, рвется.

Эрик устало махнул рукой.

– Ладно, можешь болтать, если невмоготу. Только без собаченья.

– Испоганил мне душу Эксперимент, господин сержант. Изгваздал, изгадил. Цели не вижу. Смысла не вижу. Ничего не вижу.

– Зачем же соглашался? – с прежней ленцой осведомился Томми.

– Не твое соба... Виноват. А ты зачем?

– Я-то? – Мюррей потянулся, с хрустом размял суставы. – Выхода другого не было, парень.

Томми прибыл в Город прямым из федеральной тюрьмы штата Арканзас, где отбывал срок за хранение и распространение. Что именно он хранил и распространял, Эрик недопонял. Ситуацию, в которую угодил Томми и из которой было два выхода – один на этот свет, а другой на тот, не понял совсем. По всей видимости, тем светом прибывшие из него называли не свой дурацкий шарообразный мир и не Город, а нечто третье, маловразумительное и невнятное.

– А у меня был выход, – стиснул зубы Хамид. – Хороший выход был, правильный. Шайтан меня, видать, попутал за минуту до смерти. Никогда трусом не был, а тут...

– И я струсил, – признался вдруг Кондратенко. – Взяли нас в оборот под Луганском. Окружили. Мне по башке болванкой прилетело, контузило. Очухался – кругом эти. И старичок рядом сидит на корточках, седенький такой, благостный. Наставник. «Все, – говорит, – Миколка, карачун тебе. Жить хочешь?»

– И что? – вскинул голову Хамид. – Сказал, что хочешь?

– Что тут еще скажешь. «Не хочу», что ль?

Хамид сплюнул на землю.

– Я сказал: «не хочу».

У Кондратенко отвисла челюсть.

– Как это?

– Да так. Сказал: «Не хочу жить», а он давай уговаривать. Шайтан это был, а никакой не Наставник. Сладкой патокой сердце умаслил, душа у меня ослабла. Уговорил.

– А я не трусил, – медленно, словно нехотя, сказал Узо. – Я руандийский хуту из Кигали. У меня был свой дом. И жена. И столярная мастерская на двоих с другом, небольшая, но нам хватало. Мы мирно жили, но случился переворот, хуту взяли власть, и в Кигали началась резня. Ко мне в дом пришли люди и сказали: тутси – жадные нечистоплотные свиньи. Бери оружие, выходи на улицу, режь тутси. Я сказал: «Не пойду». Мой друг и компаньон был тутси, и сосед, и школьный учитель. Я сказал: «Не буду резать, лучше режьте меня». А мой родной брат Луто сказал: «Узо – враг, Узо предатель, он грязная вонючая свинья». А я сказал: «Это ты предатель». Тогда брат поднял на меня руку с ножом. Я встал на колени, чтобы ему было удобнее зарезать меня, потому что я не хотел больше жить. Луто сказал: «Я заберу себе твой дом, и твой достаток, и твою жену». Он замахнулся ножом, и я вскинул голову, чтобы напоследок плюнуть ему в лицо, но между мной и Луто стоял уже белый человек, Наставник. Он сказал: «Вставай, Узо. У тебя нет больше дома. У тебя нет больше жены. У тебя нет больше брата. Пойдем со мной». Я встал и пошел.

– Не пойму я вас, молодые люди, – сказал старый Свенсон. – Когда мне предложили участвовать в Эксперименте, я согласился, не думая. Даже лекцию студиям дочитывать

не стал. Это же какой шанс, если угодно, нам всем предоставили! Познать иной мир, иные законы бытия, может быть, иную Вселенную. Я, господа, с вашего позволения, счастлив. Я...

Он не договорил. На левом фланге внезапно взвизгнула, а потом и взвыла сирена. Миг спустя другая отозвалась на правом, и Эрик, вскочив на ноги, пал грудью на бруствер. Дальний конец пустыря неспешно, даже как-то лениво затягивался маревом. Лиловые пузыри рождались из земли, вспухали, растекались, клубились, лопались, извергали языки тумана. Они густели, наливались бордовым и алым, лизали землю, спиралями вились в небо.

Стиснув челюсти, сержант Эрик Воронин оцепенело смотрел, как ширится, растет, вихрится марево, как переливаются в нем лазурные, фиолетовые, сизые, оранжевые, пурпурные пятна. Как оно идет волнами, перекачивается, наползает, а потом смотреть стало уже некогда, да и не вмоготу. Эрик рванул с плеча автомат. По левую руку припал к пулемету Хамид и подал ему ленту Узо. По правую, оцетинившись автоматными стволами, изготовились к стрельбе Кондратенко и Мюррей, и лишь старый Олаф копался на дне окопа, пытаясь разыскать свалившиеся с носа очки. Тогда Эрик выругал его, грязно, матерно и заорал: «К бою!», а минуту спустя: «Огонь!»

Ощерившись, он палил в ярящееся клубами, надвигающееся марево, всаживал в него очередь за очередью, и атакующих все не было видно, а потом из-за клубящегося дымного занавеса разом вынырнула стая.

Их было множество, этих тварей, этих акульих волков невесть из какого мира и невесть в каких целях оказавшихся здесь. Стелясь над землей, они мчались, неслись навстречу пулям, страшные, уродливые, с оскаленными пастями и дыбющимися вдоль хребтов гребнями, похожими на акульки плавники. Они падали, корчились и умирали, но на месте убитых тотчас появлялись новые, и когда сплошная масса из лап, когтей, зубов и вздыбленной шерсти оказалась в полусотне шагов, Эрик бросил автомат и метнулся к гранатам.

Он швырял их одну за другой, вырывая из рук перепуганного, не успевающего подавать Олафа, он швырял и когда кто-то истошно закричал, что на левом фланге прорыв, и когда этот прорыв уже подавили, и даже когда стая перестала атаковать, а уцелевшие особи, подвывая и визжа, понеслись назад.

Когда грохот разрывов и стрельба, наконец, стихли, а марево откатилось на север, с каждой секундой рассасываясь, опадая и прибываясь к земле, Эрик выпрямился, расправил плечи, рукавом гимнастерки смахнул со лба пот, затем сорвал с пояса флягу и запрокинул ко рту.

– Все живы? – прохрипел он, напившись. Пересчитал людей по головам, облегченно выдохнул, встретился взглядом со Свенсоном и со злостью выпалил: – Старая немощь, мать твою. Молодцы, парни, – гаркнул он остальным. – Горжусь вами!

Он опорожнил флягу, отдышался. До конца смены оставалось без малого два часа, и он по опыту знал, что сегодня атаки больше не будет, а значит, можно расслабиться и подумать о Ханне. О том, что у них на полвосьмого назначена встреча, и Эрик на этот раз не поведет ее ни в кабак, ни в кинотеатр, ни в музей, а пригласит к себе и представит маме.

Он наберется смелости и скажет прямо с порога: «Знакомьтесь, это Сельма Нагель, моя матушка. А это Ханна бен Аарон, моя невеста». А когда мама ахнет от изумления, а может быть, они обе ахнут, добавит: «Прошу простить за мужланство, но лучшего способа позвать эту девушку замуж я не нашел».

* * *

– Знакомьтесь, – выпалил Эрик прямо с порога. – Это...

Он оборвал фразу, потому что старый осел Олаф оказался тут как тут, а делать предложение при занюханном рядовом, которого еще сегодня распекал за нерасторопность, господину сержанту никак не подобало.

Нерасторопный осел, однако, в отличие от Эрика, ничуть не смутился и не растерялся.

– Какое прелестное дитя, – блеющим фальцетом сообщил он, уставившись на Ханну, будто разглядывал редкостный экспонат на выставке. – Эрик, мальчик мой, что же вы не представите нам эту очаровательную, с позволения сказать, фемину?

Двое суток гауптвахты за фамильярность, мстительно решил Эрик, взглядом пытаясь испепелить эту бледную немощь, это козлотородое профессорское отродье. И еще сутки за «мальчика». Отхожие места будешь у меня чистить!

– Это Ханна, моя знакомая, – буркнул Эрик, убедившись, что испепеляться профессор не собирается. – Моя мама Сельма. И, так сказать, м-м... господин рядовой войск городской самообороны по фамилии Свенсон. Не далее как сегодня этот Свенсон участвовал в отражении лобовой атаки на передовой и поистине героически сражался с окопной грязью, в которую умудрился забросить свои очки. Однако стоило господину Свенсону их отыскать, нацепить на нос и высунуться из окопа, как стая в ужасе повернула вспять. Очень уж грозно и неустрашимо господин очкарик выглядел.

– Отличная шутка, мой мальчик, – ничуть не обидевшись, захихикал профессор и, разом прибавив себе лишние сутки гауптвахты, по-своейски потрепал Эрика по плечу. – На самом деле настоящий герой, фрекен Нагель, это ваш сын. Да что же мы тут стоим? Проходите, дорогая Ханна, проходите же! Это, с вашего позволения, очень гостеприимный дом. Фрекен Нагель как раз испекла замечательный клюквенный пирог. Эрик, не стойте столбом, помогите нашей гостье освоиться.

«Нашей гостье», наливаясь праведной яростью, думал Эрик, пока под руку вел Ханну к столу. «Нашей», каково, а? Ах же ты старый, червивый гриб!

Ханне, впрочем, старый червивый явно пришелся по душе. Освоилась она гораздо раньше Эрика, так что десять минут спустя уже вовсю нахваливала клюквенный пирог, любезничала с матушкой, хохотала над профессорскими шуточками и отвечала на них еврейскими анекдотами.

«– Мама, почему нашего котенка зовут Васькой? Давай лучше назовем его Изей.

– Что ты, деточка, нельзя называть кота человеческим именем».

– Изей, – грустно улыбнувшись, повторила Сельма. – Так и вправду звали одного очень хорошего человека. Вы, Ханна, наверняка видели памятник на площади Кацмана, так вот...

– Она видела не только памятник, – перебил Эрик. – Она еще уверяет, что видела и самого Изю. Живого. И знала его много лет. А еще якобы Ханна знала... – он осекся. – Извините, все это, разумеется, сушая ерунда.

– Вовсе не ерунда, – решительно возразила Ханна, ставшая вдруг очень серьезной. – Позвольте, я расскажу вам.

Она стала рассказывать, и вскоре Эрик не знал, куда деться от неловкости, потому что мама явно приняла все за чистую монету и ревела теперь навзрыд, а старый Олаф, протирая очки, непрестанно бубнил «вот оно, значит, как», «вот как, выходит, обстоят дела» и «надо же, как я раньше не догадался».

– О чем не догадался? – со злостью бросил Эрик, когда Ханна, наконец, замолчала, Сельма отревела, а старый чудак перестал бубнить. – О чем, черт вас побери?

Олаф повертел в пальцах очки, затем решительно отодвинул их в сторону и поднял на Эрика близорукие старческие глаза.

– Видите ли, молодой человек, – сказал он спокойно, – еще очень недавно люди думали, что время одномерно и изотропно, другими словами, что течет оно с постоянной скоростью и исключительно вперед. Великий Эйнштейн предположил, что это не так. Однако даже ему

в голову не пришло, что время способно не только изменять ход в зависимости от положения измеряющего прибора в пространстве, но и образовывать, например, петли. Или, если позволите, иные замкнутые кривые. Или, скажем, перемещаться по траектории австралийского бумеранга. Если же предположить, что время...

– Послушайте, господин Свенсон, – сказал Эрик досадливо. – Мы здесь люди простые, витиеватым премудростям не обучены. Будьте любезны, изъяснитесь доступно, если хотите, чтобы вас слушали.

Старый Олаф развел руками.

– Доступно тут вряд ли получится, – сказал он. – Да и уверенности никакой нет, все это так, мысли вслух. Но если предположить, что из некоей исходной точки можно запустить время по кривой, придав ему значительное ускорение, то может статься...

– Что может, черт возьми, статься?

– Что в исходной точке пройдут считанные часы. Или даже минуты. Но за это время на кривой человек успеет прожить несколько лет. А может быть, и целую жизнь. Тогда, вернувшись на исходную, он окажется...

– Все, – Эрик поднялся, – с меня довольно.

– Он хочет сказать, – тихо, едва слышно проговорила Ханна, – что мы все как бы запущены по этой кривой. И что бы с нами тут ни произошло, мы вернемся на Землю. Практически в те же точки, откуда Наставники нас забрали. Тогда получается, что и Андрей Воронин, и Изя Кацман, и остальные, которых здесь считают погибшими, на самом деле живехоньки. Они попросту вернулись домой.

– Да? – спросил Эрик язвительно. – Вернулись, значит? А как насчет меня? Как насчет Ганса, Пауля, Белки?! Куда нам возвращаться?

Он замолчал. Он явственно видел, как в очень больших, очень черных, очень внимательных глазах заметались вдруг сполохи страха.

* * *

– Что-то не то, – сквозь стиснутые зубы процедил Хамид. – Не то что-то, клянусь Аллахом. Не так, как всегда. По-другому.

Эрик не ответил. Он и сам видел, что не так. Маревое надвигалось. Медленнее, гораздо медленнее, чем обычно. И было оно не клубящимся, бесформенным и переливающимся десятком цветов. Было оно сплошным, плоским, как стена, и матово-черным.

Взвизгнув напоследок, смолкла сирена, и стало тихо, лишь из тыла доносились едва слышимые на передовой командные выкрики. Там вторая линия обороны готовилась отразить прорыв, если противник подавит первую.

– Карачун нам, – замороженно глядя перед собой, бубнил Кондратенко. – Карачун настаёт, хлопцы. Карачун, товарищ сержант.

– Молчи, собака! – Хамид вскочил, метнулся туда, где лежали гранаты, и принялся лихорадочно запихивать одну за другой под ремень. – Молчи, пес, убью!

– Отставить! – крикнул Эрик. – Отставить, я сказал!

Хамид оскалился. Его красивое смуглое лицо скривилось, исказилось и стало уродливым. Эрик невольно отпрянул – Хамид походил сейчас на акульего волка – страшного, исходящего животной злобой вожака стаи.

– Знаешь, что такое пояс шахида, неверный?

Ответить Эрик не успел. Матово-черная стена треснула вдруг, раскололась, раздалась, и из образовавшихся в ней проемов хлынули железноголовые – громоздкие, косолапые, отливающие на солнце свинцом.

– Огонь!

Растянувшись цепью, железноголовые приближались. Неторопливо приближались, неспешно, пули хлестали по ним, оставляя выбоины в чудовищных, бугрящихся металлических наростах корпусов. Они шли и шли, а потом ближайший вскинул уродливую суставчатую конечность, и желтый, дымящийся луч обрушился на траншейный бруствер.

Взметнулась, дыбом встала земля. Опала, заפורошив защитникам глаза, и вновь взметнулась, а потом еще и еще. Железноголовые приближались, грохот их поступи оглушал людей, страх сковывал мышцы.

– Назад, отходим! – истошно заорал кто-то, и Эрик не сразу понял, что орет, надсаживаясь, он сам, а когда понял, метнулся к тыльному брустверу, рывком вытолкнул себя из траншеи, перекатился и вскочил на ноги. Он увидел, как луч наискось зачеркнул Кондратенко. Как черный, под стать расколотой стене, Узо за руки выдернул из окопа старого Олафа, схватил его в охапку и потащил за собой в тыл. Как ящерицей выполз из щели в земле и на карачках пустился наутек Томми. А потом... Потом из развороченной траншеи вымахнул наружу Хамид, и луч шарахнул перед ним, но не свалил, и Хамид размашисто, бросаясь из стороны в сторону, рванулся вперед. Эрик застыл. Он не знал ни что такое пояс шахида, ни кто такие шакиды, зато знал, что неминуемо произойдет сейчас, и ждал, и лишь когда там, где был Хамид, рвануло, ахнуло, и сломался, развалился железноголовый, Эрик повернулся спиной и, пригнувшись, тяжело побежал в тыл.

* * *

– Бессмысленно, – сказала Ханна, – бессмысленно и попросту глупо. Эти атаки, смерти, сопротивление, этот безумный Эксперимент. Город этот, в конце концов.

Эрик обнимал ее за плечи. Солнце час назад выключили, тускло светили фонари, шуршали под ногами палые тополиные листья и обрывки газет.

– Нет-нет, – сказал Эрик. – Смысл определенно есть. Понять бы только какой.

– На вас отрабатывают социальные модели, – сказала Ханна. – Вернее, на нас. Экспериментируют с поведением социума в то и дело меняющихся условиях. Допустим, ищут идеальную модель, чтобы внедрить ее на Земле. Давно ищут, упорно, только найти не могут. Но зачем же тогда все эти нелепости, глупости, которых в нормальном мире нет и быть не может? Эти шагающие здания, падающие звезды, железноголовые, в конце концов?

– Ну, положим, в шагающих зданиях ничего нелепого нет, – возразил Эрик. – Некоторые дома стационарны, иные перемещаются, что тут такого? Падающие звезды – это, конечно, да, но тоже, в сущности, ничего особенного. А железноголовые... Знаешь, я думаю, они тоже с какого-нибудь того света и тоже согласились участвовать в Эксперименте. У них, вполне возможно, свои Наставники в этом их Антигороде, и они, может быть, взяли и полагались с нашими. И в отместку натравили на нас своих подопечных.

– Что ж, может быть, – сказала Ханна. – А может быть, и нет. Скорее всего, дела обстоят вовсе не так, как мы думаем или предполагаем. Возможно, и Эксперимента-то никакого нет.

– Как это нет? – опешил Эрик.

– Да так. Не удивлюсь, если Наставники попросту развлекаются. На манер зрителей на собачьих или петушиных боях. Стравливают неразумных животных в вольере и заключают пари, ставки на нас делают. Сколько проживет или не проживет господин имярек. Кто дольше протянет: Рексик или Полкан.

Эрик остановился, притянул Ханну к себе, заглянул ей в глаза.

– Не говори так, – попросил он. – Пожалуйста. Я не знаю, как принято у вас, на том свете. Но на этом люди сражаются и гибнут, и никакие это не собачьи бои. Это, – он описал рукой полукруг, – мой Город. Я защищаю его попросту потому, что он мой, что я в нем родился, а теперь живу. Мы боремся за то, чтобы Город был. За то...

– А твои солдаты? Те двое, что погибли позавчера. Они тоже боролись за то, чтобы Город был? Чужой для них Город.

– Они... – Эрик вздохнул. – Они, конечно, не поэтому. В особенности Хамид. У него были какие-то другие идеалы, странные. Пояс шахида, глупость какая-то, но он за нее...

– Как? – перебила Ханна. – Как ты сказал? Какой пояс?

– Шахида.

Ханна охнула, затем медленно покачала головой.

– Это не глупость, – сказала она. – Хамид – это тот красавчик, что неделю назад приходил к тебе с рапортом или с чем он там приходил? Он, да? Боже, какую дрянь они вывезли сюда с Земли. Каких подонков у нас отыскиали.

– Он был героем, а не подонком, – горячно возразил Эрик. – Если бы Хамид не пожертвовал собой, мы все бы, наверное, погибли там. Железнодорожные прекратили атаку и повернули назад, когда он взорвал себя.

– Если Олаф прав, – сказала Ханна печально, – а я очень, очень боюсь, что он прав, то этот твой Хамид сейчас... Ладно, оставим это. Знаешь, я вчера встречалась с Наставником. Проговорили полчаса, и все вокруг да около, ни о чем. Но одну вещь он мне все же сказал.

– Да? Какую же?

– Эксперимент, сказал, вступает в финальную фазу. В финальную, представляешь?

Эрик махнул рукой.

– Мы тут всяких фаз навидались, – сказал он. – Новых, решающих, финальных, фатальных. Пару раз Эксперимент выходил из-под контроля. Потом, надо понимать, под него возвращался. Не бери в голову, пойдем лучше к тебе. Или знаешь что. Выходи за меня замуж.

Ханна вздрогнула, отступила на шаг. Эрику она была по плечо.

– Зачем? Так тебе плохо?

– Так мне хорошо. Но я подумал... Люди женятся и выходят замуж. Везде, и на том свете, и у нас. Живут вместе, заботятся друг о друге, рожают детей.

– Детей, – эхом повторила Ханна. – Это да, люди рожают детей. Только вот в нашем с тобой случае детей заводить нельзя.

– Почему? Почему нельзя?

– Ты что же, не видишь нюанса?

Эрик наморщил лоб, пытаясь разглядеть нюанс, но ничего разглядеть ему не удалось, кроме неисправного мигающего фонаря на углу Василенко и Палотти.

– Прости, – пробормотал Эрик. – Я, видимо, что-то не то сказал. Или не так. Что ж, ладно, пойдем.

* * *

Он прижимал к себе теплую, тихо посапывающую Ханну, тоскливо глядел в ночь за окном и думал, что завтра с утра на передовую, в окопы бывшей второй линии обороны, ставшей теперь первой, и что ей тоже на позиции, только в тыловые траншеи. И что он настоящий осел, потому что Ханна права – его в любой момент могут убить, а если прорвутся, то и ее тоже, вот и весь нюанс. Утром надо будет непременно спросить, берут ли на том свете в расчет войны, когда решают, заводить или не заводить детей. Кондратенко пришел с войны, и Узо тоже с войны, и Хамид наверняка воевал. А Томми и вовсе сидел в тюрьме – интересно, что думают женщины о перспективе родить ребенка от уголовника?

Эрик долго не мог заснуть, а когда наконец заснул, в сон немедленно вторглись железноголовые, акульки и панцирные волки, ракопауки и прочая дрянь. В нее надо было стрелять, и уже пихал за пояс гранаты покойный Хамид, и мертвый Кондратенко взял на изготовку автомат, а потом взвыла сирена, но почему-то не в непосредственной близости, а где-то вда-

леке, и миг спустя к ее вою добавился колокольный набат и еще какой-то звук, назойливый, пронзительный и дребезжащий.

– Эрик! Эрик, вставай!

Он вскинулся на постели, пару мгновений ошарашенно смотрел на обнаженную, испуганную Ханну, потом вскочил и бросился к телефону.

– Они прорвались! – взревела трубка голосом Ганса Гейгера. – Они в Городе, повсюду. Собирайтесь немедленно, я за вами сейчас подскочу!

Держась за руки, они с Ханной ссыпались вниз по лестнице, и Эрик ногой вышиб входную дверь. Железнодорожные прорвались. Истошно кричали люди, и рушились дома, и катился по мостовой исполинский ракопаук в сопровождении волчьей стаи. Тогда Эрик вскинул автомат и дал от бедра очередь, и Ханна стала стрелять, и из окон дома напротив, и с крыш, но железноголовый урод уже топал от тупика Анастасиса, и желтый дымящийся луч хлестал по стенам, и здания обрушивались одно за другим, хороня под обломками жильцов.

Эрик не сразу увидел, что от проспекта Воронина, давя попавших под колеса волков, движется броневик, а когда все же увидел, ухватил Ханну за руку и рванулся к нему. За рулем, вцепившись в баранку, сидел господин капитан Гейгер, расхристанный, с бешеными глазами. По пояс высунувшись из кабины, Пауль Фрижа поливал переулок автоматным огнем. Эрик успел разглядеть сжавшихся на пассажирском сиденье Изабеллу с Франческой, а больше он ничего не успел, потому что броневик с визгом затормозил, и Ганс заорал: «В кузов!»

Кузовная дверца распахнулась, Гиви Чачуа за руку втянул внутрь Ханну, Эрик запрыгнул за ней вслед, дверца с лязгом захлопнулась. Броневик взревел, в три рывка развернулся и, набирая скорость, помчался назад к проспекту Воронина.

– Прорываемся! – перекрывая рев двигателя, гортанно кричал Гиви. – К фермам, на юг! Иоганн, это все он, если бы не Иоганн, нас бы уже... Господи, храни Иоганна!

Заложив на повороте вираж, броневик вылетел на проспект. Эрик, правой рукой намертво вцепившись в бортовую перекладину, левой прижимал к себе Ханну и думал, что они непременно прорвутся, что Ганс Гейгер не подведет, как доселе не подводил никогда, что...

Додумать он не успел, потому что страшный удар обрушился вдруг на кузов. Эрика швырнуло на стенку кабины, взрывная боль шарахнула в голову, он упал на спину, так и не выпустив из рук Ханну. А когда осаженный на ходу, расколотый лучом броневик завалился набок, умудрился подхватить ее и, увлекая за собой, потащить к выходу. Они добрались до распахнувшейся кузовной дверцы, переползли через мертвого, с закатившимися глазами Гиви, и Эрик из последних сил вытолкнул себя в дверной проем.

Ганс Гейгер, скособочившись, подволакивая ногу и держа автомат за ремень, ковылял вдоль борта. Вдвоем они вытащили из кузова бледную, потерявшую сознание Ханну, и Ганс, кривя окровавленный рот, просипел: «Уходим».

Эрик нес ее на руках. Шатаясь, спотыкаясь и оскальзываясь, шаг за шагом уносил ее на юг и знал, что не донесет. На углу Воронина и Тевосяна он оглянулся. Стая акульих волков стелилась по проспекту, подступая к прикрывающему отход огнем Иоганну, потом настигла его, опрокинула, и тогда Эрик бережно, очень бережно опустил Ханну на мостовую и неверными руками сдернул с плеча автомат.

* * *

– Так на чем мы остановились?

Олаф Свенсон оглядел аудиторию, недоуменно переводя взгляд с одного студенческого лица на другое. Ему казалось, что за последние несколько минут произошло нечто странное,

необычное, опасное и чуть ли не героическое. Олаф сосредоточился, пытаясь вспомнить, что именно, но ему это почему-то не удалось.

– На свойствах пространственно-временного континуума, профессор, – подсказали из первого ряда. – Вы говорили об относительности времени при пространственных перемещениях, прежде чем покинуть класс. Надеюсь, вы в порядке, профессор?

Олаф неуверенно потеревил подбородок.

– Да-да, я в порядке, – растерянно пробормотал он. – Что ж, продолжим.

Стоя на коленях, Узо исподлобья глядел на Луто, перекидывающего нож из ладони в ладонь. Умирать Узо почему-то больше не хотел, хотя точно знал, что какую-то минуту назад со смертью смирился. Затем Луто замахнулся ножом, но Узо вместо того, чтобы принять удар, метнулся в сторону и вскочил на ноги. Ребром ладони срубил обернувшегося Каином брата, выдернул нож из ослабевшей руки. Секунду-другую простоял в нерешительности, но рука на Луто не поднялась. Тогда Узо метнулся в спальню.

– Уходим, – крикнул он перепуганной, забившейся в угол жене. – Мы уходим из этого дома. Быстрее, прошу тебя!

Трое братков окружили Томми. Затравленно озираясь, он отпрянул к выложенной прохуdivшимся кафелем стене душевой.

– Сейчас будем делать из тебя девочку, – ухмыльнувшись, сказал ражий, звероподобный Джон Невинс. – Лучше по согласию. Для тебя лучше.

Томми пригнулся. Страх перед тем, что должно сейчас произойти, внезапно ушел, словно это не его, забитого и трусоватого Томми Мюррея, собирались изнасиловать, а совсем другого, совершенно не похожего на него человека. Томми зубами рванул прилепленный к запястью пластырь, бритвенное лезвие скользнуло в ладонь.

– Ну, давайте, – процедил Томми. – Подходите, уроды, попробуйте, возьмите меня.

Микола Кондратенко, трудно копошась на земле, перевернулся на живот, затем медленно, в три приема, поднялся на ноги. Автоматный ствол тычком уперся ему в затылок.

– Попался, сука, – радостно сказал владелец ствола. – На колени, козел!

Кондратенко молчал.

– На колени, я сказал, гнида!

Кондратенко мотнул головой.

– Не встану, – прохрипел он. – Стреляй так.

Автобус подкатил к остановке. Красивый мальчик, думала Ханна, глядя на вошедшего смуглого палестинца. Где-то я его, кажется, видела. Совсем недавно видела, чуть ли не на днях.

Хамид протиснулся в салон. Он глядел Ханне в глаза, мучительно пытаясь вспомнить, где и при каких обстоятельствах видел эту миниатюрную, в облаке вороных кудряшек еврейку. Почему-то вспомнить было невероятно важно, важнее даже, чем пояс шахида, натуго перетянувший талию, важнее зажатого в кулаке детонатора, важнее собственной скорой смерти и ожидающих Хамида райских куш.

Автобус катился по мощенной древними камнями иерусалимской улочке, и взгляд очень больших, очень черных глаз жег Хамида, корежил, подавлял волю и не давал, не позволял рвануть детонирующий шнур. Потом автобус замедлил ход и встал. Хамид попятился. Ногой нащупал подножку, ступил на нее, на мгновение замер, решаясь, но решиться так и не сумел.

Во сне я его видела, вспомнила Ханна, когда смуглый, до неприличия красивый палестинец выбрался из автобуса и, ссутулившись, побрел прочь. Точно: был странный затяжной сон, и самые разные люди в нем сражались за что-то заветное и правильное. И она вроде бы тоже сражалась, а рядом был ладный мужественный парень, кажется, из скандинавов, и он звал замуж, но она почему-то не пошла. Потом появились чудовища, сон переродился

в кошмар и, наконец, растаял, и ладный мужественный скандинав, которому она отказала, навсегда растаял вместе с ним.

Растерзанный волчьей стаей сержант Эрик Воронин навзничь лежал на проезжей части проспекта, тридцать два года назад названного в честь его отца.

Юлия Остапенко Смотрящая вслед

– Сто двадцать шесть дуэлей за пять лет, – задумчиво произнес дон Рэба, поглаживая свежевыбритый подбородок. – Ровно сто двадцать шесть, тютелька в тютельку. Это примерно по две дуэли в месяц. С небольшим остатком.

– М-м, – протянула дона Окана. – Правда?

Дон Рэба продолжал поглаживать подбородок. Нежный, мякенький, как у младенчика. Без единого лишнего волоска и, само собой, без единой царапины. Цирюльник, только что с поклонами вышедший из покоев, пятясь задом, оказался настоящим мастером своего дела. Не то что три предыдущих, которых вздернули одного за другим – те сноровкой больше напоминали кожевников, дубящих вонючую шкуру, а дон Рэба подобной неряшливости не терпел. Он вообще был крайне требователен к качеству какой бы то ни было работы. Он был строг до беспощадности, жесточайше карал за ошибки, никому не спускал промахов. Но в той же мере взыскивал и с самого себя. Это было одним из немногих его личных качеств, достойных истинного восхищения.

Кое восхищение, впрочем, никаким образом не могло перебороть в доне Окане глубинного, животного отвращения перед его мякеньким, гладеньким подбородком. Это просто поразительно, даже оскорбительно, что у самого страшного и могущественного человека в Арканаре такой подбородок. Он не выдавал слабость характера всемогущего министра: он обманывал, дурачил, вводил в заблуждение. Именно потому орел наш и брился с такой маниакальной тщательностью. Ему хотелось выглядеть безобиднее, чем он есть.

– По две дуэли в месяц. Как думаешь, душенька, это много или мало? – спросил дон Рэба и впери в дону Окану внимательный взгляд пронзительных серых глаз.

Окана лежала на широченном ложе, забранном несвежими шелковыми простынями. Она была совершенно голой, не считая тяжелого золотого кольца с громадным рубином, висящим на массивной цепи. Рубин влажно поблескивал в ложбинке на груди, манил, притягивал взгляд. Но дон Рэба глядел не на камень и не на обрамлявшее его великолепие плоти, а в томные, полуприкрытые глаза своей фаворитки.

Дона Окана потянулась всем телом, сладко, как кошечка, и сказала:

– Не очень много. Хотя смотря из-за чего драться. Если из-за игры или просто спьяну – то нет, совсем немного. Но если всякий раз из-за дам, да всякий раз новых, то это гадко!

Вынеся сей приговор, она сердито надула губки. Дон Рэба вновь потер подбородок все с тем же видом меланхоличной задумчивости. Он смотрел на Окану и сквозь нее, не видя ни надутых губок, ни кроваво-красного камня, ни волнующей плоти, разложенной перед ним, словно поданная к трапезе телячья тушка.

– Не из-за дам, – проговорил дон Рэба. – То есть не так уж и часто из-за дам. В основном, разумеется, спьяну. И тем более удивительно, что даже спьяну, в винном угаре, сей удалец умудрился не убить ни одного из своих противников. Что ты об этом думаешь, душенька?

Конечно, дону Рэбе было глубоко наплевать, что думает дона Окана. Точно с тем же отсутствующим видом он беседовал о государственных делах с попугаем и обезьянками. Это помогало ему сформулировать мысль. Дон Рэба любил животных. И дону Окану любил – из всех его питомцев именно к ней, пожалуй, он питал наиболее глубокую привязанность.

– Но хотя бы покалечил кого-нибудь? – спросила Окана, не скрывая разочарования.

– Да, двоих. Оба раза случайно. И оба раза в течение месяца ежедневно отправлял раненым противникам то лекарства от аптекарей, то слугу с бочонком вина. Словно ему было...

– Совестно? – закончила дона Окана.

И тут же приняла беспечный вид, когда это странное, неуместное слово сорвалось с ее губ. Но дон Рэба не рассердился, он улыбнулся. Он любил, когда она говорила глупости. В самом деле, только такая дура, как дона Окана, может заговорить о совести применительно к благородному дону.

– И кто же этот ветреник? – не выдержала она – женское любопытство поистине неистребимо.

– Дон Румата Эсторский, – ответил дон Рэба совершенно равнодушным голосом. – То есть он не Румата, не Эсторский, а может быть, даже и не дон. Но за неимением лучшего вынужден пока именовать его так.

Он почесал живот и подошел к кровати. Несвежие шелковые простыни смялись и поползли, в старом матрасе протяжно заскрипели пружины. Орел наш дон Рэба был безразличен к роскоши и, что греха таить, немного прижимист. Рубин доны Оканы – фальшивая красная стекляшка, купленная на Крысином Рынке за бесценок, – была тому подтверждением.

Дона Окана повертела в пальчиках стекляшку, которую ей полагалось считать рубином, и сказала:

– Какие-то удивительные ты говоришь вещи, орлик мой. Дон Румата – такой блистательный кавалер. Как же он может не быть доном Руматой?

Наедине она звала его «своим орликом» – ее придумка, столь же дерзкая, сколь и нелепая. Надо было совсем не бояться дона Рэбу, чтобы так переделать его неофициальный титул: орел наш, грозный и беспощадный, превращался в робкого орлика в ласковых ручках своей любовницы. Только совершенно глупая женщина могла не бояться дона Рэбу. Ах, как же нравились дону Рэбе совершенно глупые женщины!

– Запросто, милая, запросто может, – сказал Рэба рассеянно, лаская ладонью холмик волнующейся белой плоти. – Ты не поверишь, сколько развелось в последнее время всякой швали, выдающей себя за знать. И где они столько наглости берут? А все оттого, что привыкли верить им на слово. Приедет вот такой благородный с виду дон на вороном жеребце, весь в шелках, ножны жемчугом усеяны, войдет в королевский дворец, подбоченься, двери ногой открывает: я, дескать, благородный Румата Эсторский, а кто не верит, тот поди сюда да скрести со мной мечи. А мечи длинные у него... хорошие такие мечи... и ножны в жемчугах.

Дон Рэба задумался. Рука его блуждала по неподвижному телу доны Оканы, и столь же неподвижен был сонный взгляд ее влажных глаз.

– А откуда жемчуга? Шелка откуда? Конь вороной антарсийский, который один стоит целое состояние? Откуда это все, когда Руматы Эсторские уже полвека как не вылезают из долгов? Половину своих земель растратили, дуралеи, замок остался один-единственный, и тот развалина, кирпичи из крепостной стены от ветра сыплются. А этот приезжает на вороном антарсийце и в жемчугах. И с обручем этим золотым...

Дона Окана словно бы машинально тронула колье у себя на груди. Про знаменитый золотой обруч с неприлично огромным, а главное, не поддельным камнем, который носил дон Румата, при дворе слагали легенды. В основном, конечно, из желчной зависти. Большая часть двора, страдая от зубастых ростовщиков, щеголяла фальшивыми драгоценностями, но говорить об этом вслух считалось некуртуазно. Тем более дерзким вызовом выглядело такое украшение, как у доны Руматы, – вызовом и даже насмешкой. Возможно, пара-тройка из тех пресловутых дуэлей была связана именно с этим прискорбным обстоятельством.

– А я знаю откуда, – сказал вдруг дон Рэба. – У него в особняке в подвале стоит полный сундук золота. Литые червонцы. И этот сундук никогда не оскудевает. Хоть горстями черпай, хоть до самого дна все выскреби, а наутро сундук опять будет полон. А золото, знаешь какой девственной чистоты? Да ты, душенька, в глаза не видела такого чистого золота, не то что не пробовала на зуб! Ни ты, ни я...

Он снова задумался. При всей внешней расслабленности глаза его напряженно бегали. Он был обеспокоен, орел наш дон Рэба. Крайне обеспокоен.

Дона Окана шаловливо куснула его за оттопыренное ухо. Дон Рэба беспомощно ойкнул, как малое дитя. Она всегда умела привлечь к себе его внимание.

– Ну и что, если золото, – прошептала она, дыша дону Рэбе в ухо. – Ну отбери у него этот волшебный сундук.

– Дура, – сказал Рэба. – Сундук-то не сам по себе наполнится. Наполняет его не кто иной, как наш то ли дон, то ли не дон, то ли Румата, то ли не Румата...

– Так сожги дона Румату, – бросила Окана, раздраженная затянувшейся болтовней. – Сожжешь?

Дон Рэба повернулся к ней, подтягивая под себя длинные ноги. Они обладали той восхитительной, волшебной кривизной, которая видна только в обнаженном виде и совершенно незаметна под штанами. Поэтому одна лишь дона Окана имела честь лицезреть эталонную, классическую кривизну этих ног, покрытых редким рыжим пухом. Такой же пух торчал пучками на груди дона Рэбы, и Окана пощекотала его острыми ноготками, зная, что там самое чувствительное местечко. Дон Рэба глубоко задышал, надвинулся и навалился сверху, вминая дону Окану в несвежие простыни.

– Может быть, – выдохнул ей в лицо. – Может быть, и сожгу.

Когда он насытился – случилось это не сразу, – доброе настроение к нему вернулось. Он встал, насвистывая песенку, автор которой болтался в петле на виселице у Веселой Башни. Песенка была приставучая и вертелась в голове у всего двора, но один лишь дон Рэба смел воспроизводить сей возмутительный напев. Хотя и весьма фальшиво.

Изможденная Окана лежала на постели не шевелясь. Дон Рэба не любил, когда она одевалась одновременно с ним. Он вообще не любил видеть ее одетой.

– А он тебе нравится? – спросил министр, уже натянув штаны и поддергивая манжеты сорочки.

– Кто? – отозвалась Окана в полном недоумении, и дон Рэба хмыкнул. Наклонился, похлопал ее по ляжке.

– Будь осторожна, маленькая, – сказал он ласково.

И ушел.

«Маленькая», – подумала Окана. Маленькая. Он редко так ее называл. Точно так же Румата называет эту свою, как ее... дочку помощника писаря. Киру. Маленькая.

Она лежала еще с минуту на скользких, плохо пахнущих простынях, как будто оцепенев. Потом волна запоздалого отвращения пошла по всему ее телу от макушки до пяток, сотрясая, точно судорога. Окана вскочила, набросила пеньюар, в ярости задергала витой золоченый шнур.

– Варда! Варда! Варда-а!

Служанка Варда вломилась в покои, сбиваясь с ног. Вид у нее был полубезумный – еще бы, ведь благородная дона изволили вопить так, точно их убивают. Увидев бледную, как полотенце, Окану, Варда открыла рот. И закрыла.

– Дорожное платье и коня, – сказала Окана стеклянным голосом. – И чтобы ни звука. Чтоб тени не мелькнуло. Поняла?

– Что, прямо сейчас? – испуганно спросила Варда.

И хотя Окане хотелось топнуть ногой и крикнуть: «Да, прямо сейчас!», она заставила себя выдохнуть. Закрыла лицо руками. Постояла так. А потом отняла ладони от лица и ответила:

– Нет. Не сейчас. Пусть *он* сперва уйдет из дворца. Тогда меня позовешь.

Варда молча поклонилась. Окана проводила ее глазами. Будь осторожна, маленькая. Очень осторожна.

В Пьяной Берлоге никого не было. Отец Кабани, очевидно, отправился в очередную экспедицию на поиски трав, необходимых ему в исследованиях новых, усовершенствованных видов самогоноварения. Сначала Окана расстроилась – она рассчитывала передать через него сообщение, – но потом услышала приглушенную ругань с заднего двора. Оттуда же доносился характерный, шокирующе чуждый этому миру запах прогорклого машинного масла. «Опять вовремя не сменил», – подумала Окана, выходя на задний двор, где дон Кондор, Генеральный судья и Хранитель больших государственных печатей торговой республики Соан, в тихом бешенстве пинал приборную панель вертолета.

– Треклятая жестянка! Вечно в самый неподходящий момент! Верхом бы уже быстрее доехал!

Трава у коновязи была притоптана копытами недавно стоявших лошадей. Кто бы это ни был, они уже покинули сходку, а дон Кондор, которого опять подвела норовистая техника, замешкался. «Спасибо», – подумала Окана, подходя к нему.

Он услышал шаги, вскинулся – и застыл, смешно растопырив руки с зажатыми в них разноразмерными гаечными ключами. Оба не подходили.

– Вам шестерку надо, – сказала Окана. – На этой вертушке винты старого образца.

– Ты не должна сюда приходить, – сказал дон Кондор.

Окана сухо улыбнулась ему.

– И вам тоже здравствуйте, Александр Васильевич.

– Есть только два обстоятельства, при которых ты должна была прийти сама, а не приехать нарочного. Ты решила уехать? Да?

– Нет.

Это слово далось тяжело. Так тяжело, как не давались порой некоторые поступки.

Дон Кондор исторг ругательство, по сравнению с которым проклятия в адрес строптеного вертолета казались детским лепетом. Бросил со стуком гаечные ключи на пол. Вылез из вертолета. Протянул руку, почти коснулся Оканы, почти взял за локоть... Рука, точно спохватившись, упала вниз.

– Пошли внутрь.

Внутри было душно. Окана развязала завязки плаща, впивающиеся в обнаженную шею, расправила складки платья на грубой скамье. Смешно, как со временем въедаются совершенно чуждые прежде повадки. Иногда смешно, а временами... временами противно.

– Значит, Антон раскрыт, – сказал дон Кондор.

Он был мрачен, как туча. Ходил взад-вперед по избе, нагнув голову. Напряженно думал. Это до смешного – и до противного – напомнило Окане орла нашего дона Рэбу.

Окана сказала:

– На девяносто процентов. Насколько я поняла, приказ об аресте еще не издан. Но это может случиться в любой момент.

– Рассказывай.

Окана передала свой утренний разговор с Рэбой – дословно, в мельчайших деталях. У нее была абсолютная фотографическая и аудиальная память, она до сих пор могла читать наизусть полное собрание сочинений Шекспира и Пушкина. Но, разумеется, не читала. Разве что про себя, лежа без сна в темноте и глядя в низкий чернеющий потолок немигающими глазами.

Дон Кондор выслушал ее до конца, ни разу не перебив. К концу доклада несколько просветлел.

– Что ж. Все не так плохо. Он под подозрением, но доказательств нет.

– Нет доказательств? А золото? А сто двадцать шесть дуэлей?

– С дуэлями, – поморщился Александр Васильевич, – конечно, неудобно получилось. А ведь я Антона предупреждал. Тут он в двусмысленном положении: вроде и не драться нельзя, ему по статусу положено. И убивать, конечно, тоже нельзя, потому что – сама понимаешь.

– Понимаю, Александр Васильевич. Очень хорошо понимаю.

Он не заметил холодка в ее голосе, а может, притворился, будто не замечает. Окана смотрела на него с отстраненным любопытством, как на давно не виденного, почти забытого родственника, с которым, даже если и не очень хочется, приходится поддерживать отношения. За пять лет, что она работала в Арканаре, они виделись всего три раза. В первый раз, когда он ее инструктировал перед высадкой, второй – когда она психанула, нарушила приказ и пришла в Пьяную Берлогу, хотя у нее не было на это ни одной из двух оговоренных причин. И вот теперь третий раз. Занятно, а каково сейчас ему-то, дяде Саше? Так его звали в основном на Земле, все, даже подчиненные – дядя Саша. Так славно, по-родственному. Но для нее он был и будет Александром Васильевичем, а она для него – единственным сотрудником Института Экспериментальной Истории, которому стыдно смотреть в глаза. Не из-за себя стыдно. За нее стыдно.

За то, кем она стала.

– Каковы дальнейшие действия? – отчеканила Окана. Вот так, это хороший тон, деловой, конкретный, за ним хорошо прятаться. – Вы сами организуете эвакуацию или требуется мое вмешательство?

– Ни то ни другое. Об эвакуации речь не идет. Во всяком случае, пока Окана растерялась. Так растерялась, что встала. Шагнула вперед, к нему, хотя и знала, что он отшатнется.

– Вы что, не поняли, что я сказала? Антон раскрыт. Ему грозит Веселая Башня.

– А нам, девочка моя, грозит срыв текущей стадии эксперимента, – раздраженно ответил дон Кондор. – И пока я не вижу веских оснований ставить под удар плоды пятилетней работы, основываясь лишь на твоих, возможно излишне поспешных, выводах.

Окана долго молчала. Слишком долго. Интересно, о чем думает дон Кондор? О чем думают все мужчины, видя эту обнаженную шею и слишком смелый вырез, даже в дорожном платье? Она не могла позволить себе завести ни одного корсажа, который прикрывал бы грудь выше, чем на два пальца. Если бы кто-то из служанок увидел такое платье, начались бы вопросы. Подозрения. Сомнения. Она не могла допустить, чтобы в ней сомневались. Антон – тот да, тот мог. Потому что она стояла за его спиной.

Но за ее спиной нет никого.

Александр Васильевич вдруг смягчился. Вздохнул, улыбнулся с почти извиняющимся видом.

– Ты пойми, Сонечка, здесь все непросто. Да, ты вовремя отследила тревожный сигнал, и это, безусловно, будет учтено при планировании нашей работы. Но отозвать сейчас Антона я не могу. Он как раз в процессе операции по освобождению лекаря Будаха. Кроме того, о чем тебе хорошо известно, в Арканаре буйствуют Серые.

– Вы все равно не собираетесь вмешиваться. Все равно ничего не станете менять. Так какая разница? Во имя чего вы готовы им пожертвовать, как...

«Как мной, – едва не сказала она. – Как мной. Не то чтобы я не представляла, куда шла. Как и все остальные, я была добровольцем. Я была молодая, сопливая идиотка, восхищенная перспективой стать коммунарской Матой Хари. В двадцать один год это казалось упоительно романтичным. Но уже в двадцать два это стало мучительно. В двадцать три – невыносимо. В двадцать четыре – гнусно. В двадцать пять я научилась не заглядывать подолгу в зеркала, потому что от одного вида собственного лица меня начинает тошнить. И еще потому, что, когда бы я ни заглянула в зеркало, о чем бы я в тот момент ни думала – я всегда вижу на своем лице эту маску пошлой, сонной томности. Она приросла к моей коже. Разъ-

ела мое настоящее лицо, как серная кислота. Я не знаю, как выглядела раньше, до того, как нацепила эту маску. Я забыла».

– Не говорите мне о жертвах, Александр Васильевич.

Она сказала это вслух. Все-таки сказала. Поняла, что сидит, а две сильные мужские руки накрывают ее мелко дрожащие плечи. И в этих прикосновениях совершенно нет похоти. И доброты тоже нет. Избавления тоже нет. Ничего нет.

– А ты не заставляй меня перечислять все научные и государственные награды, которых ты удостоена, – очень-очень тихо сказал дон Кондор. – Хотя, может, они сумеют напомнить значимость твоей миссии.

– О какой значимости вы говорите? Я здесь для того, чтобы прикрывать Антона. Чтобы следить за каждым шагом его врагов, нынешних, бывших, потенциальных. Чтобы страховать его от минимальной возможности провала. И вот я прихожу и говорю вам, что дон Румата провален, а вы говорите, что надо еще потерпеть?

Сильные руки у нее на плечах. Такие тяжелые.

– Надо, Сонечка.

– Я скажу ему.

Руки сжались. Стиснули плечевые суставы до хруста. Она не шелохнулась: ее арканарские любовники, особенно те, что были до Рэбы, обходились с ней еще и не так.

– Ты ничего ему не скажешь.

– Остановите меня.

– Остановлю, – голос дон Кондора стал угрожающим. – Прямо сейчас запихну в вертолет и отправлю на базу, пикнуть не успеешь.

– Запихнуть-то запихнете, а вертушку все равно не поднимете. Вы даже не знаете, каким ключом гайки отвинчивать.

– Не умничай, – нахмурился дон Кондор, и Окана рывком высвободилась из его рук, вставая.

– Да уж не смею, благородный дон! Куда умничать мне, придворной потаскухе. Не для того меня внедряли, не для того цвела.

– Софья Михайловна, придите в себя!

Она обнаружила, что стоит, задыхаясь, сжимая кулаки с такой силой, что острые ногти – будь проклята придворная мода, как же она ненавидит острые ногти! – до крови впиваются в ладони. Потом разжала кулаки. Сказала:

– Извините меня.

– Ничего. Бывает. Но на всякий случай, чтобы ты хорошенько уяснила. Наша работа перешла из стадии наблюдения в стадию полевого эксперимента. Ограниченного, не способного сместить вектор исторического развития. Но в менее значимых, поверхностных социально-культурных слоях запущены определенные процессы...

– Вы имеете в виду спасение интеллектуальной элиты? Будаха и остальных?

– В том числе. Эти процессы нельзя остановить по щелчку пальцев, только потому, что один из наших разведчиков оказался на грани провала. Твоя работа – обеспечивать информационную безопасность его личности. Благодарю за доклад, но тебе не следовало с ним приходить ко мне: тебе следовало решить проблему.

– Но как же я ее решу?

– Тут уж не мне тебя учить. Или пять лет полевой работы прошли даром?

Пять лет на спине, на склизких несвежих простынях, в душных покоях, с холодными фальшивыми побрякушками на голом теле? О нет. Даром они не прошли.

Но на этот раз она промолчала.

– И не вздумай входить в контакт с Антоном, – добавил дон Кондор, беспокойно поглядывая на Окану. – То есть не в прямой контакт. Не более тесный, чем прежде. Ему и так сейчас тяжело, совершенно не нужно лишний раз дестабилизировать обстановку.

Антону тяжело. Ну конечно. Как она могла забыть. Антону ведь очень-очень тяжело. Его безумно, нечеловечески утомил изнурительный режим – по две дуэли в месяц. Такое и вправду не каждый выдержит.

Она сцепила зубы. Прощемила:

– Вас поняла.

– Вот и умница, вот и славно. Продолжай работать. Все под контролем, девочка, не беспокойся. Просто будь сильной. И осторожной.

«Если он назовет меня маленькой, я закричу», – подумала Окана.

Но он не назвал ее так. И она не закричала.

Уходя, в шутку хотела попросить подкинуть ее на вертушке до города. Но не стала. Она не помнила, когда в последний раз смеялась от души, да и было ли такое вообще хоть когда-нибудь.

Она всегда нравилась мальчикам. Милая, славная девочка Сонечка. Пока другие девочки лазали вместе с мальчишками по деревьям, охотясь за урожаем яблок, она сидела на пригорке в ситцевом платице, обхватив руками коленки – хорошенькие беленькие коленки, без ссадин и синяков. Мальчики на эти ее коленки всю таращились, и на тугие локоны, в беспорядке рассыпающиеся из-под соломенной шляпки. Мальчики приносили ей яблоки, еще и спорили, чье подношение лучше, толкались, злобно зыркали друг на друга. А она тем временем выбирала из сложенных к ее маленьким ножкам даров самый крупный и сочный плод, впивалась в него зубами и жмурилась хитро. А мальчики млели.

Где-то ты теперь, и что с тобой стало, славная девочка Сонечка...

А нигде. А ничего не стало. Выросла, стала коммунаром, захотела, как и прочие, приносить пользу. Поступила в Институт Экспериментальной Истории. Семья невероятно ею гордилась – отец ее был простым работягой, механиком воздушной техники, научная карьера дочери его восхищала. Она и сама собой гордилась. На первом курсе преподаватели называли ее перспективы блестящими. На третьем она вызвалась на практику в группу разведчиков-исследователей. И – с треском провалила задание. «Вы слишком вызывающе себя ведете, Пермякова. Вы не вписываетесь, – выговаривал ей строгий Александр Васильевич Сидоров. – Впрочем...»

За это «впрочем» она была готова на все. В ней всегда было что-то ветреное, что-то, как многим казалось, слишком поверхностное. У нее было много друзей, но никто не воспринимал ее всерьез. И тут – Арканар. Внедрение в полевую группу, да не просто так, а – сопровождающим наблюдателем. Смотрящей. Той, кто не носит монитор, не выполняет никаких научных задач, но зорко следит за тем, кому такие задачи поручены. Чтобы не случилось ничего непредвиденного. Чтобы не раскрыли, не схватили, не запытали в Веселой Башне. А чтобы вовремя распознать угрозу, нужно было постоянно находиться при королевском дворе. Сам дон Румата появлялся там лишь от случая к случаю – у него было по горло работы в других местах. Всякий раз, когда он являлся на балы, охоты и церемонии, Окана ясно читала на его лице глубокую, неистовую тоску. Он улыбался, шутил, блистал, второго такого великолепного кавалера при арканарском дворе еще поискать – и ему все это было так тошно, что хоть садись и волком вой. Окана видела это. Порой она изумлялась, почему не видят другие.

То есть это поначалу она изумлялась. Первый год. А потом все поняла. благородным донам позволено очень многое, в том числе некоторая доля эксцентричности. непонятное мягкосердечие дон Руматы, кое многие находили смехотворным, хоть и никогда не сказали бы ему об этом в глаза; явная скука и порой даже досадливость, с которой он выполнял

свои придворные обязанности; отсутствие раболепия перед первыми лицами королевства и странная привязанность к нелепым людишкам вроде барона Пампы, над которыми потешался весь Арканар, – все это прощалось ему, потому что он был мужчиной. Но что позволено благородному дону, то благородная дона позволить себе не может. Она не может сучать на балах и отворачиваться от назойливых поклонников. Она не может встать и уйти, когда галдящая стайка придворных дам по уши закидывает ее очередной порцией сплетен. И когда орел наш дон Рэба присылает к ней слугу с приказом немедленно явиться в его покои, она не может ответить: «Нет».

Знал ли об этом дон Кондор, отправляя ее сюда? Знал ли хоть кто-нибудь в Институте, что это такое – быть женщиной в царстве средневекового мракобесия, пусть даже и женщиной высокого положения, придворной дамой? Окана считала, что нет. Ее высадили на локацию и поставили рабочую задачу; как именно она эту задачу выполнит, никого не касалось. Если дон Кондор и отворачивался стыдливо, то не потому, что сполна сознавал, что ей приходится делать. Он просто чувствовал, что с нею что-то неладно, а что именно – не понимал. Вполне возможно, он, как и прочее руководство с Земли, искренне верил, что Сонечка Пермякова держит руку на пульсе всех придворных интриг исключительно за счет своего природного обаяния, как и благородный дон Румата. Если историк-мужчина может ответить на вызовы эксперимента и справиться с возложенными на него задачами, то почему не может историк-женщина?

А она не может. Не может, и все.

Она поняла это в тот день, когда решила принять ванну и явилась на бал, благоухая свежим запахом здорового тела, с капелькой легких земляничных духов. Это вызвало самый шумный скандал, какой знал королевский двор за целый месяц. Женщины смотрели на дону Окану с возмущением (ишь чего выдумала, кокетка!), мужчины – с вожделием (знаем, знаем, для кого старалась...). Ее тогдашний любовник, министр финансов, потянув носом над ее надушенным ухом, скривился и сказал: «Мылась? Мода, что ли, новая у вас пошла? Ты эту придурь брось!»

И она бросила эту придурь. Благородный дон Румата, отстояв скучные полчаса у туалета короля и нацепив сиятельную правую туфлю на высочайшую правую ногу, выходил из душных дворцовых залов на улицу и обретал свободу. Он шел в свой собственный дом, где слуги не смели глянуть на него косо. Шел к своей Кире, которая принимала его и любила настоящего, тем, кто он есть, а не кем должен казаться.

Он шел, и дона Окана смотрела ему вслед.

Это оказалось легко. Она поднаторела в таких делах. Пара томных улыбок из портшеза, одно вульгарное письмецо, приглашение на званый ужин в кругу избранных. Она не сомневалась, что он придет – не потому, что клюнул на ее уловки. Окана слишком хорошо понимала цену своей красоте – арканарской красоте, выхолощенной, скрупулезно подогнанной под вкусы местной публики и орла нашего дона Рэбы. Антон не мог купиться на такое, но дон Румата обязан был купиться, иначе о нем бы плохо подумали.

И он пришел. Окана долго сидела у себя наверху, слушая гомон собравшихся в салоне гостей. Потом встала, развернула перед грудью пышный веер из гигантских перьев. Пошла. Предстала перед ним во всем своем арканарском блеске: огромные синие глаза без тени мысли и теплоты, нежный многоопытный рот, роскошное, умело и старательно обнаженное тело... Глупая, похотливая курица. Вот кто она для дона Руматы, ни больше, ни меньше: Окана ясно читала это в прямом взгляде его светлых, холодных глаз, судящих ее с беспощадной божественной прямоотой, ничего не пропускающих, видящих насквозь. Ты видишь меня насквозь, но на самом деле не видишь ничего.

Она пошла прямо к нему, протянула руку, кокетливо изогнув запястье.

– Вы ослепительны, – пробормотал Румата, глубоко кланяясь и лязгая мечами. – Позвольте мне быть у ваших ног... Подобно псу борзому лечь у ног красавицы нагой и равнодушной...

Его рука сжимала ее надушенное запястье, но не ладонью, а пальцами, чуть заметно поджавшимися от гадливости. Все смотрели на них. Завтра на них, разумеется, донесут. Но Окана было на это плевать. Завтра Антона в Арканаре уже не будет.

Я скажу ему, а вы делайте что хотите, дорогой Александр Васильевич.

Она потащила его смотреть ковры. Старая карга, приставленная доном Рэбой к его фаворитке, засемила следом, прижалась к замочной скважине. Окана слышала, как она кряхтит и шамкает за дверью. Возможно, дон Рэба намекнул своей шпионке на подозрения по поводу дона Руматы, возможно, ей велено держать широко открытыми не только глаза, но и уши.

Окана резко остановилась, схватила Румату за шею, впиалась ртом в его губы. Смотри, старая ведьма, смотри. Я потаскуха, он бабник. Так и донесешь орлу нашему, а теперь уходи.

Она ощутила дрожь отвращения, волной прокатившуюся по телу Руматы. Ах, какие мы брезгливые. Никогда еще Окана в Арканаре не была так близко к нормальному человеку – сильному, чистому, честному, пахнушему другим миром, где все проще и одновременно сложнее, где другое понимание чести, верности, красоты. Помнит ли он еще разницу? Помнит, раз теперь так дрожит. «Что ж ты дрожишь, бедный, не надо. Не съем тебя», – подумала Окана, а вслух сказала:

– Я так ждала тебя! Пойдем скорей...

И не солгала на этот раз.

Она втащила его в будуар, волоча, точно строптивного раба, только что купленного на рынке. Румата шел тяжелой походкой, словно на казнь, его мечи оглушительно громыхали при каждом шаге. Сейчас, сейчас, еще немного: дверь запру, и тогда скажу тебе, кто я. Тогда поговорим наконец-то по-человечески...

И уже раскрыла рот, чтобы назвать его настоящим именем – как вдруг увидела яркий, мгновенный проблеск в стене напротив. Пламя свечей отразилось в золоченой панели, которая повернулась вокруг своей оси и снова встала на прежнее место... да только теперь там, прямо над панелью, открылся смотровой глазок.

Чертова нянька! Будь она проклята!

И что теперь делать?

На Окану накатило отчаяние. Может, проклятая баба насмотрится и уйдет? Надо потянуть время. Она бросилась на кровать, протянула к Румате чуть подрагивающие руки.

– Ты прекрасен. Иди же ко мне. Я так долго ждала!..

На что она надеялась? Что он уловит истинный смысл этой дрожи – не похоть, а страх и отчаяние? Что примет яростный блеск в ее умело подведенных глазах за предупреждение об опасности, за попытку подать тайный сигнал? Нет, Сонечка, нет. Он слишком дон Румата. А ты – слишком дон Окана. Он увидит лишь то, что ожидает увидеть, а ты – покажешь ему именно то, что наловчилась показывать. Нету Сонечки, вышла вся. Только дон Окана со своими липкими губами и скатавшейся от пота пудрой, занявшая место Сонечки, вытеснившая почти до конца...

Тайное окошко над панелью пялилось на них неподвижным черным глазом.

Она понесла какую-то страстную чушь, схватила Румату за отвороты камзола, притянула к себе. Хоть бы на ухо шепнуть, назначить другое время и место... И тут он оттолкнул ее. Отшвырнул. Его красивое, честное лицо исказилось таким омерзением, граничащим с ужасом, что Окана застыла, пораженная беспощадной откровенностью этого взгляда. Вот и сломался. Будь она вправду доной Оканой, всемогущей фавориткой страшного дон Рэбы,

тут-то и подписал бы ты себе, Антошенька, смертный приговор. Потому что ни одна женщина в мире, цени она себя хоть на медный грош, не забудет и не простит подобного взгляда.

Ни на кого нельзя так смотреть. Я же не грязь, Антон. Кем бы я ни стала, но я не грязь. Я человек.

– Ваши ковры прекрасны, – громко сказал Румата. – Но мне пора.

– Как ты смеешь? – прошептала она.

Этот вопрос исходил не от доны Оканы. Он исходил от Сонечки, которой в тот миг хотелось лишь одного: лечь ничком и разрыдаться – от стыда за себя, павшую так низко, и от стыда за него, вообразившего, что он лучше ее. Ты смотришь на меня, как Бог на червя, но разве я червь, Антон? И разве ты – Бог?

Что с нами стало?

Он попятился к двери, нащупал ручку, выскочил прочь, словно будуар был наполнен ядовитым газом.

Окана вскочила с постели, повернулась спиной к смотровому глазку и закричала изо всех сил. Она кричала ему вслед, осыпая проклятиями. Дона Окана и Сонечка Пермякова кричали разом, в унисон – и обе они ненавидели Антона и дону Румату, так ненавидели и так хорошо понимали.

Когда его шаги стихли, Окана повернулась, схватила с будуара флакон духов и в бешенстве запустила им в смотровой глазок. Снова блеснула панель, окошко торопливо закрылось. Старая ведьма узнала все, что хотела.

Что ж, дядя Саша, можете быть довольны. Я ничего не сказала Антону. Эксперимент продолжается.

Когда пришла стража, Окана была готова. Она смыла с лица толстый слой косметики, вымыла голову, с наслаждением приняла ванну. Остригла острые ногти. Из всех своих вульгарных нарядов выбрала самое простое и скромное платье. Надела его сама, отослав служанку. Села у окна, подперев рукой подбородок. И стала ждать.

С ней были не очень грубы – не заламывали руки, не били. Похоже, рассчитывали на то, что один вид приближающегося черного остова Веселой Башни повергнет ее в трепет и шок. Вообще-то ей полагалось упасть в обморок. Но поскольку теперь игры потеряли всякий смысл, Окана лишь окинула взглядом черный зев дверного проема, готовящийся поглотить ее без остатка. Она не боялась. Страх – удел тех, кому есть что терять.

Камера была вонючей, грязной, тесной, без единого окна и даже без ветровой отдушины. В такой высидишь не дольше недели, потом попросту задохнешься от смрада собственных испражнений. Ей оставили свет: сальный, страшно чадающий огарок. Окана взяла его в руки, не замечая, что расплавленный воск капает на пальцы. По крайней мере, этим можно отмахиваться от крыс.

Прошло время, но не слишком много – дон Рэба не мог позволить себе пытаться ее неизвестностью, он был слишком обеспокоен и не знал, чего ждать от Руматы. Он не сможет выдерживать долго, придет. Окана хорошо его знала. Она чуть заметно улыбнулась в полумраке, слушая яростное попискивание крыс и шорох пауков по углам.

Дверь загрохотала, грубый голос велел пошевеливаться. Окана встала, и тут ее в первый раз ударили – в живот, кулаком, закованным в стальную перчатку. Сознание затопила пелена животного ужаса. Будет боль, будут пытки, будет насилие – все это будет. Сейчас так уместно было бы заплакать, запросить пощады, ведь именно этого от нее и ждут.

Но если она хочет выжить, то не должна больше вести себя так, как от нее ждут. Какая ирония. Ведь целых пять лет все было в точности наоборот.

В пыточной было просторнее и как-то даже свежее. Комната хорошо вентилировалась, чтобы хоть немного развеивать смрад гниения и смерти; ведь сюда спускались не только

преступники с палачами, но и делопроизводители, записывающие показания пытаемых. А также порой и сама дон Окана, умело разыгрывавшая страстный интерес к пыточному делу – это качество дон Рэба особенно в ней ценил. Палач подвел Окану к стене, защелкнул тяжелые цепи на руках и ногах. Подошел к жаровне, лениво помешивая угли. Ждали дон Рэбу.

Наконец он вошел, подслеповато щурясь – в последние пару лет ему явно требовались очки, но он никогда бы не согласился носить этот атрибут книжечеев. Окинув пленницу взглядом, дон Рэба скорбно покачал головой, поцокал языком. Палач с хрустом перевернул раскаленные угли на жаровне.

– Девочка моя, девочка... А я ведь предупреждал, чтобы ты была осторожней.

– Тебе тоже стоит поостеречься, старый ты боров, – сказала Окана по-русски.

И все перевернулось. Время остановилось. Дон Рэба застыл, как каменный, впившись взглядом в избитую женщину, лежащую перед ним в кандалах. Женщину, которой следовало трепетать, рыдать и вопить от ужаса. А не смотреть на него с холодной усмешкой и не говорить с ним на неведомом языке.

– Слышал этот язык, да? – она снова перешла на арканарский. – А не ты, так твои шпионы. На слух записали, хотя и ничего не поняли. Я даже догадываюсь, где они этот язык слышали. И от кого.

Дон Рэба повернулся на каблуках. Ткнул палача кулаком в спину.

– Пшел вон!

Глухонемой палач кинул на хозяина удивленный взгляд, но безропотно подчинился.

Дон Рэба стоял неподвижно, скрестив на груди руки. Потом подошел к жаровне, взял раскаленный прут, стряхнул с него ошметки золы.

– Грязная сука, – сказал он раздельно. – Все мне скажешь.

– Разумеется, подагрический ты хрыч. Только то, что я скажу, тебе совсем не понравится.

Рэба заколебался. Он смотрел на нее с лютой, звериной ненавистью, держа оружие пытки так близко, что Окана слышала запах, идущий от раскаленного железа. Еще минута, и она услышит запах собственной паленой плоти. Плевать.

– У меня в зубе капсула с ядом, – сказала она. – Если ты сунешься ко мне с этой твоей палкой, я раскушу капсулу, и через секунду у тебя на руках будет мой скорченный труп. Ты не узнаешь ничего. И еще до рассвета сдохнешь в таких муках, которые тебе и присниться не могли, орлик мой.

Последнюю фразу она сказала снова по-русски, не заботясь, что он не поймет – вернее, зная, что он прекрасно поймет – если не слова, то их смысл. Дон Рэба мелко дрожал, выпучив свои маленькие цепкие глазки. Какой же он урод! Как же она его ненавидела!

Но это тоже работа, которую кто-то должен делать, верно?

– Кто ты? – спросил Рэба.

– Вот как, теперь речь обо мне? Кто такой дон Румата, тебя теперь меньше волнует?

– Отвечай, сука, – прошептал Рэба, но уже было поздно: он боялся, и она видела, что он боится.

Окана откинулась назад. Спокойным, хотя и замедленным от тяжести цепей движением сложила на талии закованные руки.

– Я та, кто знает, откуда дон Румата берет золото. Я та, кто знает, почему он не убивает людей. Я та, кто знает, что ради тебя он сделает исключение, если ты сунешься ему поперек дороги. Я та, кто знает, что тебе делать, чтобы не лишиться власти и головы в течение ближайших суток. Вот кто я такая, дон Рэба. Следующий вопрос?

Она насмеялась над ним в глаза, так, как давно мечтала. Это было мгновение ее триумфа, оно почти стоило всех унижений прошедших лет. Дон Рэба колебался. Его поразили

не столько слова Оканы, сколько ее внезапно до неузнаваемости изменившаяся речь, манера держать себя, взгляд, даже голос. Это была решительно не та женщина, которой он пользовался и которую считал лишь самую малость смышленее попугая. Теперь, напротив, он сам ощущал себя перед ней круглым дураком.

Раскаленный прут с грохотом упал на пол.

– Как... как он делает золото?

Неужели именно это его больше всего волнует? Впрочем... не так уж и удивительно.

– У него есть для этого машина. И еще у него есть машины, которые плюются пламенем. Они способны сжечь человека дотла за несколько мгновений. Десять таких машин за четверть часа уничтожат весь гарнизон Серых. Еще у нас есть машины, которые летают по небу. Каждая способна поднять до пяти человек.

– У нас, – дон Рэба облизнул губы. – Ты сказала – у нас?

– А ты все еще не понимаешь, бедный мой орлик?

Он нервно зашагал по камере. Пару раз бросал взгляд на жаровню, потом отворачивался. Старые привычки неизживаемы, но дон Рэба был умным, хитрым и очень осторожным политиком, а для своего времени и окружения – на удивление гибким. Он обладал всем сонмом талантов, свойственных посредственности. Именно это и привело его к власти, именно это и позволяло удерживать власть.

– Что вы хотите? Что вам нужно? – отрывисто спросил он.

– Это не твоего ума дело, – небрежно ответила Окана.

Он подскочил к ней, занес кулак. Встретил ее прямой, режущий, словно бритва, взгляд. И опустил руку.

– Как я могу знать, что все это не наглая ложь?

– Ты знаешь, что все это не наглая ложь.

– Как я могу тебе верить?

– Не можешь.

– Я притащу сюда Румату и повыдергиваю тебе руки и ноги у него на глазах!

– Ты, похоже, забыл, что я сказала про капсулу с ядом. Или ты невнимательно меня слушал? Слушай внимательнее, дон Рэба, это в твоих интересах.

Он снова забегал, дергая пальцами свои жидкие волосы. Он что-то бормотал себе под нос, то гневно, то удивленно. Окана смотрела на него сквозь полуопущенные веки и ждала.

Наконец дон Рэба остановился и сказал:

– С вами можно договориться?

Да, Александр Васильевич был прав. Эксперимент идет полным ходом, и избранная стратегия себя оправдывает. А возникающие проблемы... что же. Они решаемы.

– Договариваться будешь с доном Руматой. Он сообщит, на каких условиях ты можешь не опасаться вмешательства с нашей стороны. И не советую тебе с ним торговаться, он этого очень не любит.

– Он дьявол, да? А ты – демоница? – спросил дон Рэба, с искренним любопытством вглядываясь в Окану. Похоже, его осенила мысль, что все эти годы он пользовался как шлюху могущественное создание из иного мира. И эта идея ему невероятно польстила.

– Это именно то определение, которое способен вместить твой примитивный разум. Да, я демоница, – насмешливо сказала Окана.

Дон Рэба восхищенно цокнул.

– Что-то подобное я и подозревал. Эти летающие машины... Пару раз шпионы доносили о них, но я не поверил. Еще и пороть их велел, чтобы не шли на дело с бодуна...

Он глубоко задумался. Вздыхнул.

– Ты не сможешь вернуться ко двору.

– Разумеется. Я и не собираюсь. Тыпустишь слух, что я была арестована по подозрению в измене и умерла, не выдержав испытания огнем. Я исчезну, и никто не станет задавать никаких вопросов.

– Да, это хорошая мысль, – пробормотал дон Рэба. – Хорошая мысль...

Он наклонился с резвостью, неожиданной в этом рыхлом холеном теле, подцепил с пола раскаленный прут и ткнул им Окане в грудь, прямо над сердцем.

Она не вздрогнула. Не закричала. Она сидела и смотрела на него, холодно кривя уголок рта.

Я сильная, Александр Васильевич. Кукле не больно.

Дон Рэба выронил кочергу.

– Ах ты ж... – прохрипел он. – Что ж ты...

– Ты был никудышным любовником, орлик, – сказала Окана, глядя на него со странной смесью отвращения и неясной, абсурдной нежности. – Да и человек никчемный, но этого тебе не понять. Прощай.

Антон сидел на пирсе, спустив ноги в воду. Штанины у него были закатаны до колен, рукава рубашки тоже закатаны по локоть. Он разглядывал поплавок, дергающийся на поверхности воды, и не двигался. Вокруг пели птицы.

– Я не хочу, – сказала Окана.

Именно так она продолжала называть себя в мыслях. Окана. Хотя здесь, на Земле, все могло – и должно было – вернуться на круги своя. Но не вернулось. Работа дон Руматы, мужская работа, оставляла простор для маневра; можно драться сто двадцать шесть раз, никого не убив, можно дойти до самой грани и сдать назад, остановиться, отыграть, не переступить роковую черту. Но она, дон Окана, роковую черту переступила в самый первый день, в самый первый раз. И дороги назад нет. Нет эвакуации для Сонечки Пермяковой.

Но ведь и дон Румата не сдал назад. Не сразу, но он тоже переступил черту. Арканарцы убили Киру, и он стал убивать арканарцев. Он убил их очень, очень много.

«Кто виноват? – подумала Окана, глядя издали, как он сидит на пирсе и невидяще смотрит на прыгающий поплавок. – Ты зарубил десятки людей. Я отдавалась десяткам мужчин. Во мне всегда была эта грязь? А в тебе всегда прятался этот зверь? Арканар всегда был частью нас, наравне с Землей? Или просто и ты, и я – мы где-то ошиблись, где-то свернули не туда?»

– Я не хочу здесь быть, – снова прошептала она, и Александр Васильевич мягко обвил рукой ее напряженные плечи.

– Понимаю. И не могу приказать. Просто прошу.

– Что я ему скажу? Он никогда не видел... меня. Я ему никто.

– Ему теперь все никто.

– Я плохо сделала свою работу. Думала, что дон Рэба достаточно запуган. Не предполагала, что он... что этим закончится.

– Никто не предполагал. Это и моя ошибка тоже. И ошибка Антона. Мы все порядочно напортачили, как ни крути. Именно поэтому я надеюсь, что тебя он сможет услышать. Что именно ты сможешь до него достучаться.

– Думаете, он захочет разделить со мной свою вину? – горько улыбнулась она, и Александр Васильевич ответил тихо:

– Я надеюсь на это. Очень.

Окана вспомнила взгляд Руматы, последний взгляд, брошенный благородным доном на благородную дону. Там, в будуаре. Свою ненависть. Свой стыд – за себя и за него. Ты – Бог, а я – червь. Или наоборот?

Эту ношу не вынести одному.

Окана сделала шаг вперед, по направлению к озеру, над которым, звеня, переливался прозрачный лесной воздух, опьяняющий свежестью и чистотой. Остановилась. Снова пошла. Быстрее, еще быстрее, неотрывно глядя на сгорбленную черную фигуру, почти неразличимую в ярком сиянии солнца.

Она задержалась по пути всего на одну минуту – нарвать земляники.

Юлия Остапенко, Майк Гелприн Бессребреницы

Земля была рыхлой, прохладной и очень вкусной, похожей на дрожжевой пирог с ревенем. Особенно хороша оказалась нижняя часть дерна, сантиметров на двадцать в глубину, словно с нижней части пирог пропекся получше. Правда, дело немного портила трава, покрывавшая дерн, – короткая, густая и жесткая, как свиная щетина. В первый день Соня изрезала об нее пальцы, пытаясь выковырять пригоршню жирной, солоноватой земли из-под толстой шкуры – шкура, думала она, это именно шкура, а не трава. Пальцы и сейчас саднили, покрытые мелкой россыпью почерневших царапин; их надо было промыть, но – негде.

За шесть дней она так и не нашла воды.

Перед высадкой Александр Васильевич заверил Соню, что Город находится совсем рядом, не далее километра к северу. Она десантировалась рано утром, еще затемно, на круглую поляну, окруженную со всех сторон непроглядной стеной леса. Ей не оставили компаса, а ориентироваться на местности из-за особенностей местной флоры было крайне сложно, но от поляны вела прямая, четкая тропа, и Соня должна была добраться до Города самое позднее к полудню. А там бы ее встретили подруги, она бы сказала им, кто такая, и все пошло бы как по маслу.

Так и вышло. Почти. Она пошла по тропе, неестественно ровной, внешне похожей на бетонную беговую дорожку, но упругой, мягко пружинящей под ногами, неясного белесого цвета, напоминающего студень. Тропа не обманула, вывела, куда надо, вот только Города там не было. Там был просто холм, покатый, поросший толстой корой «свиной щетинки», как Соня называла про себя этот странный травяной покров. У него, разумеется, уже имелось научное название, данное земными биологами, но Соня это название быстро забыла. Она вообще почему-то стала все быстро забывать. Но к тому моменту, когда остановилась у подножия голого холма, на котором не виднелось ни Города, ни вообще каких-либо признаков жизни, еще помнила все достаточно хорошо, чтобы подумать: «Черт бы вас побрал, дядя Саша».

Он сказал, что здесь поселение и люди. И вот вам, пожалуйста – ни поселения, ни людей. В принципе, Соня не была особенно удивлена. Большая часть данных, получаемых с Пандоры, отличалась неточностью и противоречивостью, выходившими далеко за рамки статистической погрешности. Проще говоря, даже если снимки со спутника показывали нечто, напоминающее Город, не факт, что это не было чем-то совсем другим.

Так или иначе, вертолет улетел, а ближайший сеанс экстренной связи – на месте высадки через двое суток. Если что-то пойдет не так, как минимум сорок восемь часов Сонечка Пермякова должна была справляться с проблемой сама, прежде чем сможет попросить помощи. Это на Арканаре она могла в любой момент вскочить на коня и прискакать в Пьяную Берлогу. Но то Арканар, там все было по-другому.

Арканар, при всей его липкой мерзости, был куда более человечен. Понятен. Близок.

Сейчас, через шесть дней блуждания по чаще, она начинала думать, что скучает по Арканару.

Разумеется, сначала Соня действовала по инструкции: первым делом решила вернуться по тропе назад на поляну и там подождать положенные двое суток. В других обстоятельствах, на какой-то другой планете она попыталась бы провести разведку самостоятельно, но в этой высадке была строжайше запрещена любая инициатива. Лес слишком непредсказуем. Он слишком враждебен к людям, включая аборигенов, и слишком быстро меняется. Насколько быстро – Соня не сознавала до тех пор, пока не пошла по белесой,

смутно мерцающей в полуденном солнце тропе. Она проходила здесь всего час назад. Она пошла и теперь, но пройти сумела недалеко.

Потому что через триста метров тропа закончилась. Вот просто – взяла и закончилась, точно ее обрубили топором. И теперь обрубок упирался в лес, высившийся непроглядной стеной. Лес, которого, Соня могла поклясться, здесь не было час назад.

Ее готовили к этому. Александр Васильевич лично наработал с ней пятьдесят часов инструктажа, но, увы, сугубо теоретического. В точности как перед Арканаром. И Соня по опыту уже знала, что теоретический инструктаж, каким бы он ни был подробным и продуманным, не передаст и сотой доли того, с чем придется столкнуться в первый же день на чужой, неизученной, настороженной планете.

Не просто чужой. Чуждой.

Поначалу Соня решила не ходить никуда вовсе. Если через двое суток она не оставит условленного знака на месте явки, на базе поймут, что с ней неладно, и по меньшей мере прочешут местность. Надо просто не уходить далеко. Еды благо было навалом – буквально валялась под ногами. Грунт в месте высадки обладал полным набором белков, жиров, углеводов и микроэлементов, необходимых для поддержания человеческого организма. В сущности, Пандора представляла собой почти неистощимый источник грубой, но питательной пищи. Прямо манна небесная, подумала Соня и усмехнулась про себя этой мысли.

Манна была, да. А воды не было.

Именно это заставило ее сдвинуться с места, и куда раньше, чем ей бы хотелось. Хотя местность была заболочена, а съедобная земля отчасти утоляла жажду, настоящей воды здесь не было – только мутная густая жижа с солоноватым привкусом. Пить ее было все равно что морскую воду. Но лес покрывала густая сеть рек и треугольных озер, которые мигрировали с феноменальной, по земным меркам, скоростью, однако никогда не меняли плотности распространения. Пусть Города и нет, но пресная вода должна быть где-то поблизости, обязательно.

Соня шла по лесу, и лес смотрел на нее. Некоторые деревья были вполне благожелательны, хотя пару раз она видела пугливые – те при ее приближении вырывали корни из земли и торопливо ковыляли в стороны, смешно переваливаясь, и, лишь оказавшись на приличном расстоянии, снова пускали корни и застывали в величественной неподвижности. Одно дерево попыталось на нее напасть, во всяком случае, Соне так показалось: она наступила на узловатый корень, выпирающий из-под почвы, и корень стал раздуваться, пульсировать, яростно двигаться, точно силился вырваться из земли и схватить нахалку, потревожившую его покой. Соня поспешно отошла от дерева, оглянулась и увидела, как из крошечного дупла высовывается тонкая семипалая лапка и ласково шарит по лоснящемуся стволу, точно пытаясь его успокоить. Это подействовало: корень перестал вспухать, земля снова сошлась над ним. Одноглазое существо, похожее на птицу без перьев, которое сидело на земле и наблюдало за этой картиной, раскрыло рот и издало короткий звук, в котором звучало то ли неодобрение, то ли насмешка. На Соню оно даже не взглянуло.

Это был предельно странный мир, но Соню его странности не волновали. Ее волновала только вода.

Она нашла ягоды – точнее, их следовало назвать орехами, потому что снаружи их покрывала толстая, как кость, скорлупа. Но внутри оказалась мякоть, кроваво-алая, вязкая, похожая на сок раздавленной перебродившей вишни. Она хорошо утоляла жажду, и Соня съела с десятков ягод, прежде чем ее скрутила жесточайшая кишечная колика. Больше эти ягоды она не трогала. Были еще другие – скользкие, ярко-зеленые, пульсирующие в руке, и когда Соня сжимала их, выдавливая сок, ей казалось, что она душит живое существо. Ей даже чудился хрип, который испускали эти ягоды, когда она их убивала. Это бы вряд ли ее

остановило, однако зеленый сок оказался невозможно горьким. Живот от него не болел, но его нельзя было пить.

Она считала дни по ходу солнца. Спала на земле, потому что деревья в этом месте вовсе не давали надежного укрытия от хищников – уж скорее наоборот. Но хищников она не видела, даже если они и видели ее. Вообще животных Соне встретилось на удивление мало – если не считать животными деревья, траву, хрипящие зеленые ягоды и все остальные растения, встречавшиеся ей на пути. Она читала доклады биологов и их теории о симбиотической экосистеме флоры и фауны на Пандоре; по всему выходило, что это и не растения, и не животные, а нечто более близкое к царству грибов; но ей плевать на это было. Она не биолог, она социолог, у нее совершенно другие задачи. Она должна была в первый же день попасть к людям. К подругам. «Они выйдут к тебе, – уверял ее Александр Васильевич. – Сами тебя найдут».

Ох, дядя Саша, дядя Саша. Вы и на Арканаре мне говорили, что все держите под контролем. А я, дура, как тогда вам верила, так поверила и теперь.

На шестой день Соня вышла к треугольному озеру.

Она видела такие на снимках со спутника. Равнобедренный треугольник, геометрически безупречный. Вода в нем была темной и неподвижной, с очень ровной, как ножом обрезанной кромкой. Соня подошла к берегу, упала на колени и стала лакать языком, как кошка. У воды был металлический привкус, но она была, без сомнения, пресной. Соня пила, захлебываясь, хотя знала, что так нельзя, будет только хуже, но пила и никак не могла остановиться. На миг ей почудилось, что снизу, со дна, на нее внимательно смотрят чьи-то глаза. Но это, наверное, просто дало себя знать обезвоживание.

Наконец она оторвалась от воды и выпрямилась. И тогда увидела его. Мертвяка. Так этих существ называли местные; у них имелось и научное название, данное учеными в Институте, но какое, Соня забыла. Она много чего забыла. Но не то, что мертвяки опасны. Она стояла, не двигаясь, глядя на сгорбленное создание, похожее на мужчину, но с длинными, как у орангутанга, руками, спускающимися к самой земле. Мертвяк смотрел на нее белыми глазами и шамкал безгубым ртом. Потом вдруг раскинул гигантские лапы вширь, точно раскрывая объятия. «Как странно, – подумала Соня, – с чего это мне померещилось объятие? Логичнее, что он хочет меня схватить».

Она стояла, глядя на мертвяка без страха и с любопытством, и сама безмерно удивлялась этому. Мертвяк шевельнулся и медленно двинулся к ней – не то покатился, не то пополз, а она стояла так, точно ноги вросли в рыхлую землю. И подумала только: «Почему ты стоишь, идиотка?! Беги!» Но стояла и не бежала, хотя любопытство сгнуло, и страх пришел, и заледеневшее от ужаса сердце тяжело долбило в ребра.

Мертвяк остановился, подойдя к ней почти вплотную, так, что она видела широкие открытые поры на его лоснящейся белесой коже. Такой же белесой, как тропа, по которой Соня шла в первый день.

Какая-то мысль – какое-то определение происходящего – крутилось у Сони в голове, точно вертящая зверушка, пытающаяся поймать собственный хвост. Вертелась, вертелась и никак не давалась в руки.

– Приветствую тебя, подруга.

Соня обернулась на голос. Перед ней в воде стояла обнаженная женщина с длинными распущенными волосами. Вода доходила ей до колен, и ни малейшей ряби не шло по поверхности – как не шло ее и тогда, когда Соня пила из озера. Женщина протянула руки, улыбнулась, и Соня, шагнув в воду, вложила пальцы в протянутые ладони. Руки женщины сомкнулись на ее руках, твердо и ласково. Она попятилась, увлекая Соню за собой. Соня шагнула следом. Еще шаг, и еще. Теплая вода с привкусом крови дошла ей до подбородка, коснулась губ.

Потом сомкнулась над головой.

* * *

Мертвяки разом вымахнули на лесную опушку. Было их двое: скособоченный, желтый верзила с обезьяньими ручищами до щиколоток и тощий, заморенный, синюшный доходяга.

Посевная оборвалась. Мужики повывлезали из борозд и, почесываясь, затоптались на месте. С визгом умчались в деревню женщины.

Ханна удирать не стала. Кто же это такие, в который раз думала она, переводя взгляд с верзилы на доходягу. О мертвяках Наставник не говорил ничего, будто их вовсе не было. Впрочем, он много о чем не говорил и, возможно, неспроста. Мертвяки воруют женщин – это факт. Вопрос только зачем.

Вопросов было гораздо больше, чем ответов. За те четыре месяца, что Ханна провела в деревне, она только и занималась тем, что приставала с вопросами. К старосте, к Лентяю, к Грибоеду, к Зануде, к Трепачу – ко всем подряд. Ответов не было. Почему мертвяки воруют именно женщин, не знал никто. А может, и знали. Или догадывались, но говорить опасались.

– В цепь, в цепь рассыпайтесь, – покрикивал между тем староста. – На мертвяков цепью ходят. Бродило готовьте, не любят мертвяки бродила, очень его боятся, потому бродилом их отгонять надо. Пошли, пошли, нечего тут топтаться.

Мужики пошли. Минуту-другую Ханна понаблюдала, как они, спотыкаясь и подбадривая друг друга, опасливо приближаются к мертвякам. Затем вздохнула и побрела обратно в деревню. Утренняя трава успела уже увянуть, высохшие желтые стебли ломались под ногами и рассыпались в труху. Рабочие муравьи деловито растаскивали хворостины, палые листья и прочий сор, строились в колонны и волокли ношу к северной околице. У жирного, маслянисто поблескивающего, извивающегося в пожухшей траве ползуна переминался с ноги на ногу Лентяй. Ползуна следовало травить, и горшок с травобоем стоял у Лентяя в ногах, но видно было, что травить ему лень, потому что умный человек, вместо чтоб травить, может, к примеру, поспать. Или, к примеру, поесть, благо вчерашний урожай уже перебродил и закис.

– А, Чужачка, – приветствовал Ханну Лентяй. – И куда же ты топаешь, Чужачка, не иначе, к дому своему топаешь, а не, к примеру, на собрание, потому что на собрание топать в другую сторону. Нечего тебе дома делать, Чужачка, там, к примеру, спать надо, а время спать еще не настало. Потому ты налево, Чужачка, поворачивай, и по этому проулку топай, пока не упруешься, к примеру, в площадь. А лучше я с тобой пойду, а то заблудишься еще и вместо площади придешь, к примеру, на поле. Ну его, этот ползун, делать мне нечего, только ползуны травить, пускай, к примеру, Грибоед травит или там Зануда. Или даже... – Лентяй задумчиво почесал под мышками, – хотя бы ты потрави, Чужачка, а то никакого толку с тебя нет, да и какой может быть с тебя толк, когда ты, к примеру, как пройти на площадь, не знаешь.

Ханна молча оттеснила Лентяя плечом, с натугой оторвала от земли успевший уже пустить корни горшок и стала травить.

– Не туда сыплешь, – досадливо частил Лентяй. – Ты, Чужачка, на ботву ему сыпь, на ботву сыпать надо, ползун с ботвы киснет, а ты на хвост сыплешь, у нас никто так не делает, хотя, может, в твоей деревне так делали, не помню, откуда ты там.

– Из Израиля.

– Чудная ты, Чужачка, – поскреб под мышкой Лентяй. – И деревня твоя чудная. Где это слыхано, чтобы деревни так называли? Деревни по-человечески должны называться. Муравейники, к примеру, или Выселки, или там Тростники. И травишь чудно, кто ж так травит, шибче трави давай, а то на собрание опоздаем.

Ханна стала травить шибче. До чего же глупо, думала она, щедро посыпая травобоем корчащуюся мясистую плоть. Наставник объяснял, что для нее эта деревня, этот Лентяй и остальные – круг Второй. Что Первый, дескать, она прошла. Что пандорианский лес враждебен к землянам, но к землянкам, напротив, благоволит. И что такие, как она, бессребреницы, – большая редкость. Ханна была согласна. И в самом деле, надо быть редкостной дурой, чтобы согласиться на Второй круг. Она и Первый-то едва помнила. Иногда в памяти всплывал странный, нелепый, обреченный на гибель Город. Иногда нескладный старый ученый, рассуждающий о временных петлях. А иногда... Ханну передергивало и корежило всякий раз, когда она видела, не глазами видела, а чем-то иным, ладного, надежного и храброго парня, который любил ее, и звал замуж, и погиб, пытаясь ее уберечь.

Когда ползун перестал, наконец, извиваться и корчиться, Ханна сунула полупустой горшок Лентяю в руки и, не оборачиваясь, пошла на площадь. Пересекла редкую поросль шипастого кустарника, который начал уже зацветать и которого вчера еще не было, обогнула стайку пупырчатых, неспешно ковьяляющих на задних конечностях квакунов, продралась сквозь переплетение буйно цветущего вьюна и выбралась на перекресток. По центру его, беспорядочно шевеля губами и часто моргая, сидел на корточках Трепач. Мутное лиловое облачко сосредоточивалось, сгущалось у него над головой.

– Чего молчишь? – укорил Трепача подоспевший Лентяй. – Ты не молчи, ты треплись давай, пока собрание не началось. Где это видано, чтоб молчать вместо чтоб, к примеру, трепаться.

Трепач икнул и перестал моргать.

– Повсеместное заболачивание, – сообщил он. – Уверенные Одержания на южных фронтах. Спокойствие и Слияние с новыми отрядами славных подруг. Истреблять вплоть до полного искоренения.

– Другое дело, – обрадовался Лентяй. – Истреблять славных подруг, Чужачка, ясно тебе? До полного искоренения на фронтах. На южных, к примеру. Заболачивание до повсеместного Одержания, что там еще?

– Ударные темпы разрыхления почвы, – одурело таращась, поведал Трепач. – Оттеснение пережитков домостроя на юг. Новые города для новых отрядов.

– Где они, эти новые города? – спросила Ханна, когда Трепач наконец замолчал и, отдуваясь, поднялся на ноги. – Растолкуй, пожалуйста, на каких фронтах и кого следует истреблять.

Трепач ошалело заморгал и принялся почесываться. Видно было, что ни где, ни на каких, ни кого он знать не знает.

– Кого надо, того и истреблять, – вступился за Трепача Лентяй. – Ты, Чужачка, прекрати свои вопросы спрашивать. Никто вопросов не спрашивает, одна только Чужачка спрашивает, и как только не надоело. Откуда нам знать кого. Сказано тебе: на южных фронтах, чего еще надо?

Ханна махнула рукой и пошла на площадь, где уже нес привычную монотонную невнятицу Зануда, вразнобой уговаривали его заткнуться Путник и Грибоед, а староста шикал на всех, чтоб рассаживались, чтоб помалкивали и чтоб не вздумали дремать. Ханна устроилась в корнях развесистого дерева с гнутым стволом и немедленно задремала, а очнувшись, лишь когда сквозь дрему осознала, что речь завели о ней.

– Значит, в Старой деревне образовался жених, – напустив на себя значительности, поведал староста. – Некто Кулак, вон он сидит, полюбуйтесь. А у нас, соответственно, имеется готовая невеста – известная всем Чужачка. Спрашивается, как нам теперь поступить: отдать ли Чужачку жениху или приютить его у нас?

– Пускай забирает, – загнусавил Зануда. – Нечего нам тут лишних дармоедов селить, у нас и так одни дармоеды. Двести лет мы тут без этой Чужачки жили и еще столько же,

может быть, проживем. Толку с нее никакого нет, одни вопросы, от которых голову ломит. Пускай теперь в Старой деревне ломит, где, кстати, эта деревня, отродясь о такой не слыхал.

– В Старую деревню мой дед ходил, – рассудительно сказал Грибоед. – И отец мой туда ходил, когда еще болот не было. Пять ден пути до деревни этой, вынь да положь. Только вот Чужачка нам хотя и чужая, а все ж таки своя. Толку с нее и вправду нет, но это от небольшого ума. Вот поживет с мужем у нас, пообвыкнется, ума наберется, глядишь, и будет толк. Детишек, опять-таки, нарожает.

Неужели это происходит со мной, со смесью изумления и горечи думала Ханна, переводя взгляд с Грибоеда на Зануду, а с того на жениха, неимоверно грязного бородатого молодчика с кудлатыми патлами. Глупая и жалкая фантазмагория. Какое право эти бедолаги имеют решать, где ей жить, за кого ей выходить замуж и выходить ли вообще. Даже Грибоеду, старому, доброму, рассудительному Грибоеду не пришло на ум спросить для начала не сородичей, а ее.

– Ни за кого не пойду! – вскочив на ноги, крикнула Ханна. – Тоже мне, сваты выискались.

– С одной стороны, Грибоед прав, – глядя сквозь Ханну, будто ее и не было вовсе, почесал буйную щетину староста. – С одной, значит, стороны, Чужачка нам не чужая. А с другой – пойдн пойми, кто она такая и откуда взялась.

– Из Раиля, – подсказал Лентяй.

– Вот-вот, мы тут про такие места слыхом не слыхали. И ямочка между ключицами у нее одна. У всех нормальных людей две, а у нее одна. Почему, спрашивается? А не потому ли, что Чужачка, может быть, никакая и не Чужачка, а, скажем, подруга из тех, про которых треплется Трепач? А зачем нам здесь, спрашивается, подруги?

– Вот это голова, – восхищенно сказал Грибоеду Лентяй. – Недаром его старостой выбрали. И вправду, пойдн пойми эту Чужачку, чудная она какая-то, мутная. Может, оттого, что и в самом деле, к примеру, подруга?

– А давайте жениха спросим, – подал голос Трепач. – А то в такую даль за невестой пришел и сидит теперь сиднем, помалкивает, а мы тут за него, получается, решать должны. А ну-ка, скажи нам, как там тебя, Кулак, чего ты сюда к нам пришел? Сидел бы себе в Старой деревне и беды не знал, а ты пришел, будто у вас там других забот нет, кроме как в чужие деревни за девками шастать.

Выяснилось, что забот в Старой деревне, шерсть на носу, полон рот. Что от мертвяков спасу нет, и от воров спасу нет, и что девок, считай, почти не осталось. Что была у Кулака жена, но воры ее забрали, и на ком теперь жениться, шерсть на носу, если девки, считай, повывелись? Не на славных же подругах жениться, шерсть на носу. Один надумал на славных жениться, так дали ему по соплям, враз раздумал и детям своим заказал.

На площади загалдели.

Одну жену вораи отдал, и вторую отдаст, перекрывая общий гомон, доказывал Грибоед. Помочь надобно людям, возражали ему. Пускай забирает Чужачку, толку с нее все равно нет. А если воры? А что воры? Украдут Чужачку, им же хуже: она их своими вопросами изведет, пускай потом в болоте утопятя от этих ее вопросов.

Голова у Ханны пошла кругом.

– Сами топитесь, – в сердцах бросила она и, не оглядываясь, пошла прочь.

* * *

Сознание возвращалось муторно, отзываясь режущей болью в горле и груди. Соня вздрогнула, распахнула залепленные вязким илом глаза, надрывно закашлялась. Изо рта потоком хлынула и потекла по подбородку темная вода.

Вода. Озеро. Женщина вышла из озера, протянула ей руки и увлекла за собой. То ли не сомневалась, что Соня умеет дышать под водой, то ли хотела утопить. Но если последнее, то почему она до сих пор жива?

Она моргнула, прочищая слипшиеся веки. И наконец увидела склонившееся над ней испуганное лицо. Женское. Нет, девичье. Совсем юная девушка, та самая, что увлекла ее в озеро, сидела теперь над Соней и в страхе смотрела на нее.

– Ну и ну! – сказала девушка и всплеснула руками. – Вот это дела! А я-то думаю: чего она из озера пьет. А ты без защиты!

Соня с трудом села. Грудь все еще саднило, но дыхание выровнялось. Она огляделась. Озеро оставалось неподвижным, и мертвяк тоже был здесь, стоял на траве шагах в десяти от них и тупо моргал глазами без ресниц.

– Ты без защиты, да? – снова недоверчиво спросила девушка.

Она была очень юной, лет семнадцати, и почти противостоительно красивой. Длинные волосы, влажные от воды, облепляли точеные плечи, прикрывая девичью грудь. Девушка совершенно не стыдилась наготы – ни перед незнакомой женщиной, которую только что чуть не утопила, ни, тем более, перед мертвяком. Она села на пятки, сложила руки в замок и с видом крайней задумчивости закусилась прядь волос, попавшую между губами.

– Меня Навой зовут, – проговорила она наконец. – А тебя?

– Окана, – ответила Соня, прежде чем успела осознать вопрос и правильный ответ на него.

У нее была отдельная легенда для Пандоры, Соня помнила эту легенду на удивление подробно. Имя тоже было – подходящее социуму, не режущее слух аборигенам. Но когда Нава спросила это имя, ответ вырвался помимо воли, сам собой. Это не Арканар, подумала Соня, это что-то совсем противоположное Арканару. Почему же я по-прежнему Окана?

– Тебя он принес? – спросила Нава, кивнув на мертвяка.

Соня медленно покачала головой. Нава приподняла брови, потом задумчиво кивнула, все так же жуя прядку.

– Тогда все понятно. Ты еще не была в облаке. Поэтому захлебнулась. А я тоже хороша! Увидела тебя, увидела его – ну, думаю, он тебя и принес, а значит, ты уже защищена. Но как же тогда выходит? – Большие голубые глаза расширились, став почти неправдоподобно огромными. – Если тебя не мертвяк принес, откуда ты здесь взялась?!

– Я пришла сама, – устало сказала Соня. – Я так долго к вам шла. Целых шесть дней. Я думала, что умру.

Она вдруг уронила голову на грудь и расплакалась. Это было поразительно. Сонечка Пермякова, благородная доня Окана, никогда не плакала. Не плакала на Земле, не плакала в Арканаре, когда разочаровывала других, когда обманывалась в других, когда была использована другими. А здесь, перед юной девочкой, глядящей на нее с холодным и в то же время благожелательным интересом, разрыдалась, как дитя.

Нава протянула тонкую, почти прозрачную ручку и погладила Соню по голове.

– Все хорошо, – сказала она. – Не пугайся, все страшное уже позади. Теперь ты дома. Только надо тебя защитить, и все сразу наладится. Я тоже сперва боялась, а ничего в этом страшного нет.

«Я не боюсь, – подумала Соня. – Совсем не боюсь. И я дома. Это правда. Откуда я знаю, что это правда?»

Она вытерла слезы и встала. Нава тоже встала. И указала ей на лиловый туман, колышавшийся по другую сторону озера, на узкой поляне перед смыкающейся стеной Леса.

– Сходи в облако. Познакомьтесь, – мягко сказала она. – А тогда уж к нам.

Окана окинула взглядом озеро. Вопросительно взглянула на Наву. Та кивнула.

После минутного колебания Соня сбросила одежду. И, обнаженная, ступила в озеро, погрузилась в воду и поплыла, рассекая руками неподвижную темную гладь. Несколько раз ей казалось, что кто-то трогает ее за ноги снизу, из глубины. Не пытается схватить и утащить на дно, просто проверяет. Знакомится. Никто здесь не желает ей зла.

И лес... лес тоже не желал ей зла. Иначе бы она давно умерла.

Она пересекла озеро безо всяких происшествий и вышла на той стороне. Лиловый туман – облако, как назвала его Нава, – был не туманом вовсе, а сгустком какой-то разреженной субстанции. Слишком густой, чтобы ее можно было счесть газом, не жидкой, не твердой, не плазматической. Это было какое-то новое, неизвестное на Земле агрегатное состояние вещества. Соня слегка нахмурилась, но пути назад не было. Она вздохнула. Закрыла глаза.

И пошла знакомиться.

... – Ну как? – спросила Нава, когда Соня вернулась из лилового облака. – Хорошо, правда?

– Да. Хорошо.

Нава сидела на земле и расчесывала пальцами мокрые волосы. Она походила на русалку. Я тоже теперь похожу на русалку, подумала Соня. Я могу дышать под водой. Она еще не пробовала, но не сомневалась, что сможет. И невольно скользнула пальцами по своим ребрам, точно пытаясь нащупать сквозь кожу выросшие над легкими жабры. Нет, конечно, никакие жабры там не выросли... ну, по крайней мере, она так думала... хотя что-то в ней изменилось, существенно и необратимо, когда она вошла в лиловое облако и вышла из него. Что происходило с того мгновения, как ее кожи коснулись лиловые молекулы, и до того мгновения, как они перестали ее касаться, Соня не помнила абсолютно. Осталось лишь иррациональное и глубокое, на уровне инстинкта, ощущение света и покоя. И принятия. Да, самое главное – принятия.

Чувство дома.

– Что же это такое? – тихо спросила Соня. – Кто вы такие?

Нава посмотрела на нее в веселом удивлении. Хмыкнула, сморщив веснушчатый носик.

– Мы подруги, конечно, – ответила она.

– Это я знаю, но чьи? Чьи вы подруги?

– Твои. Леса. Восточной стороны. Одержания. А, я поняла, – Нава протянула руку и ткнула тонким пальчиком Соне в лоб. – Ты стараешься думать. Это не надо. Ты же внутри себя уже все знаешь, так зачем понимать? Ты познакомилась с облаком? Вы друг другу понравились?

– Очень, – ответила Соня после долгой-предолгой тишины. – Очень понравились.

– А я так и знала! – торжествующе закричала Нава и совсем по-детски захлопала в ладоши. – Ну, давай тебя быстренько испытаем, просто чтоб ты сама убедилась, и тогда уже пойдём к нашим. М-м... А, вот он как раз! Прикажи ему.

Соня посмотрела на мертвяка, который все еще бестолково топтался у кромки озера. Теперь, когда она познакомилась с облаком, мертвяк не казался ни жутким, ни отвратительным. Он скорее напоминал новорожденного детеныша какого-то крупного зверя, причем не хищного – безобидного, слабого, нуждающегося в защите. Соня поманила его к себе, двигая острым чувством сострадания, вызванным пониманием того, какое жалкое и бессмысленное это существо. Но в большей мере – тем, каким жалким и бессмысленным оно было, прежде чем подруги превратили его в мертвяка... Та доля была еще незавиднее нынешней...

– Что мне с ним делать, Нава?

– Что хочешь. Придай ему форму. И не думай, Окана, милая, не думай ни о чем. Ты же все знаешь.

Да, она откуда-то все знала. Манящий жест сменился другим, рука сжалась в кулак и повернулась, точно закручивая винт. Мертвяк потащился вперед, точно его потянули на поводке, потом крутанулся на месте, взвизгнул, согнулся еще сильнее, скукожился... стал уменьшаться... почти исчез.

Когда он был уже совсем рядом, она разжала кулак. В раскрытую ладонь мягко скользнуло то, что еще минуту назад было здоровенным чудовищем, а теперь – стало твердым кусочком белого металла. Соня потрогала пальцем лезвие. Острое, как бритва.

– Эта штукавина называется скальпель, – пояснила Нава, хотя Соня знала и без нее. Где-то и когда-то, в другом мире, она уже видела такие штуки. – Надо же. Мне она тоже когда-то вот так же в руку заползла. Да мы с тобой похожи, подруга. Мы родня.

Она улыбнулась, и Соня улыбнулась в ответ.

– Значит, вот чего ты хочешь, – уверенно сказала Нава, глядя, как Соня сжимает рукоять скальпеля, быстро теплеющую в ее взмокшей ладони. – Это отлично. Нам в последнее время как раз не хватает ночных работников.

* * *

Бессмысленно, думала Ханна, петляя вслед за Кулаком по извилистой, заросшей сорняком тропе. Замкнутая цивилизация, сказал Наставник. Обособившаяся, отгородившаяся от мира лесом. Где-то на севере есть океан, и песчаные дюны, и свежий морской воздух, и ласковый, в белых барашках пены, прибой. Где-то есть База, на ней сидят умные, знающие люди, давно сидят, и в основном без дела, потому что умные люди – большей частью мужчины, а лес по непонятной причине к мужчинам враждебен и к своим тайнам их не подпускает. Еще где-то есть затопленные деревни, изничтоженные грибницей деревни, поглощенные болотом деревни, побитые прыгунами, пораженные синей травой. В деревнях живут люди, плохо живут, бедно и суетно, а главное – бестолково, потому что никто ничего не знает о своем мире и знать не желает. Как можно жить, ничего не зная о своем мире?

Еще где-то есть Город, а может статься, не один Город, а сразу несколько. Что такое Город, тоже никто не знает, разве что некий Молчун, который туда ходил. Идти с Кулаком в Старую деревню Ханна согласилась именно из-за этого Молчуна, личности, судя по всему, пытливого и незаурядного.

– Кулак, – окликнула Ханна топающего перед ней по тропе лохматого аборигена. – А Молчун, он в вашей деревне родился или в какой другой?

Кулак остановился, шумно опростал нос, затем уселся на землю, достал из походной торбы горшок с едой и, чавкая, начал есть.

– Хорошая еда, шерсть на носу, – сказал он, ополовинив горшок и протянув его Ханне. – Ты ешь, ешь, Чужачка, а почему ты, кстати, Чужачка? Хотя неважно, какая разница, почему ты Чужачка. А вот почему ты детей делать со мной не хочешь, это, шерсть на носу, очень важно. Одна вот тоже не хотела детей делать, так дали ей в мурло, теперь только и делает, что детей, полдюжины уже настрогала.

– Не отвлекайся, пожалуйста, – попросила Ханна, с сомнением разглядывая содержимое горшка. – Детей мы с тобой делать не будем, мы о Молчуне говорить будем. Понятно тебе? Не о детях, а о Молчуне. Так где он родился, ты говоришь?

– И зачем я тебя взял, – укоризненно сказал Кулак. – Правильно в твоей деревне говорили: нет с тебя никакого толку. Кто такая жена, ты знаешь? Ничего ты не знаешь, шерсть на носу. Жена – это чтоб человек был сыт, одет и чтоб дети. Без жены у человека детей не бывает, хотя, говорят, у подруг бывает, но врут, наверное, откуда им у подруг взяться, детям, да и самих подруг, должно быть, нет.

Ханна поднялась на ноги и пошла по тропе. До чего же они болтливы, думала она, вминая в тропу иссохшую оранжевую траву. Все причем, без исключения. Может быть, это защитный механизм такой – болтовня? Нечего человеку сказать, вот он и несет абы что, лишь бы не выглядеть дураком. Впрочем, Молчун, наверное, не болтает. Он, наверное, потому и Молчун, что держит рот на замке. Скорее бы, подумала Ханна. Скорее бы встретиться с Молчуном, поспрашивать его, поговорить, расхлебать с его помощью эту несусветную кашу в голове, понять, что, в конце концов, происходит.

– Долго еще? – обернулась она к пытящему за спиной Кулаку.

Оказалось, что долго. Что сначала будет Гнилая деревня, через нее плесень прошла, с тех пор гниют там все, шерсть на носу, волдырями исходят. Поэтому в Гнилой деревне жену брать никак нельзя, хотя они бы отдали. Затем будут Тростники, но их надобно стороной обойти, потому что там Одержание произошло, и голые девки лежат в воде, может, утопленницы, а может, и нет. Раньше рыбу в Тростниках пальцами приманивали, а теперь, шерсть на носу, никого не приманишь, разве что утопленницу. Один вот приманивал-приманивал, так накостыляли ему по шее и сунули в озеро, там теперь и сидит на дне, никого не приманивает и как приманивать позабыл. Затем будут Муравейники, а оттуда до Старой деревни уже рукой подать.

– Если, конечно, в пути ничего не случится, – добавил Кулак. – А то, шерсть на носу, запросто может случиться, путь эвон какой неблизкий. Один вот тоже ходил-ходил, так заехали ему в ряшку...

Ханна вздохнула и слушать перестала. Они пересекли редколесье, пробрались сквозь мрачный неприветливый бурелом, а потом местность пошла под уклон, и тропа под ногами зачавкала, а лес по сторонам поредел, а затем и вовсе истаял, сменившись травяными зарослями. Солнце уже садилось, последние лучи с трудом пробивались сквозь хитросплетения лиан и вьюнов над головами, а с болот наносило затхлым и гнилостным, и что-то ухало, скрипело, скрежетало там угрожающе и зловеще.

Ханне стало неуютно и боязно, она спросила, долго ли еще, и Кулак сказал, что до Гнилой деревни рукой подать, но ночью по болотам идти нельзя, никто ночью по болотам не ходит. Еще он сказал, чтобы Чужачка не беспокоилась, потому что на болотах пускай и сыро, зато, шерсть на носу, безопасно и хищных зверей не водится, одни только змеи и пауки. Ханна заметила, что лучше уж звери, чем змеи. Тогда Кулак сказал, что Чужачка небольшого ума, потому что змею, если заквасить, то будет питательно и вкусно, а звери, шерсть на носу, сами кого хочешь заквасят. Затем он сказал, что раз Чужачка не хочет делать детей, то самое время поспать, завалился в мох и немедленно захрапел.

Ханна долгое время заснуть не могла, а когда, наконец, заснула, привиделся ей Трепач, который голосом Наставника говорил: «Не лезь в повсеместное разрыхление, девочка, не вмешивайся, и в заблачивание не вмешивайся, не твое это дело, совсем не твое, увидишь Одержание, стороной его обойди, и искоренение обойди, а то головы не сносишь».

Наутро Кулак сказал, что надо, шерсть на носу, поторапливаться. С полчаса невыспавшаяся Ханна бездумно брела за ним по тропе, а с болот наплывал плотный белесый туман, но потом он стал редеть, таять, а когда тропа запетляла вверх по склону холма, и вовсе сошел на нет.

– Как на вершину вскарабкаемся, так Гнилая деревня и будет, – бубнил на ходу Кулак. – Внизу она там, в распадке, поэтому плесень через нее, видать, и прошла, с холмов спустилась.

Он первым выбрался на вершину и вдруг, суетливо размахивая руками, попятился. Оступился на склоне, едва не сбив Ханну с ног, и лицо его скукожилось, скривилось, будто завяло, мелко задрожали губы, задергался на шее кадык.

– Пойдем отсюда, Чужачка, нечего нам тут делать, – зачастил Кулак. – Чего стоишь, шерсть на носу, уходить надо.

Ханна обогнула его и двинулась вверх по склону.

– Не ходи туда, Чужачка, – растерянно лепетал за спиной Кулак. – Не вздумай ходить, Чужачка, нельзя тебе туда ходить, сгинешь там, пропадешь.

Ханна достигла вершины и едва удержалась, чтобы не ахнуть от изумления. Никакой деревни в распадке не было, и самого распадка тоже не было, а было вместо него зажатое десятком холмов треугольное озеро. У ближнего берега гладкое, с серой водой, у дальнего завешенное густым лиловым туманом.

Медленно, опасливо Ханна стала спускаться. На полдороге к берегу оглянулась – Кулака видно не было. Ханну передернуло. Озеро как озеро, принялась уговаривать себя она, пытаюсь унять дрожь. Всяко лучше, чем вчерашнее болото с гнилостным запахом и погаными звуками. Сейчас она спустится, прохладной водой ополоснет лицо, может быть, даже искупается наскоро.

Она присела на корточки на берегу, осторожно тронула воду и немедленно отдернула пальцы. Купаться здесь явно не следовало, вода была теплой, даже горячей, и не серой, как казалось с вершины холма, а скорее барвинковой. Ханна взгляделась: что-то было там, в десятке шагов от берега, что-то большое, угловатое и неровное. Она поднялась на ноги и взгляделась пристальнее. В воде был дом. Обычный деревенский дом, только с настезь распахнутой входной дверью, пустыми окнами и провалившейся крышей. Ханна перевела взгляд на покосившееся крыльцо и в страхе отпрянула. На нижней ступени, задрав бороду и распластав по сторонам руки, лежал утопленник. Ханна заозиралась. Вокруг было безлюдно, и лишь у дальнего берега в лиловом тумане что-то перемещалось, двигалось, но что именно, было не разглядеть.

Ханна механически шагнула вдоль берега раз, другой и увидела еще одного утопленника. Парнишку лет пятнадцати, тощего, с вытаращенными глазами. Она судорожно залепила ладонями рот, чтобы не заорать от страха, попятилась на ставших неверными, будто ватными ногах. Споткнулась, неловко упала, приложившись спиной о землю и не почувствовав боли. Какая же я дура, выругала себя Ханна. Набитая дура и идиотка. Ведь предупреждал Кулак, человек опытный, проживший в этом мире всю жизнь: «Не ходи туда, дура, пропадешь».

Опираясь на локти, она села, перевела дух и волевым усилием уняла страх. У дальнего берега по-прежнему что-то двигалось, из лилового марева то и дело вымахивали размытые мутные силуэты, торопливо перемещались и вновь ныряли в туман.

Стиснув зубы, Ханна зашагала туда, изо всех сил стараясь не думать о тех, кого скрывала под собой барвинковая озерная вода, и о том, почему они не ушли, не сбежали, не удрали отсюда опрометью, а покорно позволили себя утопить. Не думать не получалось. Даже не смотреть не получалось: превращенное в кладбище озеро словно приманивало, притягивало взгляд, и тогда Ханна, зажмурившись, побежала.

Она бежала вдоль берега, и клубящееся лиловое марево становилось все ближе, проступающие в нем силуэты все отчетливее, и вскоре стало уже ясно, что это люди и, вполне возможно, те самые люди, которые утопили деревню вместе с ее обитателями, а теперь за компанию утопят и нежелательную свидетельницу. Страх ушел, сменившись безрассудной, отчаянной злостью, и Ханна, все больше наливаясь, напитываясь этой злостью, достигла лилового марева и на его границе остановилась.

По склону холма энергично и споро передвигались женщины. Улыбчивые женщины в желтых накидках, с чистой кожей и ясными глазами. На Ханну они почему-то не обратили никакого внимания, лишь ближайшая, румяная, кровь с молоком брюнетка приветливо помахала рукой. С минуту Ханна ошарашенно наблюдала, как четыре женщины деловито

и слаженно гонят вверх по склону холма стаю косолапых, уродливых животных, похожих на рогатых и зубастых свиней. Как спускается, выстроившись в линию, другая четверка, и как ложится, будто скошенная, перед нею трава. Ханна смотрела, и злость в ней истончалась, таяла, и вскоре никакой злости вообще не осталось, а вместо нее пришли радость и умиротворение, будто к путнику, после долгих скитаний вернувшемуся домой. А потом ее наконец заметили.

Сухопарая, подтянутая, с морщинистым лицом старуха и стройная, сероглазая и светловолосая девушка отделились от расправляющегося с травой квартета и двинулись к Ханне. В пяти шагах, приязненно улыбаясь, остановились.

– Приветствую тебя, подруга, – сказала старуха. – Ты воспитательница, должно быть? Тогда еще рано, воспитанницы пока не готовы.

– Постой, – девушка шагнула вперед, улыбка внезапно слетела с нее, будто ветром сдуло. – Она, кажется, не из наших. Ты кто? – каменя лицом, бросила девушка. – Зовут как?

– Ч-чужачка, – запинаясь, выдавила Ханна. – В-вернее...

Женщины переглянулись.

– Она из этих, – кивнув на озеро, заключила девушка. – Ночные работницы, видать, оплошали. Не волнуйся, милая, – вновь заулыбалась она. – Мы о тебе позаботимся, вымоем тебя, накормим, напоим. Не пугайся, все страшное уже позади.

– Что позади? – выдохнула Ханна. Чувство, что вернулась домой, покинуло ее, как не бывало. – Что именно у меня позади?

Пара переглянулась вновь.

– Дерзкая, – недовольно проворчала старуха. – И на деревенских дурочек не похожа. Взгляни, Мара, ямочка между ключицами у нее всего одна. Как у Оканы.

– Откуда ты? – пристально глядя Ханне в глаза, спросила Мара. – Может быть, с Белых скал? Отвечай, ну!

Ханна заставила себя мобилизоваться.

– Из Израиля, – выпалила она. – Что здесь произошло?

– Завираешься, – брезгливо поджала губы старуха. – Что надо, то и произошло. Или об Одержании в твоём этом, откуда ты там, не слыхали?

– Слыхали кое-что, – призналась Ханна. – Покойники под водой – это тоже Одержание?

Старуха не ответила, она теперь смотрела не на Ханну, а словно сквозь нее. Стремительно шагнула вперед светловолосая Мара, и Ханна почувствовала, как что-то тяжелое, плотное наваливается на плечи, обволакивает, пригибает к земле.

Ханна рванулась. Ребром ладони, как учил в Первом круге ладный и надежный, любивший и не уберегший ее парень, рубанула Мару по горлу. Крутанувшись на месте, ногой в живот достала старуху. Метнулась назад, увернулась от корявого, надвигающегося на нее мертвяка и размашисто, вкладывая в бег остатки сил, помчалась прочь.

* * *

Дерево было старым, толстым и ужасно ленивым. Оно терпеть не могло работать, как и большинство стариков, но Соня нашла с ним общий язык довольно быстро, так что оно позволило ей забраться наверх и устроиться в ветвях, хотя и ворчал не переставая, как ему тяжело и какое оно старое.

– Ох, да ладно тебе, – сказала Соня. – Если так уж не хочешь, я вон на то пойду, там и ветки поразвесистее, и обзор лучше.

Дерево тут же прекратило жаловаться и испуганно замолчало. Что ни говори, а внимание подруги приятно ему, старику. Ведь деревьев в лесу много, а подруг – мало. Их все еще слишком мало. Всегда недостаточно.

Ночь была непроглядной, но не для нее. Соня пристально вглядывалась в деревню, раскинувшуюся метрах в пятистах впереди. Вроде бы слишком далеко, но теперь ее глаза видели острее, чем раньше; точнее, они видели острее то, что надо видеть. Она не могла разглядеть отдельных лачуг, не видела покосившихся заборов и глинобитных сараев. Но точно знала, что там, в деревне, двадцать пять мужчин старше шестнадцати лет, четырнадцать детей младше шестнадцати лет и всего девять женщин. Да, женщин в деревне мало, их всегда мало. Всегда не хватает.

Соня тихонько свистнула, так же тихонько хлопнула в ладоши. Мертвяки, сгрудившиеся у подножия дерева, на котором она устроила обзорный пункт, беспокойно задвигались. Их было двенадцать – Мара ворчала, что маловато для работы с такой большой деревней, но Соня убедила ее, что вполне достаточно. Она уже знала по опыту, что, если правильно выбрать момент, организованно направленная группа мертвяков справляется с вдвое большим числом мужчин – ха, мужчин, если их можно так назвать. Вялые, сонные, ленивые бараны, живущие не как мухи даже – как овощи, шатающиеся без дела целыми днями, раскатиисто храпящие в своих убогих лачугах, которые не могут улучшить, потому что ни ума, ни сноровки, ни воли на это нет. Они до безумия напоминали Соне арканарских мужчин – всех тех благородных донов, ленивых, бесполезных, наглых и в общем-то не нужных никому, даже себе самим. Поразительно, насколько похожи могут быть в своей сути социумы, столь отличные по внешним признакам: безвкусная роскошь арканарских замков, первобытное убожество пандорских деревень. А как ни глянь, и там, и там – скоты.

Только разница между ними все-таки была, и существенная. В Арканаре Соне приходилось терпеть их. Приходилось приспособливаться. А здесь она могла – и была обязана – их изничтожать. Как заразу, как паразитов, как бессмысленное, изжившее себя эволюционное звено. Они динозавры, думала она, динозавры Пандоры. Земным динозаврам пришлось исчезнуть, потому что кто-то решил, что их время вышло. И на Земле кто-то когда-то сделал эту работу, просто мы до сих пор не знаем, когда и кто.

А здесь, сейчас, эту работу делала она – Соня. Окана.

– Давайте, малыши. Потихонечку, – прошептала она, хотя ни мертвяки, ни, тем более, деревенские услышать ее не могли.

Стая мертвяков, сбившись в кучу, потащилась вперед, к темнеющим впереди лачугам. Соня чувствовала каждый их шаг, щекотку кусачей травы на их босых ступнях, урчание их вечно пустого и вечно голодного нутра, чувствовала их безмятежность, которая в любое мгновение может смениться яростью. Стоит ей только захотеть. Они были оружием, остро заточенным скальпелем в ее ловких пальцах. Конечно, у нее не сразу стало получаться как следует, но теперь она делала свою работу хорошо. Подруги гордились ею. Нава смотрела на нее с обожанием, таскалась за ней всюду хвостиком, и пара девчонок помладше тоже. Даже Мара, от которой вовек никто не слышал слов одобрения, пару раз снисходила до скупой похвалы. Соня не была лучшей из ночных работниц, но все знали, что, когда она идет на смену, дело делается быстро и четко, улов окажется достойным, а все ошибки будут исправлены.

Ошибки, думала Соня. Ошибки бесполезны, а порой и вредны. Я часто ошибалась раньше, но только теперь я точно знаю, что ошибки можно исправить.

Мертвяки ввалились в деревню, шатаясь и низко рыча. Как всегда, их сперва никто не заметил, потом из деревни донесся одинокий вопль, потом началась паника. Кричали дети, вопили бабы, мужики разбежались кто куда, и лишь единицы из них вяло пытались дать отпор. Соня увидела рослую, крепкую девицу с крупными руками и ногами, пышущую молодостью и здоровьем. Восхитилась, потянулась и схватила ее бледными руками мертвяка. Девица заорала и впечатала мертвяку в лицо могучий кулак – ах, умница, ах, девочка, далеко пойдешь! Соня видела – глазами мертвяка – как ее лицо перекашивает животным

ужасом, когда свороченный ею нос мертвяка не ломается, а стекает по его лицу вниз, точно тающий воск. Девица задергалась, закатила глаза и осела вниз. Ничего. Испугалась, бывает. Все равно хороша. Соня закинула ее на плечо мертвяка руками мертвяка и понесла в лес. Надо проследить и за остальными. Ночь только началась.

Мертвяки убили в той деревне всего шестерых. Конечно, мужчин – женщин никогда не убивали. Женщины могли быть полезными для подруг, как та толстая девка, или бесполезными, как многие другие, хилые, зашуганные; но они никогда, ни при каких обстоятельствах не могли быть ошибкой. Они пройдут через Одержание, и Великое Разрыхление Почвы либо поглотит их и перемелет, как качественное удобрение нового грунта, либо примет в себя и полюбит, как приняло и полюбило подруг. Но так или иначе, свою роль в Одержании они сыграют. В отличие от мужчин. От мужчин не было вообще никакого толку. Они не годились ни для переработки, ни для удобрения, и лес не мог, не умел их полюбить – не знал как. Мужчины были для леса чем-то настолько же чуждым, насколько чужда была Арканару Сонечка и насколько чужд был Арканару Антон... Но невозможно вписать чуждое в мир, живущий по собственным законам – невозможно, да и незачем. Не ходят со своим уставом по чужим монастырям. Соня давно это поняла. А вот Александр Васильевич до сих пор не понимает. Александр Васильевич для того и отправил ее на Пандору, чтобы она во всем разобралась и ему рассказала...

Александр... Васильевич... Два этих слова звучали в ее голове, словно одно целое, и некогда что-то значили, что-то важное. Но что именно, Соня не знала и знать не хотела. У нее есть работа, она любит свою работу и сделает ее хорошо.

* * *

Лес благоволит к женщинам, как же, тоскливо думала Ханна, сидя на болотной кочке и дрожа от холода в утренних сумерках. Хотя, конечно, удивительно, что она после двух суток блужданий по лесу еще жива. Что не утонула в болоте, не попала на зуб местному хищнику и не отравилась неведомыми грибами. Правда, долго такое везение продолжаться явно не может. Заблудилась она безнадежно и напрочь. Питьевой воды нет, сил нет, оружия тоже нет, а если бы и было, проку с него бы оказалось немного.

Когда солнце разогнало сумерки, Ханна поднялась и побрела на восток. С тем же успехом можно было двигаться на запад или на юг, но двое суток назад она почему-то решила идти на восток, так что менять направление было бы теперь нелепо.

«Интересно, сколько я еще проживу, – думала Ханна, с трудом ковыляя по влажно хлюпающему под ногами мху. – Умозрительный такой, академический, можно сказать, интерес. До полудня, пожалуй, протяну. А вот до вечера...»

Тропу Ханна увидела, когда решила, что до вечера дотянуть вряд ли удастся. Была тропа основательно заросшей и явно давно нехоженой, но она была, а значит, вела к людям. Ханна воспрянула духом, но толком даже порадоваться не успела, потому что, едва ступив на тропу, напоролась на мертвяков. Их было двое, и оба не походили на видавших виды, битых, травленных бродилом оборванцев. Были мертвяки свежими, нетронутыми, оранжевыми, как спелые апельсины. Ханна обернулась, собираясь сбежать, но в двух десятках шагов за спиной стоял еще один, красно-коричневый и тоже будто с иголки.

Вот и все, затравленно озираясь, думала Ханна. От этой троицы ей не уйти. Мертвяки похищают женщин. Теперь понятно, для кого.

Она не заметила, в какой момент из кустов вымахнул плечистый мужик с дубиной. Она увидела лишь, как тот на месте свалил красно-коричневого мертвяка и мимо нее по тропе метнулся к оранжевым.

– Спасибо, – выдохнула она, когда те, не дожидаясь расправы, сгнули, а незванный спаситель, закинув дубину на плечо, остановился в пяти шагах. – Спасибо тебе. Ты кто?

Мгновение-другое мужик стоял, покачиваясь с пятки на носок и изучающе глядя на Ханну. Затем улыбнулся. Был он черноволосым, кареглазым и безбородым, с тонким прямым носом и наискось пересекающим правую щеку шрамом.

– Я-то? – переспросил он. – Зовут меня Кистенем. Я – вор.

Ханна отшатнулась. От Лентяя, Грибоеда и прочих про воров она была наслышана. По то, как те обращались с женщинами, тоже.

– Да не бойся ты, – с досадой сказал Кистень. – Не трону. Я давно за тобой слежу. Сначала думал, что ты из этих гадин. Думал, прищучу, наконец-то, одну. Не угадал. Тебя как звать-то?

Ханна облегченно выдохнула:

– Чужачкой.

Кистень хмыкнул.

– Хорошее имя. Есть хочешь, Чужачка?

Усевшись на корточки, он терпеливо ждал, пока она, не в силах остановиться, черпала ложкой из вместительного горшка. Затем, когда горшок опустел, стал рассказывать. Неторопливо и складно, без присущих деревенским жителям нелепых тавтологий. Ханна слушала и чувствовала, как страх, который она испытала при виде утопленников, превращается теперь в ужас.

– Они не умеют, не могут сопротивляться, – с горечью говорил Кистень. – Они жертвы. Подруги оттесняют их в глубь леса, отбирают у них дома, дочерей и жен превращают в новых подруг, а их самих... – он осекся и замолчал.

– Продолжай, пожалуйста, – попросила Ханна. – Что «их самих»?

– Тот мертвяк, которого я угробил, еще три дня назад был моим другом. Вором в моей шайке. Мы пришли в Гнилую деревню, чтобы увести людей. Мы опоздали, подруги накрыли нас. Булыжник, Хромой, Криворот и остальные – все легли на дно озера вместе с теми, кого собирались выручить. Из некоторых эти гадины уже сделали мертвяков. Из прочих сделают позже.

Он замолчал. Ханна долго молчала тоже. Затем сказала тихо, едва слышно:

– Кто они, Кистень, миленький? Подруги эти. Кто? Кем они были раньше?

– Да откуда мне знать, Чужачка, – устало развел руками Кистень. – Когда я родился, война была уже в разгаре. Только мало кто признавал, что это война. Люди жили и умирали, но умирали чаще, больше и покорнее, чем в прежние времена. Лишь мы, те немногие, кто понимал, что происходит, пытались дать отпор, препятствовать разрыхлению и заболачиванию нашей земли. Мы силой отбивали и спасали женщин. В деревнях нас боялись, называли ворами. В городах тоже боялись и истребляли, когда удавалось застать врасплох. А мы воевали, хотя с каждым новым поколением воров становилось все меньше. Три дня назад нас стало еще меньше. Мою шайку перебили, в живых остался один я.

– Это ужасно, – сказала Ханна. – Это попросту ужасно и бесчеловечно.

Кистень усмехнулся.

– Тебя ведь недаром зовут Чужачкой, не так ли? Ты нездешняя, ты откуда-то из других мест. Может быть, из другого леса, а может...

– Да, – решительно кивнула Ханна. – Так и есть. Я – из другого мира. В нашем мире не истребляют себе подобных. Не...

Она осеклась на полуслове и не стала продолжать, потому что вспомнила школьный курс истории. В ее мире люди истребляли себе подобных на протяжении тысячелетий.

– Из другого мира, говоришь? – Кистень заглянул Ханне в глаза. – Я почему-то не удивлен. И куда ты направляешься, Чужачка из другого мира?

– Мне надо в Старую деревню. Может быть, ты знаешь туда дорогу?

Кистень рассмеялся.

– Дорогу, – эхом откликнулся он. – Надо же. Я здесь живу, Чужачка, я эту землю вдоль и поперек исходил. Я проведу тебя, путь займет у нас дня четыре. Может быть, пять. Скажи: в твоём мире мужчины спят с женщинами?

Пару мгновений Ханна молчала.

– Да, – наконец твердо сказала она.

* * *

Соня лежала на воде и смотрела в небо, высокое, без единого облачка. Вода держала ее уверенно и крепко, как на Земле держит Мертвое море, и даже еще крепче, еще надежнее, потому что моря и люди на Земле – разные формы материи, а на Пандоре это одно и то же. Соня смотрела в небо, которое было ее родней, как и вода, и деревья, и мертвяки, и все-все вокруг, все на свете, кроме мужчин. Ее подруги, ее сестры, другие частички ее нового, безграничного «я», лежали с ней рядом так же неподвижно и безмятежно, и длинные их русалочьи волосы колыхались в стоячей воде. Со стороны, наверное, казалось, будто они утопленницы и плавают мертвые. Но они были живы и будут живы, пока жива и дышит сама эта удивительная планета.

Удивительная, твердила Соня про себя, удивительная. Что Арканар! Мы ничего не узнали на Арканаре. Мы, такие мудрые, такие утомленные собственной мудростью и всеислием, ничему там не научились. Мы, люди с Земли – женщины с Земли, но в большей степени земные мужчины – это то, что подруги называют ошибкой. Это и есть ошибка с точки зрения Великого Разрыхления Почвы, великого преобразования всего в ничто, а из ничего снова во все, в новое, лучшее. Ход эволюции неотвратим, необратим и бескомпромиссен, и неважно, касается ли он отдельно взятого общества или целого мира. Можно пытаться что-то изменить, можно сдерживать, вмешиваться, красть законные жертвы у этого мира, вырывать из пасти – как поступали прогрессоры на Арканаре, крадя у серых людей тех, кто не желал быть серым. И так же прогрессоры поступят на Пандоре, когда поймут, что именно здесь происходит. Как же это так, скажет Александр Васильевич, ведь и среди деревенских мужчин, истребляемых лесом, наверняка есть достойные спасения... и именно за этим, да, именно за этим здесь Соня...

Но не за этим здесь Окана. Вовсе нет.

Контролируемый эксперимент, так вы это называете? А тут ничего нельзя контролировать. Тут ничего не хочется контролировать, вот ведь какое дело. Если на Арканаре Соню каждое мгновение корежило от внутреннего, вечно подавляемого и оттого особенно яростного протеста, то здесь в ней с первых часов возникло чувство совершенной правильности всего происходящего. Даже когда она умирала от жажды в лесу, который казался ей враждебным, а на деле был лишь настороженным. Он сразу почуял в ней свою, почуял, что она ему родня или может ею стать. Лес отрезал ей дорогу назад, на место явки, и открыл дорогу к Городу. Лес принял ее.

Она лежала на воде и думала про Антона и про его глаза, какими они были в тот миг, когда она подошла к нему и протянула полную пригоршню земляники. Он выронил удочку. Она попыталась улыбнуться. Там тоже было озеро. На Земле. Так далеко.

Мы состоим из тех мест, в которых оказываемся. Эти места принимают и впитывают нас, или перемалывают, или отторгают. Это и делает нас – нами.

Теперь, подумала Соня. После стольких мытарств. Наконец-то я дома.

А вы ждите меня, дядя Саша, ждите. Ищите. Прочесывайте местность вокруг точки рандеву, за те месяцы, что я здесь, оно уже сто раз успело перемениться до неузнаваемо-

сти. Там, где меня высадил вертолет, теперь треугольное озеро. Не наше, но я хорошо знаю подруг, которые там живут, мы часто работаем вместе, отдыхаем, поем и делимся радостью от хорошо проделанной работы. Вы бы сказали, правда, что работа эта плохая, грязная. Что я похищаю женщин и убиваю мужчин; пусть не сама, не своими руками, но на самом деле руки мертвяков – мои, и вот этого вам никогда не понять. Да я и не допущу, чтобы вы поняли. Вмешались. Хоть одним пальцем тронули безупречную экосистему этого мира, где вода, камни, растения, животные и женщины живут в абсолютной гармонии и принятии друг друга. Где все ленивое и бессмысленное изничтожается прежде, чем успело нанести вред. Вы бы начали суетиться, дядя Саша, и со своим бесконечным прогрессорским тщеславием попытались бы сделать этот мир лучше, исходя из собственных представлений о правильном. Но здесь и так все совершенно. Здесь все работает так, как надо. Так не трогайте.

Я не позволю вам тронуть.

Соня увидела впереди на берегу лиловый туман, как его называли земляне, или облако, как его называли подруги – хотя было оно не туманом и не облаком, а совсем новой формой существования материи, необходимой и уместной именно здесь и сейчас. Приподняла голову, с трудом отделяя себя от воды, с усилием и неохотой заставляя себя вспомнить, где кончается вода и начинается она сама. Подруги лежали неподвижно, она учуяла облако первой. Лежащая рядом Нава с трудом приоткрыла сонные глаза. В них мелькнул вопрос. Соня покачала головой.

– Лежи. Я сама сбегаю, – прошептала она, и Навины глаза с благодарностью закрылись снова.

Соня выбралась на берег, подошла к облаку, раскрывая объятия. Облако обняло ее в ответ. Тучи насекомых, слетавшихся со всех сторон, устремились в лиловое марево вместе с ней, по ногам прошмыгнуло что-то мягкое и склизкое, еще одно и еще. Соня знала и любила их всех. Облако заговорило с ней, Соня услышала его в своем животе и ответила ему, тоже животом. Оно говорило, а она слушала, утешала, обещала.

Когда она вернулась, большинство подруг уже вышли на берег и расчесывали мокрые волосы, переговариваясь и смеясь, четыре или пять еще нежились в ласковой воде. При виде Сони все смолкли, повернулись к ней жадно, с любопытством.

– Я узнала место следующего Одержания, – сказала Соня. – Не там, где мы думали, южнее. Называется Старой деревней. И начать надо обязательно сегодня, иначе место будет безнадежно испорчено, и придется проводить полную очистку с самого начала цикла.

– Окана! – крикнула Нава, уже совсем проснувшись. Голубые глазки ее светились радостным, шальным светом. – Милая! Как здорово, как я рада!

Она расхохоталась счастливым детским смехом, подбежала к ней, обхватила за ноги и звонко расцеловала в голое колено. Соня с удивлением опустила на нее взгляд – и тогда увидела. Увидела то, что заметили уже все подруги, и все глядели на нее, радостно, одобрительно, восхищенно. Она ощущала счастье и гармонию, разлитую в воздухе над озером, так остро, как никогда прежде. И поняла, что именно сейчас стала здесь по-настоящему своей.

После того как она вышла из лилового тумана, ее живот округлился, стал тяжелым и большим. Как будто на последних сроках беременности. Соня положила ладонь на живот, ощутив, как дремлет и шевелится в ней новая, прекрасная жизнь.

В свой первый год на Арканаре благородная донна Окана пошла к черной сморщенной знахарке и сказала: «Сделай так, чтобы я никогда не рожала детей». Знахарку потом сожгли на костре за колдовство.

Но свое дело она сделала как следует.

* * *

Молчун, скрестив ноги и потупив глаза, сидел у порога своего дома. Ханна долго смотрела на него. На ямочку между ключицами, всего одну, как у нее. На усталое, изрезанное морщинами лицо. На мосластую, натруженную руку, сжимающую скальпель.

– Как вас зовут? – спросила она. – Я имею в виду, как вас звали на Земле?

Он вскинул голову.

– Зови меня Молчуном, дочка. Я больше не землянин.

– Послушайте, – Ханна смахнула со лба вороную прядь. – Я говорила с людьми. С Кулаком, с Колченогом, со старостой. Я осознаю, что вы для них значите. Но это не ваш лес.

Молчун смежил веки.

– Голова болит, – признался он. – После аварии у меня жуткие головные боли. Подчас не могу вспомнить, кто я и откуда. Каждый день просыпаюсь и думаю: послезавтра я ухожу. Потом вспоминаю, что уходить мне некуда.

– Есть куда, – решительно возразила Ханна. – В горах, местные называют их Чертовыми скалами, располагается Управление. В одиночку вам туда не пройти. И нам вдвоем не пройти. Но есть человек, который нас проведет. Бывалый, опытный человек, честный и мужественный. Он знает в лесу все тропы, с ним мы обойдем заслоны подруг, просочимся между ними.

– И что потом?

– Потом вас доставят на Землю.

– Вот как? – Морщины на лбу Молчуна разгладились, теперь он улыбался. – Занятно. Меня, значит, доставят на Землю. А тебя?

Ханна помедлила.

– Простите, вы из какого века? – спросила она и, заметив удивленное выражение у него на лице, поспешно добавила: – Я проведу вас и вернусь. У меня осталось здесь одно дело. Мне необходимо встретиться кое с кем. Не волнуйтесь за меня, я однажды уже побывала в гостях у этих убийц. И, как видите, уцелела.

– Убийц? – досадливо повторил Молчун. – Ты славных подруг имеешь в виду? Они не убийцы.

Ханна ошеломленно сморгнула.

– Они уничтожили деревню со всеми жителями, считайте, на моих глазах. Убили мужчин, забрали женщин. Это геноцид, понимаете? Настоящий геноцид и средневековый фашизм. Подруги уничтожают лес и истребляют людей.

Молчун невесело хмыкнул.

– Это не так, дочка, – сказал он мягко. – Подруги не уничтожают лес. Они сами – лес. Не понимаешь? Они часть его, так же, как жители деревень. Подруги – это, если угодно, мозг леса, его управляющая верхушка. Лес эволюционирует, в настоящее время он избавляется от старых, загнивающих своих частей. От рудиментов. Этот процесс неизбежен, дочка. Как и любое вытеснение устаревшего, консервативного уклада новым и прогрессивным.

Ханна решительно тряхнула головой.

– Вы ошибаетесь, – сказала она. – Никакой это не прогресс, а попросту череда жестоких массовых убийств. Резня. Продуманная, рациональная и оттого еще более жестокая резня.

Молчун поднялся на ноги.

– Время позднее, – сказал он. – Пойду спать.

Наутро над северной околицей поднялся лиловый туман. С каждой минутой он густел, набирал силу, клубами карабкался в небо.

Молчун, как и накануне, сидел, скрестив ноги, у порога своего дома. Ханна метнулась к нему, пала перед ним на колени.

– Молчун, миленький, – взмолилась она, – собирайте людей. Уводите их отсюда, всех, пока еще не поздно. В Муравейники, на Глиняную поляну, куда угодно! Поторопитесь, этой ночи деревня не переживет.

Молчун медленно, словно нехотя, кивнул.

– Что ж, – сказал он. – Допустим, я уйду и уведу людей. А ты, дочка?

– Я пойду подругам навстречу. Я думаю, да нет, я практически уверена, что среди них есть женщина с Земли. По имени, кажется, Окана.

– С чего ты взяла? – удивленно заломил седую бровь Молчун.

– У нее между ключицами одна ямочка. Так же, как у любого землянина. Я думаю, она попросту не ведает, что творит. Но я объясню ей. И с ее помощью...

– С ее помощью, – насмешливо повторил Молчун. – Если там действительно орудует эта Окана, то она – прогрессор. А значит, на стороне прогресса, понятно тебе?

Ханна вскочила.

– Я встречу с ней и поговорю, – отрезала она. – Прежде всего, эта Окана должна быть на нашей с вами стороне. На стороне Земли!

Молчун тяжело вздохнул и поднялся на ноги.

– Возьми, – протянул он скальпель. – Не думаю, что мне он еще понадобится. А тебе – вполне может.

* * *

Как обычно, облако указало им путь, хотя они и так знали, где находится Старая деревня. От нее давно было много хлопот, ночные работницы не любили ходить туда в набег, потому что женщины там были пугливые и слабые, а мужчины – упрямые, наглые и своей бессмысленной отвагой напоминающие воров. Тут восемью мертвяками было не обойтись, требовалась целая армия. Но у них и была армия. Каждое дерево, каждая мошка и каждая молекула влажного болотного воздуха были их войском в борьбе Востока и Запада, старого и нового, совершенного – и отжившего свой век. И исход борьбы был предрешен.

Город отрядил на это Одержанье десять подруг, в том числе и Соню. Нава тоже пошла – Старая деревня была когда-то ее деревней, и там, кажется, до сих пор жил ее муж. Но, конечно, Нава пошла совсем не поэтому. С тех пор как стало известно о беременности Сони, она все время крутилась рядом, старалась быть поближе, то и дело касалась округлившегося живота влажной ладошкой. Откуда-то Соня знала, что это и ее, Навино, дитя тоже. И ее, и каждой славной подруги. Просто именно Соне оказана честь помочь ему появиться на свет.

Когда они выходили, у Сони мелькнула мысль, что на Земле ее не пустили бы в оперативную работу в таком положении, сочли бы, что это слишком опасно. Но здесь никакой опасности не было. И все же старый, не до конца отмерший еще инстинкт землянки побудил Соню пристроиться в хвосте отряда. Так и другим было лучше: ее походка немного замедлилась, ни к чему задерживать остальных.

Они уже почти достигли деревни, тихой и неподвижной, – все, кто не успели оттуда уйти, спали глубоким сном. Подруги ушли вперед, а Соня замешкалась, наступив босой ногой на острый камень и оцарапав ступню.

– Ты иди, я догоню, – сказала она остановившейся Наве, и та, кивнув, без колебаний последовала за остальными. Она, как и Соня, знала, что лес не причинит подруге серьезного вреда.

Поморщившись, Соня выковыряла из ранки застрявший камешек, выпрямилась и вдруг поняла, что на нее смотрят чьи-то глаза. Не леса – к этому неотрывному взгляду она давно привыкла. Другие глаза, чужие. Чуждые. Она резко обернулась.

Среди деревьев стояли двое: рослый мужчина с дубиной на плече и миниатюрная женщина. Мужчину Соня узнала сразу: это был вор, как их называли деревенские, – один из наиболее жизнестойких атавизмов уходящего мира. Пока остальные покорно засыпали, тонули и превращались в мертвяков, эти упорно сопротивлялись, хотя и без особого успеха. Внимание Сони задержалось на нем не дольше секунды, а потом обратилось на женщину. Вот тут было на что посмотреть. Юная, худенькая, с копной растрепанных вьющихся волос, с огромными темными глазами, одновременно испуганными, просящими и дерзкими.

С одной ямочкой между ключицами. Как и у Сони.

– Окана, – сказала девушка. Это не было вопросом. – Послушай... меня. Послушай, пожалуйста, ты должна меня выслушать!

– Конечно, – мягко сказала Соня.

Девушку, кажется, обескуражила ее готовность идти на контакт. Но она мгновенно взяла себя в руки. Сделала пару шагов вперед и быстро заговорила:

– Меня зовут Ханна, я с Земли, из двадцать первого века. А ты из двадцать второго, да? Ты прогрессор?

Соня слегка прищурилась. Медленно покачала головой, не переставая мягко улыбаться.

– Ты с кем-то меня путаешь, девочка. Ты не в себе.

– Нет, это ты не в себе! – ответила та почти с яростью, но уперлась взглядом в круглый Сонин живот и запнулась. – Ты же наверняка понимаешь, что здесь происходит. И знаешь, что это надо остановить. Тебя именно за этим сюда послали, как же ты... все забыла?

Соня разглядывала ее с головы до ног, слушала ее звонкий, такой юный голос, и удивлялась тому, как остро чувствует чуждость этой девушки окружающему миру. А ведь чисто биологически у Сони с этой Ханной намного больше общего, чем с лесом. Биологически, культурологически... Двадцать первый век... Земля... Соня нахмурилась, на мгновение ощутив, как натягиваются, трещат и почти что рвутся нити, туго притягивающие ее тело и сознание к Пандоре. Земля. Прогрессоры. Эти слова когда-то что-то значили. Она здесь, чтобы остановить... выяснить... скорректировать... изучить... направить...

Антон, внезапно подумала она.

И увидела рядом с напряженной девушкой-землянкой – его, сидящего на пирсе, спустившего ноги в воду. И себя, с жалобной улыбкой протягивающую ему горсть земляники...

Которую он так и не взял из ее рук.

– Зачем ты притащила с собой этот мусор? – спросила Соня.

Ханна непонимающе взглянула на нее. Потом, чуть вздрогнув, обернулась на вора. Пока женщины говорили, тот не шевелился, но кулаки его были сжаты, и желваки перекачивались по скулам, а во взгляде, прикованном к подруге, Соня читала только одно: стремление уничтожить. И это нормально, подумала она, это тоже естественно. Он хочет убить меня, потому что знает, что само мое существование ведет к уничтожению его вида. Это нормально. В ней совсем не было к нему ненависти.

Она услышала голоса вдали, тихую, набирающую силу песню, растекающуюся в звенящем воздухе. Одержание Старой деревни началось. Ей надо было спешить.

– Идем со мной, – сказала Соня и протянула к Ханне руку.

Та отшатнулась. Начала снова что-то говорить. Но Соня не смотрела уже на нее, она смотрела на вора. На крупный, злобный экземпляр тупого животного, считавшего Ханну своей женщиной и частью своего мира. Но она не была частью его мира, эта сильная, полная

жизни девочка. Она могла бы стать частью леса, а тот, кто украл ее у леса, не желал ее отпускать.

Секунду-другую они смотрели друг на друга, а потом вор рванулся и прыгнул. Он летел на Соню, оскалившись, заноса за спину узловатую чудовищную дубину, и вдруг запрокинулся, перекрутился, сломался в воздухе, будто с ходу расшибся о невидимую преграду. Он вскрикнул, рухнул на колени, дубина выпала из ослабевших рук и покатилась в траву. Миг спустя два толстых склизких корня обвили ноги вора до бедер и рванули его вниз. Лес вряд ли стал бы так стараться ради одной подруги, но теперь она носила дитя леса в своем чреве. Соня с отстраненным любопытством смотрела, как болотистая почва разжижается на глазах, превращаясь в черную яму, и корни утаскивают хрипящего, агонизирующего вора под землю. Жижа сомкнулась над его головой и вновь стала твердой.

Соня вскинула взгляд на Ханну.

– Я же говорю. Мусор, – холодно сказала она.

Ханна ладонями зажимала рот. В ее широко распахнутых черных глазах метались ужас, горе и что-то еще, едва уловимое, тягостное.

– Дрянь, – выдохнула Ханна. – Боже мой, какая же ты дрянь.

Она вскинула руку, в мутном зеленоватом свете сверкнуло лезвие скальпеля. Это было забавно, и Соня понимающе улыbnулась, когда взгляд Ханны упал на ее живот и та на мгновение замешкалась. Этого мгновения хватило сполна.

Никто не смеет угрожать оружием лесу.

Легким, кошачьим движением Соня перехватила руку со скальпелем, ловко вывернула ее и всадила зажатое в кулаке Ханны лезвие ей в горло – точно в ямочку между ключицами.

Убивать собственной рукой в первый раз было чуть-чуть странно. Самую малость. Она вздохнула и отстранилась, оставив зарезанную девушку на траве. Крови вытекло совсем немного.

– Окана... – донеслось издали – точно шелест ветвей, точно шум бегущей воды. – О... ка... на...

– Иду, – сказала она, поворачиваясь к лиловому туману лицом. – Уже иду, мои хорошие.

* * *

– Вы вновь показали себя с лучшей стороны, – сказал Наставник. – Такие, как вы, – действительно большая редкость. Что ж, Второй круг вами пройден. С честью.

Ханна поправила автомат на плече. Второй круг, в отличие от Первого, она запомнила хорошо. И затопленные деревни, и заболоченный лес, и усталого пожилого землянина, который в этом лесу остался. И называющих себя подругами хладнокровных убийц. И истребление вплоть до полного искоренения. А еще – рослого мужественного парня со шрамом на правой щеке, который, кажется, был в нее влюблен и которого искоренила беременная красавица с Земли. Тоже, видимо, бессребреница. Наконец, Ханна помнила себя, падающую навзничь со стальным лезвием в горле.

– И что теперь? – спросила она спокойно.

– Теперь... Я собираюсь познакомить вас, можно сказать, с коллегой. Его зовут Саул Репнин, и он, как и вы, успешно одолел пару кругов. В честь его даже назвали планету земного типа. Я думаю, вам пора поработать с ним в паре. На Сауле нужны бессребреницы.

Ханна скривила губы.

– Там, наверное, люди убивают людей, – бесстрастно обронила она. – Угадала? Вижу, что угадала. Знаете что: с меня довольно. Поищите-ка бессребрениц где-нибудь в другом месте.

Перед рассветом

Людмила Белаш, Александр Белаш Перед рассветом

*«Когда заря взойдет, товарищ?» –
Вновь слышу я прямой вопрос.
Надо самим поднять, товарищ,
Солнце над изгарью пожарищ,
Вместе встав в полный рост.
Это всерьез!*

Гастон Бонер, 1967

– Совместный полет на Луну? – переспросил Джон Кеннеди.

Надо было выгадать секунд десять и осмыслить неожиданное предложение Брежнева. Умеют комми огорошить своими мирными инициативами!..

– Учитывая наши и ваши наработки, – медлительным, жующим голосом продолжал новый советский лидер, – можно уложиться года в три. Если заниматься этим врозь, расходы каждой стороны возрастут вдвое.

Он точно знал, что говорил. Парни из ЦРУ дали полное досье на него – Брежнев был секретарем ЦК КПСС по оборонной промышленности, курировал космос, в частности – подготовку к полету Гагарина.

Стоя у мраморной балюстрады, на открытом балконе, они в обществе переводчиков встречали рассвет над Карибским морем. Казалось, трудные переговоры в Гаване закончены, можно расслабиться – но у русских всегда наготове сюрприз.

Для бородатого смутьяна Кастро их встреча была настоящим подарком – обе сверхдержавы почтили его вниманием. Пора раструбить через СМИ, какой ром дегустировал Брежнев, какие сигары выбрал Кеннеди. Конец блокаде, товары Кубы вновь в продаже!

– Мы рассматриваем человечество как единое целое, – постепенно развивал Леонид свою мысль. – Без взаимодействия державы не смогут ответить на угрозу *извне*. Надо объединить усилия и выйти в космос с оружием.

– У вас есть какие-то подозрения насчет *внешних сил*?

– Факты. У вас они тоже есть. Обменявшись, мы станем больше доверять друг другу.

Ну вот, наконец-то. Как и полагал Кеннеди, «решение кубинского вопроса» было лишь предлогом для серьезной деловой беседы тет-а-тет. И первый шаг к сближению сделали комми.

«Раз они пошли навстречу – значит, сильно встревожены. А мы?.. Господи Иисусе, да я просто стараюсь не думать, что за нами следят сверху, как за цыплятами в коробке!.. Совсем не то ощущение, как «ходить под Богом». Если быть откровенным, я – президент курятника. Спасибо, что не назначенный».

– Мы готовы к позитивному ответу, – осторожно отозвался Джон.

«Третий срок мне явно не сужден. Пусть братец счастья попытает. У него, по крайности, нет шрама на пол-лица. Да и преемственность в делах он обеспечит».

Ему живо представилось, какая буря поднимется в Штатах, стоит ему заговорить о совместном проекте с Советами: «Зачем мы опять выбрали этого ирландца, бабника, сына

бутлегера, меченного, как Аль Капоне? Зачем промазал стрелок в Далласе? А мы-то плакали от жалости и умиления, когда Кеннеди шамкал нам с трибуны челюстью, сшитой проволокой!.. Долой предателя! Комми и католики – дети сатаны!»

«Интересно, – подумал он, покосившись на Брежнева, спокойно кутившего свою короткую сигаретку. – Он старше на десяток лет, а ведь мы оба фронтовики с одной войны... Оба ранены в челюсть – он нацистами, а я...»

Вспомнилось, как его на каталке везли в госпиталь. Залитый кровью, едва ворочая языком, он отдавал распоряжения, совсем не уверенный, что его понимают: «Передайте Бобу... ордера на арест управляющих Федерального резерва... это их рук дело... я приказываю – не пускать ко мне Жаклин». Пришлось повторить приказ письменно. Тот мятый листок из блокнота, с каракулями и бурыми пятнами, когда-нибудь окажется в музее, в отделе «Славная революция Кеннеди».

«...и оба мы выжили, хвала Всевышнему. Значит, мы нужны Ему. Ты одолел Хрущева, я – ФРС. У нас получилось. Что ж, Лео, попробуем еще разок? Сыграем рок в этой дыре?»

– Когда у вас это началось? – спросил он напрямик.

– В пятьдесят шестом. В Таджикистане. Тогда я возглавил оборонный сектор, а затем космическую технику. Нужен был человек с военным опытом... Если вы полагали, что ракеты предназначены только для вас – вы ошибались.

Джон покивал, стряхнув сигарный пепел в темноту. Да, Советы долго маскировались. Умельцы.

– Для нас это был сорок седьмой. Розуэлл, в Нью-Мексико.

– Наслышан. Не все удалось скрыть? – Усмешка Брежнева выглядела добродушной.

– В свободном обществе секретность – дело сложное. Они... возвращались?

– Нет. Но теперь ждать их придется всегда. Ждать и готовиться.

Внизу Гавана вяло мерцала редкими желтыми огнями, а вдали над морем разливалось могучее и необъятное сияние, предвещавшее восход солнца.

* * *

Зафырчал маленький тепловоз. Состав из четырех вагонов дернулся и пополз по задворкам Тумы – мимо торфовозного состава, вдоль череды платформ-лесовозов.

В вагончик узкоколейки, нагретый летним солнцем, набилась уйма народу – вдобавок к ягодникам, грибникам и местным села компания туристов. Целый угол завалили рюкзаками, свернутыми палатками, потеснив вещмешки-«сидоры» аборигенов. Достали гитару, и бородач в штормовке запел прошлогоднюю, теперь самую известную в походах, у костров:

Ты у меня одна,
Словно в ночи луна,
Словно в степи сосна,
Словно в году весна.

Песню подхватили хором и почти заглушили тары-бары пассажиров. Деревенские бабки, сухие и темные, словно копченые, с неодобрением поглядывали на городских девушек – ишь, стилиаги! Водолазки в обтяжку, сами в спортивных брючках, простоволосые, стыд какой.

Что касается Бориса Лозовского, то он мысленно приветствовал ребят. Пора каникул, отпусков – и научной работы! У самого вокруг Оборона ходуном ходила стайка практикантов-археологов из Ленинградского университета, чьей учебной базой числилась коммуна.

Пусть база не самая сильная, еще не вполне оборудована, но нашествие столичной молодежи заметно оживляло лесоболотную Мещеру.

Открыли окна, чтобы продувало ветерком. На разъезде, пока перецепляли тепловоз, многие сбегали к колодцу за свежей водой, а приезжие девушки нарвали цветов – плести веночки.

По привычке Борис уступил место прекрасному полу. Сумки и рюкзачок с московскими покупками поставил под ноги, задвинув под деревянный диванчик. Все-таки с шоколадом и мелкой галантереей в коммуне туговато. Опять же, книжные новинки – пока еще их в Туму завезут, да и не все доходит.

Ему недолго предстояло ехать на ногах – поезд, в этой части Мещеры единственный надежный транспорт, вскоре наполовину опустеет. Пока можно постоять, держась за спинку, послушать разговоры пассажиров с их неповторимым цокающим и чокающим говором. Даже почитать «Приокскую Правду».

Ширится-растет реформа экономики, предсовмина тов. Косыгин во главе. Опять же, семимильными шагами движется новаторское коммунарское движение. Еще сотня семей – «с высшим и средним специальным образованием», что подчеркнуто, – отправилась поднимать просторы Рязанщины. Где дремали глухие углы, ветшали неперспективные деревни – встанут новые дома, фельдшерские пункты, малые школы с обучением по радио, а в скором будущем – по телевизору. Под руководством партии – вперед, и трум-турум-тум-тум. Лепота!

Приехали тренироваться по лунной программе американцы Армстронг и Олдрин; их встретили Гагарин и Титов. Хлеб-соль, цветы, девушки в кокошниках. Не обошлось без накладок – юные пионеры спросили астронавтов, зачем в Штатах негров угнетают. Впрочем, американцы вывернулись – мол, пережиток прошлого, по капле из себя выдавливаем.

Поезд медленно шел между лесополосами, зимой прикрывавшими дорогу от снежных заносов. Кое-где заросли разрывались – за ними по обе стороны сиял прозрачный иззелена-желтый простор полей и лугов. Вдали в слабом мареве виднелись рощицы, а порою и группы домов.

На последней полосе «Приокской» внизу мелко печатали объявления о наборе в коммуны: «Приглашаем... учителя младших классов, плотника, электрика, художника-оформителя... У нас действует сухой закон». Вот как! Да, еще ищут разрядника по самбо и спеца по «охоте на лис». Спортивный уклон?

Само собой, про «Мир труда» в поселке Оборона – ни полслова, ни гугу. Таки особый профиль, заселяется приезжими с в/о, не всякого берут.

Тут Бориса *коснулся взгляд*. Такое изредка случалось после пережитого в Таджикистане, в пятьдесят шестом – физическое ощущение пристального чужого внимания. В данном случае – нетерпеливое любопытство.

Подняв глаза над газетой, он увидел, что на него смотрит девочка-подросток, в голубом платье и кофте, с повязанным по-рабочему платком на голове. Соломенная блондинка, на лицо и по складу еще дурнушка – переодеть, остричь, и с мальчуганом спутаешь, – но с таким ярким интересом в очах, с таким задорным личиком, что если запоет «Ой, мороз, мороз», то весь вагон подхватит, и бородача забудут.

– А я вас знаю, – заговорила она сквозь людской гомон и гитарный звон, – вы Борис Янович из Обороны.

– Вот как, мы знакомы? – Лозовский сложил газету, сдвинулся на полшага к сидящей.

– Я Маша Солдатова. Вы нам в школе лекцию про древности читали и про Волгу, как вы там раскопки делали.

Конечно, читал. Для коммунара это долг, а для научного сотрудника – потребность наравне с дыханием. Иметь знание и не делиться им – просто стыдно. Но в округе полдюжины школ; как упомянуть всех, кто слушал?

А на имя он улыбнулся. Женина тезка. Вырастет это нескладное жизнерадостное существо, расцветет, тоже будет Мария, чья-то любимая.

«Похоже, ровесница моему Гришке, и такая ж, должно быть, оторва».

– Тебе понравилось? – чуть склонился Борис, чтоб разговор не смешивался с соседними.

– Да, интересно так! Про городища, про холмы и клады – я и не знала, что у нас тут столько всего. И что я – куршанка, – назвавшись, Маша смутилась, отвела лицо в сторону.

«Это скромность или радость?.. Всего-то правильно назвал – не «литва головастая», не «литва некрещеная». Хотя – какая вы литва? Еще разбираться надо, откуда вас принесло».

– Такая уж народность, древняя и редкая. Хотя народы – не мой профиль, я археолог. И не очень давно занимаюсь Мещерой.

– Как же недавно, уже все разведали. Столько в земле откопали... Наши ребята в Чаруском тоже искать стали после вашей лекции, нашли винтовку и в милицию отдали, им участковый благодарностью объявил...

«Везучие мальчишки. Мне б их в поисковики. Откуда винтовка?.. – Борис представил карту окрестных рабочих поселков, кордонов, лесных и торфяных разработок. – Старый лагерь НКВД, не иначе».

– ...и я тоже рыла, на старом торфянике, но попалась одна дужка. Вот, приспособила. – Маша одной рукой выдвинула из-под лавки две авоськи. Сетки с мешочками крупы и сахара, с бутылкой постного масла были, как на коромысло, подвешены к загнутым концам бурой дужки, похожей на ручку детского ведерка. Находкой Маша распорядилась умно – у концов намотала черной тканой изолянт, чтобы ручки не соскальзывали, а середину обернула старой фланелевой пеленкой, так меньше давит на плечо.

Другой бы похвалил девочку за смекалку, а Борис замер и онемел.

Дужки с загнутыми концами были ему хорошо знакомы.

Точно такую же, держа ее рукой в рентгенозащитной перчатке, показывал ему особист. Когда сознание вернулось к нему, а врачи убедились, что состояние Бориса не внушает опасений, тотчас явились особоуполномоченные. И разговоры с ними длились чуть не месяц.

– Вы видели эти предметы на корабле пришельцев?

– Не помню... Нет. Откуда они?

– Найдены на их посадочной площадке, возле Пенджикента. Брошены или потеряны. Эти и еще другие. Три разных типа предметов.

– Оно радиоактивное или токсичное?

– Ни то, ни другое. – Особист аккуратно убрал «дужку» в металлический бокс. – Но на человека влияет. При контакте с кожей и на расстоянии до метра.

За полгода, пока он витал между беспмятством и явью, специалисты успели основательно исследовать предметы – тип-1, тип-2 и тип-3. Но выяснили не многое – например, что это не металл, а нечто вроде керамики, густо пронизанное нитями из редкоземельных элементов. Временами два последних типа порождали слабое электромагнитное поле, похожее на биотоки.

– Ржавая была? – спросил он заинтересованным тоном, стараясь ничем не выдать своего волнения.

– С наростью, вроде коржавины, – просто ответила Маша. – Сапожным ножом и наждачкой очистилось. Вам это нужно?

– Я бы посмотрел. Но не в вагоне же. Если ты сможешь приехать в Оборону...

В Оборону! Девочка даже не пыталась скрывать чувства – прямо просияла.

– Да хоть сразу. Отвезу домой продукты – и на лисапедке к вам.

Просчитать путь по времени было легко – пока поезд доковыляет до поселка Чаруский, пока Маша похвастает, что «сам ученый Борис Янович» пригласил ее в коммуны (обязательно похвастает, с типом-2 у тела-то!), пока она будет крутить педали по лесной дороге, потом разговор, а тут уже и вечер. Школьницу в одиночку ночью через лес не посылают.

– Лучше завтра, выехав пораньше. Буду ждать. Спросишь Лозовского, любой проводит.

– Она, может быть, старинная? – спросила Маша в надежде. – Еще от Баташевых?

От Баташевых, боже мой!.. Род промышленных магнатов с царских пор пропитал Мещеру темной славой, жуткими легендами – разбой, фальшивые рубли, подземные темницы... Не назови их Маша, они б и на ум не пришли. Больше всего Лозовского сейчас интересовала глубина, на которой найдена «дужка». Потому что толщина торфа – это время его развития. Полмиллиметра-миллиметр в год.

И он не удержался спросить:

– Глубоко от поверхности дужка лежала?

– Ой, да с мой рост. – Маша провела ладонью над своей макушкой. – Там большая канава, я в берегу ее, в откосе рылась.

Лихорадочно смерив ее – сидящую, – на глаз, Борис прикинул: «Полтора метра... нет, больше, метр пятьдесят пять. Шестнадцать веков. Третий или четвертый век нашей эры... Это времена мери и муромы. Здесь, где теперь леспромхоз и пилорама, завис корабль пришельцев, опустился на поляну. Вышли «пауки», стали монтировать «черные вертолеты» – быстро, умело, согласно программе. Начался отлов лосей, медведей, кабанов – всех, кто годится для коллекции Хозяев. А меряне прятались в лесу, с ужасом провожая глазами летающих чудищ... Или стреляли в них из луков?.. Нет, нет, главное здесь – что они не впервые посетили Землю в пятьдесят шестом. Как я и полагал. Передо мной вещественное доказательство. Да, где-то в эру Великого переселения. Для них мы не Америка, открытая Колумбом, а узловая станция. Полустанок, стояночный пункт. Разъезд, где они выходят из вагонов – набрать воды, прихватить овец на корм койотам, сена для овец, сорвать цветочек... Или отбор живности идет затем, чтобы оценить, как биосфера изменяется. Моя гипотеза верна?»

– Будем изучать, – подытожил он вслух.

– В газете напишут, что это я нашла?

«Тоже важное наблюдение – со времен Аттилы тип-2 свойства не утратил. Активирует, подстрекает заводить знакомства в поезде с едва известными людьми и быть непосредственной. То-то бабули на Машу косятся – с городским в ковбойке, с коммунарком, со старшим болтает как ровня. И правильно, что особисты этот тип брали перчатками из просвинцованной резины. От греха подальше».

– Сначала определимся, какой эпохе принадлежит дужка.

«...и перекопаем торфяник до сапропеля, до озерного дна! На полкилометра во все стороны! Маша, ты свой поселок осчастливила на годы – туда приедет батальон ученых в штатском».

– И в музее ее выставят? В Рязани... или в Москве?

Сжимая рукой инопланетный артефакт, она в расспросах просто удержу не знала. Без приборов не определить, «спит» тип-2 или «ожил», но Лозовский готов был поклясться, что биотоки уже молниями бегают по нитям из лантана и иттрия.

«Да и я слишком близко стою. Наверняка до меня достает. Не выболтать бы лишнего».

Чтобы отвлечься, он стал глядеть в окно.

Миновав поля, поезд углубился в густой и топкий лес. По сторонам то сплошь деревья, то лужи, плавно переходящие в озера, спящие с открытыми глазами.

Часто состав шел между лесными стенами, шурша о них боками вагонов, а когда лес разрежался, становилось видно, что он стоит на сплошном ковре пышных мхов, даже на взгляд влажных, водянистых, а порой по обе стороны от колеи блестела черная стоячая вода.

Вот болота, покрытые волнистой шерстью длинных острых трав; местами проблескивают водяные окна, а то горбится кочкарник и торчат сгнившие на корню мертвые деревца. Вон с зеркальной воды поднялись и полетели к лесу утки...

Маша немного огорчилась, что их разговор прервался, но ей и без беседы было чем себя занять.

О коммуне помечтать!

Про них столько всякого рассказывают... Взрослые, кто великий пожар в Курше пережил, лишь головами качают – видано ли, городские в самую глухомань скопом ринулись! И не от голода спастись, как в гражданскую, а дома строить, скотину разводить. Там не колхоз, совсем другой порядок. Конечно, живут небогато, но весело, с огоньком. На рынок выезжают торговать – с колхозниками наравне, теперь это свободно. Бывает, и оттуда кто сбежит, соскучившись по уюту и асфальту, но взамен другие приезжают.

Они там, в коммунах, выдумщики – свой театр устроили, по деревням с представлениями ездят, так здорово! И под гитару поют, как туристы.

У коммунаров своя школа с радио, учитель им дает уроки прямо из Рязани. Учеников всего десяток, зато дом под школу – самый лучший, весь внутри картинками украшен. Есть врач и медсестра с машиной, они и по деревням ездят, если вызовут, а не справятся – вызовут санавиацию.

А еще все они трезвые, будто сектанты. Даже курят в отведенном месте, где железный бак с песком.

Кто у них бывал, особенно из молодых, так сразу говорят: «Хочу в коммуну». Но там строго, берут после собеседования, решают на общем собрании и требуют, чтобы имел профессию. Хоть плотником, но будь.

И что самое чудное, чего старшие понять не могут – коммунары принимают к себе сами, ни в каком райисполкоме разрешения не спрашивают!

– Курша-первая, десять минут стоянка! – выкрикнула в вагон проводница.

Шумно засобирались туристы, встала и Маша, вскинув на плечо дужку с авоськами – ей пересаживаться на Чарусский, а ученому напрямик ехать, через Голованову Дачу.

– До завтра, Борис Янович! Я обязательно приеду.

– Поспешись – и к завтраку успеешь, – улыбнулся тот приветливо.

На этой станции Маше нравилось, но впереди Курша-вторая. Или третья, потому что вторую пожаром смело. Уж почти тридцать лет миновало, а мама, проезжая Куршу-2, крестится и молитвы шепчет. Иной раз и всплакнет. Ее-то вывезли, а дед с бабушкой в огне остались.

Там украдкой поднимешь глаза – среди молодых деревьев нет-нет да проглянут мертвые осины – с них спала кора, они светят тусклым белым серебром. И ветви тянут.

* * *

Не доезжая разъезда, где надо сойти – до Оборона от узкоколейки пара километров, – Борис вышел в тамбур, дождался, пока мужчина с Первомайского кордона выкурит самокрутку, и достал радифон.

Удобная вещь – помещается в ладони, весит меньше пачки масла, зато через базовую станцию в Туме вмиг соединяется с Москвой. Есть модели потяжелее, их ставят на машины милиции и «Скорой помощи», но коммунарам выделяют самые компактные. Кто передовой, тому и осваивать передовую технику.

– Добрый день, Виталий Федорович. Это Лозовский.

– Рад слышать, Борис Янович. Уже дома?

– В двух шагах. У меня новости. Похоже, наши раскопки увенчались.

Молчание. Виталий Иванов был говорун, но если начальник поискового отряда сказал «увенчались», даже такой сперва примолкнет.

- Конкретно, пожалуйста.
- Тип-два. Одна штука.
- Без сомнений?
- Даже с типичными эффектами.
- Оно у вас?
- Будет завтра, поутру.

«Если Машенька не станет слишком торопиться и ей под колесо не подвернется корень или колдобина».

– Я постараюсь выехать с автобусом Москва – Касимов... – Лозовскому почудился шорох, с которым Виталий листает выдавший виды карманный справочник «Вокзалы Москвы».

«Почему не вертолетом? Ведь победа. Успех. Я говорил вам – низины с богатой фауной, но слабо заселенные людьми. На Волге не сложилось, а в Мещере удалось. За неполных три года! Да, случайно. Но я верно выбрал место и хорошо подготовил почву. Вплоть до лекций в деревенских школах».

- ...если достану билет.
- Виталий Федорович... – почти простонал Борис. – Кто мне говорит о билетах?
- Борис Янович, я просто чиновник. Распорядитель. Вроде завхоза.
- А в Туме будете ловить попутку?
- Как получится. Кроме меня, нужен еще кто-нибудь?
- Бокс, перчатки и врач из спецполиклиники.
- Все так серьезно?..
- По крайности, заметно. Но какие меры принимать – решать вам.

* * *

Из всех сотрудников Эрмитажа у него был самый долгий больничный лист. Настолько долгий, что Маше с Гришей разрешили жить при госпитале в Подмосковье сколько потребуется. Все-таки особый случай – первый человек, побывавший в космосе, хоть и на чужом корабле. Забота, внимание и круглосуточный уход.

Что пережила Маша за полгода, пером не опишешь. Даже тем пером, которым она дала подписку о неразглашении. Потому что любимый – рослый мужчина весом под девяносто кило, – медленно таял у нее на глазах.

Для Гришки, тогда несмышленища, Виталий Иванов создал впрок легенду о том, как его папа скитался в таджикских горах две недели – без еды, воды и оружия. «И дошел до Камчатки, – с усмешкой прибавил Борис позже, – где его – холодного, голодного, небри- того, – подобрали офицеры. И не засчитали всесоюзный рекорд пешего туризма».

Так или иначе, старания военврачей тоже увенчались, и на отметке 47,5 кг пациент очнулся. По белорусской поговорке – «Как с креста снятый».

Помимо радости родных и массы новостей, Бориса ждало заключение об инвалидности. Закон есть закон. Вот эта бумага его больше всего возмутила. Какая инвалидность? Руки-ноги целы, разум ясен, впереди работы непочатый край – и при этом жить на иждивении у общества?

«Место работы, оклад – все сохранится. Получите премию. После санатория вернетесь в Эрмитаж, в свой отдел Средней Азии...»

«Послушайте... Я единственный, кто контактировал с пришельцами. Пусть даже это неживые автоматы. У меня уникальный опыт, новые знания... наконец, я ученый! Какая пре-

мия? зачем она?.. Я прошу, нет – я требую, чтобы меня включили в комиссию по делу о пришельцах. Пусть младшим научным сотрудником, пусть практикантом, но я должен посвящать себя этой теме. После всего снова заняться черепками и монетами эпохи Сасанидов – лучше б тогда не просыпаться!»

Может быть, они хотели убедиться, что он не отступит. И он настаивал. Откуда силы взялись у дистрофика? Сперва лежа, затем сидя, до изнеможения строчил докладные записки, излагал концепции присутствия пришельцев, гипотезы об их стратегии и тактике. Где-то все это читали, копировали, пересылали с фельдъегерями в конвертах с грифом «Строго секретно». После высадки пришельцев мир изменился, жить по-старому стало невозможно, пора было менять свою собственную стратегию.

«Создается новая служба – МАЭ, многоцелевая археологическая экспедиция. Хотите участвовать, Борис Янович? Разведки, раскопки, наблюдения – весь перечень полевых работ. В плане учтены и ваши записки...»

Поиск вели несколькими отрядами – Верхневолжская низменность, Псковская, Марийская, Мещерская, еще Барабинская степь в Сибири. Важных находок было множество, но – исторических, не инопланетных.

Семи лет МАЭ не исполнилось, как труды дали плоды.

Вернее, один плод, но он стоил всех усилий и затрат.

И на этой бесценной находке девчонка из Чарусского таскала авоськи с бакалейными товарами!

Не доезжая Первомайского, поезд высадил последних грибников; сошел и Лозовский. Сумки – каждая по полпуда, да и рюкзачок не легонький, но сегодня Борис ноши не замечал, а ноги сами отмахивали шаги по тропке, ведущей к мосту через Кадь.

Собственно, он и тропы под ногами почти не замечал. О таком приподнятом, летящем настроении поэты говорят – «Он шел, окрыленный». Золотой солнечный свет, зеленый блеск листвы, бодрящий ветерок с терпким духом нагретой смолы – все вдохновляло, побуждало идти быстрее, едва ли не лететь.

На душе кипело – да! да! Наша взяла! Все планы сложились, как следует, и дали результат! Значит, не зря пробивал идеи о прежних посещениях Земли пришельцами. Они были! Их не могло не быть!

Идти было всего ничего, но в груди так теснилось, так пело – а разделить радость не с кем! – что Борис стал напевать вслух:

Рулатэ, рулатэ, рулатэ, рула,
Рулатэ, рулатэ, рула-ла-ла!

Миновав бурю от торфяных соков тихую Кадь, он увидел вдали строения коммуны, представил, как будет раздавать гостинцы, и завел другую песню, больше подходящую отцу семейства с полными сумками:

Не кочегары мы, не плотники,
Но сожалений горьких нет как нет.
А мы добытчики-мешочники,
С оптовой базы шлем привет!

На щите объявлений при въезде ему попался яркий плакат ручной работы: «Премьера – комедия «Операция Ы и другие приключения Шурика», спортплощадка, в 19.00». Уже здесь! Едва в столице отгремела...

Вдоль порядка Оборона тянулись двухквартирные дома с цветущими палисадниками. Над шиферными крышами ненамного возвышалась только школа – она же клуб и зал собраний, – а над ней мачта антенны. Дать каждой коммуне любительскую радиосвязь – план партии и ДОСААФ, просто не всех сразу удастся обеспечить. На отшибе, за околицей, глухо жужжал цех топливных гранул, а от гаража слышалось прерывистое тарыхтение – похоже, не уймется ребятня, пока не смастерит свой мотоцикл на дровяном ходу. Самоделкины!

– С возвращением! С приездом, Янович! – окликали его то и дело, а девушка-практикантка, бывшая по графику стряпухой, даже напомнила Борису старое прозвище: – Добрый день, пан шеф!

Как ни хотелось ему сразу пойти домой, первым делом зашел в школьную кладовку:

– Принимайте шоколад. Где взял? Купил. Лучший, пилотский – горький, колотый. Сегодня же всей малышне на ужин по куску. А старшим – когда заслужат и на мотоцикле хоть до Курши доберутся.

– Все им сразу – и кино, и шоколад, – ворчала кладовщица. – Видели – нынче передвижка приезжает?.. Борис Янович, ну куда столько бульонных кубиков? У нас же запас.

– С археологами делиться. Я их знаю – с головой уйдут в раскоп и все забудут; спасибо, если хлеб с луком возьмут. А так – есть костерок и котелок, будет и супчик.

Облегчив сумки, к дому Борис едва не бежал. Кто-то уже сообщил Маше о его приезде, и она вышла навстречу из калитки, с улыбкой любуясь им:

– Ну, здравствуй, здравствуй, лягух-путешественник... Что нового в Москве, кого видел? Все мои посылки передал? Обед еще теплый, идем к столу. Я тебя ждала...

Только в прихожей, оставшись наедине, они поцеловались – крепко, как смолоду.

– Гришка где, в гараже? – спросил он, моя руки.

– Какое там! Увязался с практикантами в их яму... Надеешься, он в переломный возраст переломится и станет технарем? Ой, зря. От книжницы и землероя инженеры не родятся. И я стараюсь его к технике склонить, да все впустую – лирик, не физик растет. Куда вот он, скажи, пристроится в нашу эпоху железяк?..

– Пару часов назад и я так думал, – молвил Борис, вдыхая сытный запах щей. – Та же Бауманка, например... Но поверь мне, скоро археологи востребуются в разы больше...

– Уже не первый год я это слышу. Но штат МАЭ все тот же, и, кажется, ваши работы свернут. Или отдадут профильным коммунам, на самодеятельность. А после – пионерам-следопытам.

– ...или возникнет новая дисциплина – техноархеология. На стыке наук. Вот физики с лириками и помирятся. Объединятся в рамках отдельно взятой лаборатории. Да, не без склок поначалу – слишком подходы разные. Но жизнь их вынудит работать заодно.

– Мне бы твой энтузиазм. – Маша вздохнула, подперев голову рукой. – Его бог семерым нес, одному достался...

– Поделюсь, не обеднею. Могу быть даже пифией или сивиллой. Хочешь прорицание?

– Давай. Когда ты из доцента преобразишься в профессора?

– Годика через два, если дела пойдут. Я – там, наверху, – озвучил мысль о научном поселке «Мир труда». Или научно-практическом центре, называй как хочешь. Тот же Академгородок – меньшего формата, но с сильным кадровым составом. Иначе стоило ли создавать коммуну в Обороне? По-моему, это зацепило начальство.

– Если ты про Виталия, то он ловит любые идеи. Осталось найти деньги для проекта.

– Будут. Потому что...

– Было какое-то знамение? – Маша постаралась скрыть надежду за легкой иронией. – Кстати, Витя все же купил машину?

– И с гордостью мне демонстрировал.

– «Москвич»?

– «Запорожец», жучок.

– Скромничает. Хотя – тем Витя и хорош, что он без фанаберии и всякого комчванства.

Но, может, вернемся к нашим баранам? К знамениям.

– Ах да. К завтраку у нас будут гости. Двое. Первый – Виталий Иванов, ему усиленная порция...

– Он? сюда? приедет? Зачем?

– Чтобы увидеть второго гостя. Верней, гостью. Это молоденькая девушка из Чаруского. Твоя тезка, по фамилии Солдатова. Поэтому Гришку по возвращении с раскопа отловить, загнать в баню, а утром причесать и нарядить как на смотрины. А то вроде коммунар и сын доцента, а выглядит как тракторист с пахоты.

– Все чудесатее и чудесатее... Не рано ты ему смотрины затеваешь?

– Мне важна добрая и доверительная обстановка. Потому что та девочка... – тут Борис склонился к жене и зашептал ей на ухо. Вроде вдвоем в доме, не от кого таиться, однако поневоле перейдешь на шепот, когда речь о делах, перевернувших жизнь семьи Лозовских и всего мира.

Лозовским даже больше всех выпало, и тяжело. Со дня, когда Бориса высадили с корабля пришельцев, у них с Машей детей не получалось. Истощение, кому и воспаление легких организм преодолел, но осталось «еще что-то», не определенное врачами. Оставалось ждать, пока оно выйдет из тела.

Об этом Маша помнила всегда, и потому чуть побледнела от сказанного ей тайком.

– Точно?.. ты не ошибся?

– Я эти вещи накрепко запомнил. Даже во сне ни с чем не спутаю.

– Как же ты ее оставил с этой дужкой?! Я сейчас в тебе разочаруюсь. Она ходит с ней – сколько уже? – и постоянно облучается! Надо было под любым предлогом отобрать, зарыть в песке, а потом вызывать Иванова!..

– Маша, нет там никакого излучения. Доказано. Метр-полтора от тела – и тип-2 засыпает, отключается. Его влияние – только на настроение, общительность и...

Борис убеждал – и сам себе не верил. Неспроста же особисты обращались с «типами» как с изотопами. Какие опыты они с предметами пришельцев ставили, какие результаты получали – тот же Виталий умалчивал, недоговаривал, отделялся шуточками.

И еще – ему ярко помнилось *прикосновение взглядом*, случившееся в вагоне узкоколейки.

Взгляд исходил от девочки, вооруженной – да! – активным типом-2.

А он, заряженный «еще чем-то», воспринял и почувствовал его.

«Значит, когда я это раньше ощущал – я встречался с носившими тип-2? Или тип-3? Получается, дужка из Мещеры – не первая находка после Таджикистана?.. И «пауки» не случайно потеряли и не выкинули вещи, ставшие ненужными, а *подбросили*? И поступали так всякий раз, высаживаясь на Земле?»

– ...вообще я не хочу, чтобы это вносили в наш дом. Представь, она войдет, сядет с нами за стол, и мы окажемся накрыты полем дужки!

– Виталий привезет контейнер для нее.

– А врача для девочки?

– Если найдет. Сейчас все в отпусках, лето же.

– Чарусский выселять придется. – Маша вконец расстроилась.

– Вряд ли. Предметы лежат глубоко. Разве что огородить тот старый торфяник и все новые раскопы.

– В общем, надо заранее все разыграть по нотам. Чтобы дужка как можно меньше была открытой. Чем быстрее она окажется в контейнере, тем лучше. И я – именно я, – поговорю с

Виталием, чтобы он обеспечил девочке обследование и помощь, столько же, сколько получил ты.

После некоторого смятения она успокоилась, точно наметив, что и как будет делать завтра.

К вечеру ее душевное равновесие совсем окрепло, и они вместе – под руку, словно встарь по Невскому, – отправились на спортплощадку, где уже развернулась кинопередвижка и натянули экран.

* * *

Молодец Гришка, не ударил в грязь лицом перед Машенькой. Другой бы нарочно вел себя небрежно и развязно, изображая бывалого. Но он предстал Маше Солдатовой именно как Григорий Борисович Лозовский – в отца долговяз, в мать синеглаз, опрятен, причесан и вежлив. Мать втайне удивлялась – впору под стол заглянуть, куда прежний Гришка спрятался?

Приоделась и Машенька. За завтраком их с Гришей посадили рядом, так что они смотрелись, будто смычка города с селом. И очень стеснялись друг друга. Даже собственный куршанский выговор казался Маше неуместным. Она пыталась говорить как остальные, но от этого смущалась еще больше.

А связывал всех воедино и дирижировал застольем Витя Иванов – невысокий, круглый, лысоватый, головой напоминавший сказочного Колобка. Такой же улыбчивый и толстоносый, в уютных очочках с роговой оправой. Слушая, как он балагурит и сыплет прибаутками, даже Борис забывал, что этот колобок зимой сорок первого месяц стоял под Тулой, в первой линии обороны, с 156-м полком НКВД отбивая танки Гудериана.

Пожалуй, сегодня Виталий был более словоохотлив, чем обычно. Сказывалась близость дужки.

«Должно быть, ее специально в руки мне давали, – подумал Борис. – Чтобы разговорился. Но ведь и сами без защиты были...»

– Оч-чень важная находка, Машенька! – нахваливал Виталий. – Ваше участие будет обязательно отмечено, я позабочусь об этом. А как успехи в школе?

– Так... четверки... – мямлила она.

«Даже дужка не властна над волей», – мысленно поддержал ее Лозовский.

– Борис Янович, что там ваша программа по отбору перспективных школьников?

«Какая программа?» – оторопел Борис, но в ответ степенно кивнул:

– Действует по плану.

– Я бы рекомендовал внести в список Марию Солдатову. Пока она на каникулах, может съездить в Рязань, пройти собеседование. Поговорите с ее родителями?

– Хоть сегодня.

– К чему спешить? Лучше завтра. А сейчас она может ознакомиться с коммуной. Гриша, вы готовы быть экскурсоводом?

Гриша вскочил, покраснел, одернул рубашку и дал петуха:

– Да!

Так удалили от дужки сразу двоих. Едва за ними закрылась дверь, Виталий тотчас извлек металлический короб. Тогда и Машу отпустило напряжение, и Борис вздохнул спокойно.

* * *

Настоящая беседа у мужчин сложилась ближе к ночи. Машеньку уже проводили, в коммуне стихло.

Выслушав новые соображения Бориса, Виталий покивал:

– Все исследуем. Кстати, вчера внес ваш запрос насчет научного поселка. Принято – особенно в свете последних событий. Думаю, за год выстроим такой «Мир труда» – вы Оборону не узнаете...

Закурив, он пустил дымок ввысь, к звездам:

– Не думал я, что выдумки о космосе штудировать придется. Но вот читаю. В том числе переводы западной фантастики. Есть ребята, следят за новинками... Надо держать руку на пульсе, а ухо остро – *что* издадут, к *чему* исподволь готовят, куда ведут, а главное, *кто* это продвигает, наши или... Да, я бы рад был повстречаться с каллистиями, о ком Мартынов пишет. Хочется надеяться, что там, вовне – на Сириусе или еще где, – есть коммунисты, гуманисты, братья и так далее. Но даже ваша встреча с «пауками» настораживает, а уж американский опыт и подавно. Ясно одно – пока у нас есть время подготовиться. Чем мы и занимаемся все эти годы. Буквально день и ночь.

– Воевать с ними? – подавленно спросил Борис.

– Куда уж нам. Уровень слишком разный. Истребки по их «черным вертолетам» мало что не в упор били – только вмятины остались. Не атомной же бомбой их встречать! Это последний довод... Значит, в лучшем случае к нам отношение как к детям, что пуляют по танку камнями. Поэтому готовиться к войне – не главное. Тут нужна... кибернетика!

– Полагаться на ЭВМ – рискованно. По-моему, они пока несовершенны. И уязвимы.

– Я про другое – про искусство направлять, науку кормчих. Даже – «науку побеждать», как говорил Суворов. Сколько нас в СССР? По последней переписи – двести восемь миллионов. Задача состоит в том, чтобы любая группа – десяток, сотня человек, – могла действовать осознанно, самостоятельно, в интересах всех. Без понуканий и приказов свыше. Часть – как целое. Конечно, я описываю идеальный случай, но есть смысл к этому стремиться. Потому что двести восемь миллионов, вооруженные общим сознанием, способны на любой технологический рывок. Это непобедимое общество. И в верхах таки осознали, что наша цель – коммунизм. Вернее – наш единственный выход и шанс. Иного выбора нет. Или мы станем коммунарами и совершим прорыв за два-три поколения, или нас будут пасти «черные вертолеты», летающие тарелочки, кто угодно. Поймут ли это на Западе – как знать. Но мы – уже поняли и принимаем меры.

– Коммуны, – повернулся к нему Лозовский. – Коммунарское движение. Так?

– Вы же ученый, Борис Янович – рано или поздно должны были догадаться. Рассредоточение – способ минимизировать потери при атаке из космоса... А теперь, – Виталий усмехнулся, – вообразите, что вы пришли с этими догадками в журнал, в газету. Представляют, как вас там встретят? Все так просто, что поверить невозможно.

– И что же... в итоге? Общество на автопилоте?

– Все согласно Ленину. Государство отомрет или, скорее, растворится, как соль в супе. Жаль только, жить в эту пору прекрасную... – вздохнул Иванов на неоконченной цитате. – А хотелось бы увидеть сеть коммун по всей стране.

– Да, действительно, не верится.

– Это единственный вариант. Все остальные – проигрышные.

– И партия – тоже отомрет?

– А как же! Непременно отомрет, когда ей срок придет. Да вы не волнуйтесь за партию. Сами посудите – ну зачем она, если и без того все кругом коммунары.

- Все-таки должны какие-то организации остаться. Оборонная, ваша...
- *Наша*, Борис Янович. С этого момента – наша... если вы согласитесь. И вовсе не та, о которой вы подумали. То, что вам знакомо – фасад, оболочка, скорлупа, а внутри нечто новое. Нам сильно не хватает опытных ученых.
- Если не соглашусь...
- Продолжите занятия археологией. И работу в коммуне, конечно.
- Учтите, я против военных мер.
- Должен же кто-нибудь готовить мирный вариант!.. У нас три отдела. Оптимисты, кто надеется на лучшее. Пессимисты – эти рассчитывают на худшее...
- А третий?
- Реалисты. Они изучают автомат Калашникова.
- Мрачно как ночь, – буркнул Лозовский.
- За ночью следует рассвет, а перед рассветом тьма всегда сгущается.

Александр Матюхин Реальность поверженных

– Банев, несомненно, был прав, – бормотал доктор Р. Квадрига, склонившись над жестяным тазом, от которого пахло хлоркой. – Вечером пью. Утром пью. В обед страдаю. Печенью. В перерывах, значит, бесцельно прожигаю жизнь. Отвратительно. Срам.

В горле забулькало. Квадрига сдержал позывы острой утренней тошноты и в который раз дал себе обещание не пить. Совсем. Ни капли рому, виски, водки и что там еще подают в ресторане. Отвратительнейшее пойло. То есть, конечно, прекрасное в некоторых ситуациях, но только в некоторых. Например, когда следует забыться. Или, например, когда надоело смотреть на все эти рожи вокруг. Как будто в этом городе есть только один ресторан и, несомненно, только один столик, за который каждый вечер садятся одни и те же люди – граждане достойные, умные и интересные – но до чего же надоевшие! До зубовного скрежета.

Доктора Р. Квадригу все же стошнило. Но не потому, что он вспомнил про Банева, Голема и того... с блестящими пуговицами на мундире. Просто доктора тошнило каждое утро от выпитого. Это было неизбежно и умиротворяюще. Как если бы рассвет появлялся в спазмах и блевотине, но потом все равно пригревал солнечными лучами.

Хотя какой здесь, к черту, рассвет?

Ему подали полотенце. Умыли свежей водой. Одели в халат. Улыбающийся человек из прислуги принес завтрак, и доктор отведал сначала яичницу из восьми перепелиных яиц, потом творога с медом, несколько кусочков сыра и запил водой. В животе отвратно бурлило, потом стало нежно и приятно. Появилась кратковременная легкость, вместе с которой пришла легкость мыслей, и захотелось с кем-нибудь поговорить.

– Вы меня знаете? – Он поймал за локоть пробегающего человека из прислуги. Лицо человека было худое и лошеное, со следами небрежного бритья. – Позвольте представиться. Рэм Квадрига, живописец, доктор гонорис кауза.

– Знаю, – сказал небрежно бритый. – Я вас каждое утро принимаю в столовой.

– То есть вы знаете, что на завтрак я разговариваю. С вами. Или с кем-то еще. Уж точно не с мокрецами. На предмет творчества. Портретной техники, например. Вы знаете, кого я рисовал? Знаете?

– Президента, – ответил небрежно бритый. – Вы рисовали Президента. Президент на рыбалке. Президент в окружении близких. Потом этот ваш шедевр живописи – Президент целует ребенка. Мы в школе проходили.

– Значит, проходили. Хорошо. И что скажешь? – Квадрига всегда непринужденно переходил на «ты».

– Шедевр, одним словом.

– Потому что Президент?

– Потому что целует. Ребенка, – вздохнул побритый. – Красиво так целует. С какого ракурса ни посмотри.

Квадрига вздохнул:

– А если бы его целовал не Президент? Скажем, если бы его целовал я? Вышел бы шедевр? Нет. Я это и без тебя знаю. Чепуха вышла бы. Я четвертый месяц рисую автопортрет. Что с поцелуями, что без – чушь. Яйца перепелиного не стоит эта мазня. Краски перевозжу.

Картина стояла в подвале виллы, укрытая от людских глаз двойными дверьми и четырьмя замками. Во всем, что касалось творчества, Рэм Квадрига был немного параноик.

– Я почти закончил, – сказал он, нахмурившись. – Чего-то не хватает. Надрыва нет. Знаешь, что там за автопортрет? Лицо эпохи. Вот это вот рыхлое, небритое, с похмелья лицо.

Дай, думаю, тряхну стариной, как много лет назад, творчеством, понимаешь, займусь. Ну вот и тряхнул. В голове одно, на деле другое. Хочешь, покажу?

Рэм Квадрига шумно втянул носом воздух и покосился на окно. За окном не то чтобы рассвело, но черное небо окрасилось в серое. Кое-где сквозь плотное одеяло туч пробивались редкие лучи солнца. Была видна каменная терраса с фонтаном, и еще были видны забор и ворота, и прислуга и автомобиль, медленно выползающий из гаража. В особняке кипела жизнь. Вокруг Квадриги кипела жизнь. А он сидел за столом, дожевывая паштет, со стаканом воды в руке, и пытался сделать выбор: отправиться прямиком в гостиницу за ромом или макнуть, что называется, кисть в краску.

Обе мысли приводили его в состояние какого-то вялого, животного бешенства. Он ничего не мог с этим поделать. Замкнутый круг. И то и то – нехорошо. То есть совсем плохо. Картину он никогда не допишет, потому что бездарь, исчерпал талант, пропил и сдулся. И ром весь никогда не выпьет, потому что снова будет блевать, проклинать всех вокруг, забываться и путать слова. Как-нибудь его найдут на обочине, в грязи, с вылупленными в небо глазами, которые будут наполнены дождевой водой. Участь каждого, кто лобызал Президенту руки.

– Пойдем, – сказал он побритому. – Захвати паштет. Где мои тапочки? К черту халат. Зонт? Кто-нибудь видел зонт? Творчество, мой друг, это тебе не посуду мыть. Тут талант нужен. Все, кто говорят, что без творчества можно нарисовать картину – наглые вруны. Можно освоить технику, академический рисунок, тени, перспективу и даже что-нибудь нарисовать этакое, для девочек из гостиницы, чтобы они краснели и прятали глазки. Но! Запомни – но! – никогда без таланта не нарисовать что-то настоящее. Ценное. Это как честно заработать на хлеб или этот же хлеб украсть. Вроде бы один и тот же вкус, но ценители сразу определяют, какой лучше. Цитата. Запомни на будущее.

Рэм Квадрига, подрагивая всем телом, с раскрасневшимися щеками, в тапочках и одних только широких белых трусах, пересек виллу, вышел с заднего входа под дождь и широкими шагами направился к дверям в подвал. Двери были укрепленные, пуленепробиваемые, с тройной защитой и секретными замками. В подвале можно было укрыться от атомного взрыва. Еще там пахло влагой и почему-то человеческим потом.

Все это время выбритый, из прислуги, беззвучно вышагивал рядом. На лице его блуждало выражение непрерывной скуки. Он то и дело поглядывал на наручные часы.

Рэм Квадрига отпер первую дверь, дернул за ручку, остановился перед второй, дублирующей, и обнаружил, что энтузиазм пропал.

– Знаешь что, – сказал Квадрига, жуя губами. – Наверное, не покажу. Это срам. Надрыва нет. И еще она не дописана.

– Кто – она?

– Автопортрет. Лицо. Картина. Я назову ее «Обнаженная правда настоящего». Поэтично, да? Чертовски. Вы же не обидитесь, если не покажу?

Он снова перешел на «вы», из чувства неловкости. Доктор Р. Квадрига терпеть не мог кому-либо отказывать.

– Не обижусь, – отозвался выбритый, а потом зевнул. – Можно мне идти?

Квадрига замахал руками:

– Не задерживаю! Что вы, что вы. Работайте.

Внезапно он ощутил необъяснимую тревогу. Дождь сыпал с серого неба мелкими холодными каплями и обжигал обнаженное тело. Тапочки хлюпали. Картина стояла в подвале, недописанная, и спускаться к ней не было желания. Может, он зря рассказал этому побритому о своей работе? Может, следует, как принято говорить в хорошей компании, замести следы? Даже в этом городе найдутся шпионы и доносчики, которые с радостью напишут куда надо про то, что доктор Р. Квадрига переменял-де взгляды, перестал рисовать Прези-

дента и занялся подозрительной деятельностью на своей вилле. Картины рисует непонятные. Что-то там лопочет про правду. А сам – бездельник и балагур. Полез неделю назад бить морду швейцару в гостинице. Нахамил водителю. Уснул в неоплаченном номере, пьяный, полураздетый, с одним снятым ботинком. Ну разве он благонадежный? Давно спился и полез в оппозицию. Гнать его надо в три шеи из славного нашего государства. Нет больше обласканного Президентом Рэма Квадриги.

Впрочем, с похмелья чего только в голову не полезет?

Он нащупал взглядом автомобиль, стоящий у ворот. Направился к нему, растирая ладонями влагу по лицу, потом опомнился, вернулся в дом, оделся, привел себя в порядок и вышел уже под зонтом.

– В гостиницу? – спросил водитель.

– Завтракать, – ответил доктор.

На завтрак подавали блины. Рэм Квадрига не любил блины, поэтому пил ром.

В целом все было, как всегда. В ресторане гремели посудой, сновали официанты, хихикали женщины за соседними столиками, а Банев и Голем разговаривали о чем-то возвышенном тихими голосами, не требующими суеты.

Квадрига пока еще не пьянел. Приходилось скучать. Он услышал, как скрипнул стул, скосил взгляд и увидел Павора, фамилию которого никак не мог запомнить.

Санитарный инспектор был свеж, жизнерадостен, но пахло от него все равно почему-то водорослями.

– Доброе утро! – сказал Павор, вытирая руки и лицо салфетками. – Что тут у нас? Блины?

– Есть еще оладьи, говорят. С джемом, – сказал Голем.

– И ром, – сказал Квадрига.

Павор смерил его тяжелым взглядом и произнес, не повернув головы:

– Паршивая погодка. Через два квартала дорогу размыло. Фирменный конец света. Кто бы мне сказал несколько лет назад, что буду жить по уши в воде, я бы посмеялся. А теперь что? Смиренно терплю и не жалею... О чем ведем разговор, господа?

– О цели в жизни, – ответил Банев, у которого, кажется, голова всегда была полна самых разных мыслей. Писатель, одним словом.

Квадрига Баневу симпатизировал. Чувствовал в нем родственную творческую душу – тоже искаленную временем и тоже затерянную в этом дождливом и промозглом городе. Как-то Квадрига предлагал Баневу пожить у него на вилле. Во-первых, потому, что чертовски боялся одиночества, которое наступало после того, как разъезжались работники, а во-вторых, хотелось просто по-человечески поговорить с кем-нибудь интеллигентным. Не с Павором же вести беседы... Он сделал глоток и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.